

ISSN 2073-6398

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Psychology. Pedagogics. Education”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

1
2022

VESTNIK RGGU. Seriya “Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie”

RSUH/RGGU BULLETIN. “Psychology. Pedagogics. Education” Series

Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Psychology. Pedagogics. Education” Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

13.00.00 Pedagogy:

13.00.01 General pedagogy, History of pedagogy and education

19.00.00 Psychology:

19.00.01 General psychology, Personality psychology, History of psychology

19.00.05 Social Psychology

19.00.13 Developmental psychology, Acmeology

The aims and problem areas: The interdisciplinary scientific journal “Psychology. Pedagogics. Education” publishes original articles in various fields of psychology and education. The aim of the journal is to publish interdisciplinary works devoted to contemporary problems of psychological science, which are considered from different perspectives and in different paradigms. Along with articles by leading domestic and foreign scientists, the journal publishes the works of young, novice researchers. The content of the journal includes methodological works and empirical and experimental studies, as well as materials describing modern research tools.

Tasks of the magazine: Presentation of both new, relevant theoretical and empirical studies, as well as works revealing the development trends of classical psychological concepts; to promote the integration of academic and university science; stimulate the transition of scientific achievements of domestic and foreign researchers and scientists of different generations.

The journal publishes articles in Russian and English.

RSUH/RGGU BULLETIN. “Psychology. Pedagogics. Education” Series

is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information

Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61884 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73401 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8 (499) 973 44 33

e-mail: ip@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

13.00.00 Педагогика:

13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования

19.00.00 Психология:

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

19.00.05 Социальная психология

19.00.13 Психология развития, акмеология

Цели и область: Междисциплинарный научный журнал «Психология. Педагогика. Образование» печатает оригинальные статьи по различным отраслям психологии и образования. Целью журнала является публикация междисциплинарных исследований, посвященных современным проблемам психологической науки, которые рассматриваются с разных позиций и в разных парадигмах. Одновременно со статьями ведущих отечественных и зарубежных ученых, в журнале публикуются и работы молодых, начинающих исследователей. Содержание журнала включает как методологические работы, так и эмпирические и экспериментальные исследования, а также материалы, описывающие современный исследовательский инструментарий.

Задачи журнала: Представление как новых, актуальных теоретических и эмпирических исследований, так и работ, раскрывающих тенденции развития классических психологических концепций;

Способствовать развитию интеграции академической и вузовской науки;

Стимулировать трансляцию научных достижений отечественных и зарубежных исследователей и ученых разных поколений.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61884 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73401 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8 (499) 973 44 33

Электронный адрес: ip@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

T.D. Martsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*release officer*)

T.M. Marutina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.A. Kiseleva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

D.A. Choroshilov, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Neluibina, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.G. Asmolo, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.S. Guseltseva, Dr. of Sci. (Psychology), professor, PI RAO, Moscow, Russian Federation

N.V. Grishina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

E.A. Serguenko, Dr. of Sci. (Psychology), professor, IP RAN, Moscow, Russian Federation

W. Sommer, Ph.D., professor, Humboldt University, Berlin, Germany

M. Cole, Ph.D., professor, University of California, San Diego, USA

D. Verch, Ph.D., professor, University of Washington, St. Louis, USA

P. Steiner, Ph.D., professor, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

A. Vio, Ph.D., professor, National Center for Scientific Research, Bordeaux, France

M. Denn, Ph.D., professor, Michel Montaigne University, Bordeaux, France

Executive editor

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Т.Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.Р. Орестова, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Т.М. Марютина, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.А. Киселева, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д.А. Хорошилов, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Нелобина, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Г. Асмолов, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская федерация

М.С. Гусельцева, доктор психологических наук, Психологический институт РАО, Москва, Российская Федерация

Н.В. Гришина, доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Е.А. Сергиенко, доктор психологических наук, ИП РАН, Москва, Российская Федерация

В. Зоммер, Ph.D., профессор, университет Гумбольдта, Берлин, Германия.

М. Коул, Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего, США

Д. Верч, Ph.D., профессор, Вашингтонский университет, Сент-Луис, США

П. Штайнер, Ph.D., профессор, Университет Пенсильвании, Филадельфия, США

А. Вио, Ph.D., профессор, Национальный центр научных исследований, Бордо, Франция

М. Денн, Ph.D., профессор, Университет им. Мишеля Монтеня, Бордо, Франция

Ответственный за выпуск

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Contents

From the editor	10
-----------------------	----

Thematic reports

Marina S. Guseltseva

Man and the world in a situation of change: a transdisciplinary approach	12
---	----

Empirical research

Tatyana P. Emelyanova, Eva N. Vikentieva

Experience of job loss by pre-retirement age specialists	35
--	----

Ekaterina M. Dubovskaya, Victoria A. Baranova

The attitudes of teachers to the educational process and their perception of the school as factors of psychological safety	49
--	----

Margaret M. Konchalovskaya, Natalya I. Yurchenko

Features of the identity of representatives of the three professional communities in the process of socialization	63
---	----

Tatiana V. Ryabova, Oksana E. Kholodova

Association of psychological features and professional burnout syndrome among employees of pharmaceutical companies	85
---	----

Olga V. Grebennikova, Anna N. Ayanyan

Features of positive socialization and virtual communication among modern youth in a situation of transitivity	99
--	----

Vasilisa R. Orestova, Olga S. Philippova

The differences in the psychological characteristics of people with problematic and adaptive Internet use	119
--	-----

Oksana V. Baskaeva

Locus of control in the system of personal characteristics of youth: a sibling context 134

Asya S. Berberyan, Anahit O. Oganessian

Interrelation of psycho-emotional characteristics and value orientations of students in the perception of cinema in a pandemic 148

Содержание

От редактора 10

Тематические сообщения

М.С. Гусельцева

Человек и мир в ситуации изменений:
трансдисциплинарный подход 12

Эмпирические исследования

Т.П. Емельянова, Е.Н. Викентьева

Переживание потери работы специалистами предпенсионного
возраста 35

Е.М. Дубовская, В.А. Баранова

Установки учителей к образовательному процессу
и их представления о школе как факторы психологической
безопасности 49

М.М. Кончаловская, Н.И. Юрченко

Особенности идентичности представителей трех
профессиональных сообществ
в процессе социализации 63

Т.В. Рябова, О.Е. Холодова

Связь психологических особенностей и синдрома
профессионального выгорания у сотрудников
фармацевтических компаний 85

О.В. Гребенникова, А.Н. Аянян

Особенности позитивной социализации и виртуальной
коммуникации у современной молодежи
в ситуации транзитивности 99

<i>В.Р. Орестова, О.С. Филиппова</i> Различия психологических характеристик людей с проблемным и адаптивным использованием сети Интернет	119
<i>О.В. Баскаева</i> Локус контроля в системе личностных характеристик молодежи: сиблинговый контекст	134
<i>А.С. Берберян, А.О. Оганесян</i> Взаимосвязь психоэмоциональных особенностей и ценностных ориентаций студентов при восприятии кино в условиях пандемии	148

От редактора

Дорогие коллеги, представляю первый в этом, 2022 году, номер нашего журнала. Этот выпуск открывается очень важной для современной психологии теоретико-методологической статьей М.С. Гусельцевой. Значимость этой работы определяется анализом изменений, происходящих в картине мира современных людей. Этот анализ разнообразных концепций происходящих трансформаций объединяет трансдисциплинарный подход, достоинства которого наглядно демонстрируются автором.

Современный контекст развития человека в изменчивом мире представлен в большей или меньшей степени во всех статьях данного номера. Исследование Е.П. Емельяновой и Е.Н. Викентьевой посвящено крайне актуальной проблеме тревоги, связанной с переживаниями потери работы. Тема, поднятая авторами, важна не только для людей предпенсионного возраста, но и для людей других поколений, а потому результаты и выводы, сделанные исследователями, представят интерес и для практических психологов. Крайне важной для теории и практики и статья Е.М. Дубовской и В.А. Барановой, посвященная проблемам взаимоотношений учителей и учеников в контексте проблемы психологической безопасности. Особенно значимым представляется выявленные установки на содержание взаимодействия с учениками у преподавателей с большим стажем педагогической деятельности.

Проблеме профессионального выгорания, также довольно часто встречающегося в последнее время, посвящена статья Т.В. Рябовой и О.Е. Холодовой. Особенно интересны приведенные авторами данные о связи проактивного копинга, психологических защит и степени выгорания.

Проблема идентичности остается одной из важнейших и в настоящее время. Поэтому данные, приведенные в статье М.М. Кончаловской и Н.И. Юрченко о связи профессиональной, личностной, социокультурной и лингвистической идентичности студентов имеют большое значение для прогнозирования и личностного, и профессионального становления молодых людей.

Актуальной современной тематике, связанной с поведением пользователей в сети интернет, посвящены статьи В.Р. Орестовой и О.С. Филиповой и О.В. Гребенниковой и А.Н. Аянян. В них исследовались адаптивные и неадаптивные стратегии использования Интернета, а также связь между социализацией и виртуальной коммуникацией. В статье О.В. Баскаевой приводятся интересные данные о специфике индивидуально-личностных характеристик сиблингов, а в статье А.С. Берберя, А.О. Оганесян раскрывается специфика переживаний молодых людей при выборе кинофильмов в период пандемии.

From the editor

Dear colleagues, I'm glad to present the first issue of our journal in this 2022 year. This volume opens with a theoretical and methodological article by M.S. Guseltseva. The significance of this work is determined by its theme - the analysis of the changes taking place in the world-image of modern people. This analysis of various concepts of ongoing transformations combines a transdisciplinary approach, the advantages of which are clearly demonstrated by the author.

The modern context of human development in a changing world is presented to a greater or lesser extent in all articles of this issue. Research by E.P. Emelyanova and E.N. Vikentieva is devoted to the extremely urgent problem of anxiety associated with the emotional experience of losing a job. The topic raised by the authors is important not only for people near retirement age, but also for people of other generations, and therefore the results and conclusions made by the researchers will be of interest to practical psychologists. Extremely important for theory and practice and the article by E.M. Dubovskaya and V.A. Baranova, devoted to the problems of relationships between teachers and students in the context of the problem of psychological safety. Particularly significant is the identified attitudes towards the content of interaction with students among teachers with a long experience in teaching.

The problem of professional burnout, which is also quite common in recent years, is the subject of an article by T.V. Ryabova and O. E. Kholodova. Particularly interesting are the data presented by the authors about the relationship between proactive coping, psychological defenses, and the degree of burnout.

The problem of identity remains one of the most important at the present time. Therefore, the data presented in the article of M.M. Konchalovskaya and N.I. Yurchenko about the connection between the professional, personal, socio-cultural and linguistic identity of students are of great importance for predicting both the personal and professional development of young people.

Current modern topics related to the behavior of users on the Internet are devoted the articles by V.R. Orestova and O.S. Filipova and O.V. Grebennikova and A.N. Ayanyan. They explored adaptive and non-adaptive strategies for using the Internet, as well as the relationship between socialization and virtual communication. In the article by O.V. Baskaeva is provided interesting data on the specifics of the individual-personal characteristics of siblings, and in the article by A.S. Berberya, A.O. Oganessian authors reveal the specifics of the emotions of young people when choosing movies during a pandemic.

Тематические сообщения

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-12-34

Человек и мир в ситуации изменений: трансдисциплинарный подход

Марина С. Гусельцева

*Психологический институт РАО,
Москва, Россия, mguseltseva@mail.ru*

Аннотация. Проблема изучения трансформаций современности актуальна сегодня в психологии и социальных науках. Наиболее фундаментально изменения человека и мира рассматривались в международной антропологии, начиная со второй половины XX века. На конкретно-научном уровне методологии здесь разрабатывались исследовательские стратегии и возникали новые направления – антропология современного, антропология глобализации, антропология будущего. На общенаучном уровне методологии инструментом изучения трансформаций человека и мира выступает трансдисциплинарный подход, интегрирующий исследования психологии и социальных наук. При этом трансдисциплинарность проявляется в наши дни не только как осознанная методологическая стратегия, но и как стихийная практика в проблемно-ориентированном познавательном пространстве. Вопросы становления идентичности, социализации подрастающих поколений, развитие личности в условиях глобализации и в ситуации изменений составляют сегодня общее проблемное поле психологии, антропологии и иных социальных наук. Психология в этом познавательном контексте способна расширить горизонт представлений о человеке и мире, в том числе посредством рецепции современных антропологических концепций. Одна из проблем, которая рассматривается сегодня и в психологии, и в социологии, и в антропологии, – это столкновение в одном социокультурном пространстве разных ценностей, образов жизни и картин мира. Обсуждаемые в контексте социальных наук особенности социализации в условиях современности объединены трансдисциплинарным подходом, который, интегрируя эти исследования на общенаучном уровне методологии, на конкретно-научном уровне выявляет антиномии простоты и сложности, общности и различий, постоянства и изменений, структур и процессов. Нормативное разнообразие вводится как конструкт, отражающий представление о многомерном характере социализации в со-

временном обществе, характеризующемся повышенной социокультурной мобильностью, феноменами креолизации (культурного смешивания), диверсификацией жизненных стратегий.

Ключевые слова: трансдисциплинарный подход, психология, социальные науки, антропология, человек и мир, современность, глобализация, жизненные стратегии

Для цитирования: Гусельцева М.С. Человек и мир в ситуации изменений: трансдисциплинарный подход // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 1. С. 12–34. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-12-34

Man and the world in a situation of change: a transdisciplinary approach

Marina S. Guseltseva

*Psychological Institute of the Russian Academy of Education,
Moscow, Russia, mguseltseva@mail.ru*

Abstract. The problem of studying the transformations of modernity is relevant today in psychology and social sciences. The most well-founded changes in man and the world were considered in international anthropology, starting from the second half of the twentieth century. At the specific scientific level of methodology, research strategies were developed here and new directions arose – anthropology of contemporary, anthropology of globalization, anthropology of the future. At the general scientific level of methodology, the instrument for studying the transformations of man and the world is a transdisciplinary approach that integrates the studies of psychology and social sciences. At the same time, transdisciplinarity manifests itself today not only as a conscious methodological strategy, but also as a spontaneous practice in a problem-oriented cognitive space. The issues of identity formation, socialization of the younger generations, personal development in the context of globalization and in a situation of change constitute today the general problem field of psychology, anthropology and other social sciences. Psychology in this cognitive context is able to expand the horizon of ideas about man and the world, including through the reception of modern anthropological concepts. One of the problems that is being considered today in psychology, sociology, and anthropology is the clash in one socio-cultural space of different values, lifestyles and worldviews. Discussed in the context of the anthropology of contemporary, the forms of socialization are united by a transdisciplinary approach, which, integrating these studies at the general scientific level of methodology, at the specific scientific level, reveals the antinomies of simplicity and complexity, commonality and differences, constancy and

change, structures and processes. Normative diversity is introduced as a construct that reflects the idea of positive socialization in modern society, characterized by increased sociocultural mobility, creolization (cultural mixing) phenomena, and diversification of life strategies.

Keywords: transdisciplinary approach, psychology, social sciences, anthropology, man and the world, modernity, globalization, life strategies

For citation: Guseltseva, M.S. (2022), "Man and the world in a situation of change: a transdisciplinary approach", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 12–34, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-12-34

Введение: постановка проблемы

В условиях современной модели познания, отличающейся транснациональностью и трансдисциплинарностью, с одной стороны, между социальными науками трудно провести четкие дисциплинарные границы, с другой, – именно на стыке разных наук рождаются новые исследовательские направления. В этой ситуации одни и те же феномены могут быть рассмотрены с позиции различных дисциплинарных перспектив, приобрести в этих контекстах собственные названия, породить оригинальную терминологию, однако оставаясь при этом сквозными исследовательскими проблемами. К последним относятся вопросы становления идентичности, социализации подрастающих поколений, развития личности в ситуации текущих изменений и т.п. Все эти вопросы так или иначе рассматриваются сегодня в психологии, социологии и антропологии, образуя в итоге общее проблемное поле.

Проблема изменений человека и мира, актуальная сегодня для психологии и других социальных наук, наиболее фундаментально разрабатывалась в международной антропологии, начиная со второй половины XX века. В связи с вышесказанным цель данной статьи – обсудить антропологические направления, связанные с проблемами изучения человека и мира в ситуации изменений в концептуальных рамках трансдисциплинарного подхода, а также раскрыть методологический потенциал антропологии современности для психологических исследований.

Человек и мир в ситуации перемен: антропология современности

Обсуждение проблемы изменений человека и мира в контексте антропологии современности необходимо предварить несколькими замечаниями. Во-первых, под антропологией здесь понимается международная антропология (international

anthropology), рассматривающая сегодня весь мир в качестве своего исследовательского поля [Hannerz 2010]. Во-вторых, антропология в рамках данной статьи предстает, прежде всего, как *наука о разнообразии человека* в социокультурных аспектах его бытия, осмысливающая меняющиеся способы его существования в современном мире [Леви-Стросс 2016; Eriksen, Nielsen 2013].

Одним из направлений, изучающим сегодня эти изменения, а также особенности трансформаций человека и мира, является *антропология современности*. В широком смысле слова антропология современности может быть представлена как совокупность трансдисциплинарных исследований, затрагивающих вопросы развития человека в мире, включая стратегии изучения феноменов современности посредством антропологических и этнографических методов [Гусельцева 2021a]. В узком смысле слова антропология современности разрабатывалась как отдельные исследовательские проекты американского антрополога П. Рабиноу (Paul Rabinow 1944–2021) и французского антрополога М. Оже (Marc Augé, р. 1935) [Augé, Colleyn 2019; Rabinow 2008].

Если рассматривать антропологию современности в качестве методологического горизонта психологической науки, то основные принципы антропологического подхода в психологии могут быть сформулированы следующим образом.

(1) *Принцип целостности в изучении человека и мира*. Так, приращий антропологии холический принцип способствует широкой интеграции психологических исследований, к тому же антропологический подход предполагает «насыщенное описание» (thick descriptions) текущих трансформаций человека и мира [Рагозина 2021].

(2) *Принцип контекстуальности – «игра» множества контекстов, определяющих текущее состояния человека и мира*. Значимость для антропологии анализа культуральных контекстов резонирует сегодня с идеей контекстуальности в психологии, которая особенно ярко разрабатывается в последние годы петербургскими психологами [Гришина 2008; Гришина, Костромина 2017].

(3) *Принцип процессуальности – непрерывные взаимодействия, происходящие между человеком и миром*. Акцент на процессуальности демонстрирует, что человек и мир – не стабильные структуры или состояния, а феноменологическая реальность, находящаяся в постоянстве изменений [Психология личности 2019]. Этот принцип также сближает сегодня психологические и антропологические исследования.

В целом же потенциал антропологического подхода в психологии обусловлен трансформациями современности, заставляющими искать новые методологические стратегии для изучения текущих изменений. Одним из релевантных инструментов анализа здесь все чаще рассматривается трансдисциплинарный подход, который не только интегрирует различные исследования поверх дисциплинарных барьеров, но и освобождает ученых от концептуальной предвзятости, сформированной жесткими рамками специализаций. Широкому обсуждению этих проблем посвящена книга «Дизайны для антропологии современного», представляющая семь тематических бесед между ведущими антропологами, работающими в проблемном поле антропологии современности – это П. Рабиноу, Дж. Маркус, Дж. Фобьон и Т. Рис [Rabinow et al. 2008]. В ходе диалогов собеседники пришли к консенсусу, что «антропология ... не может выйти на новую территорию, пока она придерживается концепций и методов, более не подходящих для понимания современных проблем» [Rabinow et al. 2008, p. 10]. При этом разработку антропологии современности является методологическим ответом на вызовы локальных и глобальных трансформаций человека и мира.

В свою очередь, шведский антрополог У. Ханнерц (Ulf Hannerz, p. 1942), один из основателей *антропологии глобализации*, отмечал, что современная антропология изучает человека повсюду, пытается понять разнообразие стилей его жизни, способов мышления и меняющихся условий существования. В результате произошедших в этой науке во второй половине XX в. методологических поворотов антропологи смотрят сегодня на мир, представляя его состоящим из множества полей, реальных и виртуальных экспериментальных площадок. Современная антропология трансдисциплинарна и транснациональна. «Эта дисциплина касается всего человечества... и ...она извлекает выгоду из разнообразия взаимодействующих точек зрения» [Hannerz 2010, p. 10].

Хотя проблемы идентичности, трансформации ценностей, развития личности в ситуации изменений образуют сегодня общее концептуальное поле социальных наук, особое внимание и в психологии, и в антропологии вызывает *взросление в ситуации быстрых перемен*. Если психология фокусируется на особенностях социализации подрастающих поколений, то антропологический взгляд в большей степени обращается к целостному человеку в неразрывной связи с окружающей средой и текущими изменениями мира. Норвежский антрополог Т.Х. Эриксен (Thomas Hylland Eriksen, p. 1962), анализируя состояние современности, ввел конструкт «перегретый мир» [Eriksen 2016], побуждающий под новым углом зрения пересмотреть особенности социализа-

ции и становления идентичности в условиях транзитивного общества [Марцинковская 2015], в ситуации стремительных изменений [Eriksen 2016].

Согласно Т.Х. Эриксену, ускорение социокультурной мобильности затрагивает в наши дни разные сферы жизни: от туризма до миграции, от международного сотрудничества до проникновения интернета в частные домашние пространства. Этими процессами обусловлены как глобальные, так и локальные трансформации человека и мира. Представители социальных наук описывают эти процессы посредством различных концепций, ощупывая пресловутого слона¹ с разных сторон – обращаясь к диверсификации сообществ, анализу когнитивной простоты и сложности, поляризации консервативных тенденций и запросов на перемены, дифференциации ценностей безопасности и ценностей саморазвития [Инглхарт 2018; Крастев 2018; Юдин 2020]. Однако рассмотренные с позиций антропологии современности в концептуальных рамках трансдисциплинарного подхода эти процессы образуют общее проблемное поле.

*Трансформации современности:
диффузия и диверсификация социальных групп*

При осмыслении в социальных науках, прежде всего, в психологии и антропологии, быстроты изменений, с одной стороны, на передний план выходят общие методологические проблемы, с другой – происходит ревизия представлений о человеке и мире.

Так, упомянутое выше ускорение социокультурной мобильности заставило антропологов поставить под сомнение привычную связь между сообществами и местами их географической локации. В связи с этим возник новый конструкт – «глобально рассредоточенные группы» [Eriksen, Nielsen 2013]. Т.Х. Эриксен и Ф. Нильсен отмечают, что антропологи сегодня вынуждены изучать диффузные сообщества, представители которых разбросаны по разным регионам мира [Eriksen, Nielsen 2013].

«Это ускорение социокультурной мобильности во всех традиционных этнографических регионах заставило многих антропологов переосмыслить часто воспринимаемую само собой разумеющейся связь между группами людей и ограниченными географическими местностями, к которым они “принадлежат”. Вся концепция ми-

---

¹ В вариациях индуистской, джайнской, буддистской, суфийской интерпретаций существует притча о том, как незрячие мудрецы ощупывали отдельные части слона – бивень, хобот, ноги, хвост – и давали разные описания, что слон собою представляет.

роустройства нуждается в переосмыслении, поскольку антропологи все чаще изучают глобально рассредоточенные группы такие, как беженцы и мигранты, работники транснациональных компаний или интернет-сообщества» [Eriksen, Nielsen 2013, с. 201].

Наряду с диффузией социальных групп происходит поляризация сообществ и самоопределение по оси «нативизма» и «глобализма» [Крастев 2018], «патриотизма» и «космополитизма». Космополитизм, воспринимаемый прежде как мировоззрение и элитарный жизненный стиль малых групп, становится в наши дни повседневным (хотя и не всегда осознаваемым) опытом одних сообществ и в то же самое время выходит за рамки представлений о социальной нормальности в других сообществах.

«Призыв мыслить, как гражданин мира, во многом тревожен и неудобен, а нередко просто рискован. Требуется покинуть комфорт патриотизма, сплавленного из самых простых, наивных, даже где-то примитивных первобытных чувств, взглянуть на мир и собственную жизнь с точки зрения универсальных констант блага, добродетели и справедливости» [Кузнецова, Кузнецов 2015].

В исследовательском проекте «Образ будущего глазами молодежи: неравенство и мобильность» обнаружили такие характеристики молодых россиян, как аполитичность, эгалитарность, космополитизм и рост субъектности. Последний выразался в осознании личной ответственности за развитие и повышение собственного социального статуса (Юдин, 2020).

«В исследуемой группе весьма высоки миграционные настроения. Хотя обсуждаются как внутристрановая миграция (в первую очередь, в Москву или Петербург), так и миграция за рубеж, внешняя миграция рассматривается с заметно большим энтузиазмом. Временное пребывание за рубежом (стажировка, обучение, работа) фигурирует практически во всех жизненных проектах. Реже упоминается переезд на постоянное место жительства; однако эта тема также обсуждается в связи с планами на будущее. При этом различие между постоянной и временной миграцией респонденты обычно не проводят. Это свидетельствует о том, что интерес к жизни за рубежом формируется в повседневном формате, благодаря включенности в глобальные медиапотоки, в транснациональные субкультурные течения (например, k-поп формирует интерес к Южной Корее). Стремление получить опыт жизни за рубежом является естественным продолжением этой обыденной культурной жизни» [Юдин 2020].

Наряду с диверсификацией сообществ, следует обратить внимание и на возникающие в современности различные интерпретации ценностей безопасности и ценностей развития. Дело заключается в том, что ценности безопасности отражают сегодня не только установки консерватизма или сопротивление переменам, но и тенденции гуманизации, повышение общей ценности жизни и ее качества. В этой связи Р. Инглхарт ввел конструкт «экзистенциальная безопасность» [Инглхарт 2018, с. 20].

«Беспрецедентный уровень экономической и физической безопасности привел к глубоким межпоколенческим культурным изменениям, трансформировавшим ценности и мировоззрение людей; произошел сдвиг от ценностей материализма к ценностям постматериализма, который, в свою очередь, стал частью еще более глобального сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Эти широкие культурные изменения связаны со сменой главных жизненных приоритетов: от экономической и физической безопасности и подчинения групповым нормам – к росту значимости индивидуальной свободы и возможности выбора жизненной стратегии. <...>. Этот культурный сдвиг принес масштабные социальные и политические изменения, от политики охраны окружающей среды и антивоенных общественных движений до более высокого уровня гендерного равенства в правительстве, бизнесе и академической жизни, а также распространение демократии» [Инглхарт 2018, с. 20–21].

В оптике социальных наук проблемы изменений, диффузии и диверсификации сообществ осмысливаются с точки зрения того, каким образом в одном социокультурном пространстве сегодня встречаются, соприкасаются и конкурируют разные опыты социальности, модели жизнестроительства и практики производства идентичности.

С методологических позиций трансдисциплинарный подход к изучению изменений человека и мира высвечивает в этой ситуации как минимум две проблемы. С одной стороны, происходит крах традиционных представлений: например, единого хронотопа современности или логики жизни – «где родился, там и пригодился». С другой стороны, имеет место ментальное отставание и даже сопротивление отдельных социальных групп происходящим или уже случившимся изменениям. Если прежде поколения с разными жизненными стилями и ценностями сменяли друг друга относительно плавно, то сегодня современность – это пространство, наполненное сообществами, которые нередко придерживаются полярных картин мира. Сама по себе быстрота изменений выступает в качестве фактора, принуждающего чело-

века к трансформациям образа жизни и ревизии сложившихся представлений. Однако субъекты не всегда обладают для этого ресурсами необходимых компетенций. Все это в целом создает ситуации социально-психологического напряжения даже в наиболее благополучных регионах земного шара.

Предлагаемый нами конструкт *нормативное разнообразие* отражает как явные, так и менее отрефлектированные жизненные стратегии личности в сложном и переживающем трансформации обществе [Гусельцева 2021b]. Например, в пространстве современности диверсификация стилей жизни проявляется в амбивалентных и антиномичных тенденциях, где, наряду с глобальным ускорением социокультурной мобильности, в локальных пространствах повседневности распространены практики сознательного замедления. Они реализуются как в качестве осознанного отношения к жизнестроительству со стороны отдельных индивидуумов, так и в разного рода малых культуральных движениях – от медленной еды до медленной науки [Гусельцева 2021b]. Малые культуральные движения, как и «глобально рассредоточенные группы» [Eriksen, Nielsen 2013] становятся основными субъектами нормативного разнообразия. В антропологии, как мы увидим ниже, эти процессы обсуждаются посредством концепций креолизации [Eriksen 2003; Hannerz 1992].

Норвежский антрополог Т.Х. Эриксен, описывая ситуацию современности, прибегает к метафоре *несоответствия «старых карт» и «новых территорий»* [Anthropology 2015]. Так, одни группы сфокусированы на старых картах, тогда как другие – на изменившихся территориях. Социальная мобильность и процессы креолизации (культурного смешивания) создают психологические разрывы между представлениями, сложившимися на основе предыдущего опыта, и новой реальностью, где карты – как физические, так и когнитивные – более не отражают изменившиеся территории. Старые карты продолжают репрезентировать мир как образ обособленных «культурных островов», жители которых воспроизводят свои традиции, а между островами относительно мало контактов. «Ориентироваться в сегодняшнем мире по такой карте чрезвычайно сложно. Интеллектуальное сообщество работает над пересмотром этой карты. Хотя политики нередко и выбирают простые пути: изменить территорию так, чтобы она соответствовала старой карте, – это антропологически опасные решения» [Anthropology 2015, p. 26].

Показательными примерами старых карт в условиях современности служат политика мультикультурализма, а не трансгло-

бализма², импортозамещение, а не развитие транснациональной экономики, конкуренция, а не сотрудничество стран в ситуации пандемии. Так, антрополог Т. Рис (Tobias Rees) отмечает, что одним из его недавних разочарований оказалась неготовность мировых элит осознать себя единым человечеством перед глобальными вызовами. С позиции антропологии современности Т. Рис был убежден, что релевантным ответом на вызов пандемии COVID-19 могла бы стать не изоляция, а сотрудничество, ведь, если основной вызов происходил со стороны природы, то политический выбор определялся человечеством. В этом случае, как часто бывает, политическое мышление оказалось менее дальновидным и более ограниченным, нежели мышление антропологическое [Rees 2020].

Таким образом, важной задачей антропологии современности становится разработка новых карт для релевантного освоения новых реальностей – не только политиками, но и самими учеными. На психологическом же языке феномен несоответствия «старых карт» и «новых территорий» подлежит интерпретации в понятиях неадекватности картины мира человека (и социальных групп) жизненной реальности. Осмысление подобного рода ситуаций не только сближает психологию и антропологию на основании общего проблемного поля, но и демонстрирует необходимость разработки моделей позитивной социализации и консенсусных образов будущего для снижения в мире социального и психологического напряжения.

*Антропология глобализации:
новые методологические стратегии*

В ответ на обозначенные выше вызовы в антропологии второй половины XX века возникали новые исследовательские направления. У истоков одного из них стоял шведский антрополог Ульф Ханнерц (Ulf Hannerz, р. 1942) – пионер этнографических исследований городского пространства, разработчик новых методологических стратегий [Anthropology 2015]. У. Ханнерц предвосхитил актуальные трансформации человека и мира, одним из первых определил современность в категориях культурной сложности [Hannerz 1992], предложил методологический инструментарий для овладения подвижными, сложными и раз-

---

² С позиции антропологии глобализации, изучающей процессы креолизации и сознательного культурного смешивания, мультикультурализм рассматривается сегодня как разновидность «мелкого национализма» [Eriksen, 2007, р. 173], в то время как для позитивного развития общества между трансглобализмом (поддержкой общечеловеческой идентичности) и мультикультурализмом (сохранением самобытной идентичности) необходим баланс.

нообразными социокультурными феноменами [Hannerz 2010; Hannerz 2016]. Одна из его программных статей называлась «Потоки, границы, гибриды – ключевые понятия транснациональной антропологии» [Hannerz 1997]. Согласно У. Ханнерцу, гуманитарная миссия антропологии заключена в «осознании человечества как взаимосвязанного, но разнообразного целого» [Hannerz 2010, p. 9]. В своих работах он неоднократно отмечал, что «глобальные процессы всегда имеют локальные последствия» [Eriksen 2013, p. 215], а также доказывал, что глобализация не отменяет культуральное разнообразие, ибо под ее воздействием происходит смешивание культур (креолизация) как органичный процесс, порождающий инновации [Hannerz 1992].

С позиций процессуальности – потоков и процессов, а не стабильных структур – У. Ханнерц переосмыслил и понятие культуры. Для понимания динамического смешивания разных традиций и того механизма, посредством которого человек осознанно творит свою идентичность, он ввел термин «культурная креолизация» [Hannerz 1992]. Именно глобализация, согласно У. Ханнерцу, создает «культурных креолов» – людей, производящих идентичности собственными усилиями.

«Креолизация рассматривается как процесс, посредством которого благодаря контакту возникают новые общие культурные формы и новые возможности для общения. Он подчеркивает открытый, гибкий и неограниченный характер культурных процессов, в отличие от представления о культурах как ограниченных, стабильных системах коммуникации» [Eriksen 2007, p. 166]. «Глобализация создает “культурных креолов”, людей, живущих на пересечении различных культурных традиций, постоянно подвергающихся бомбардировке импульсами, ожиданиями, требованиями и возможностями с разных сторон и ...создающих себя не по готовым рецептам, а путем творчества собственной уникальной сложной культурной ткани» [Anthropology 2015, p. 26].

Концепция креолизации стала аналитическим инструментом, который используется антропологами при изучении социокультурно сложных сообществ [Hannerz 1992]. Термин «креолизация» позволил выделить особенности культуральных процессов, получивших широкое распространение в нынешнюю «эпоху ускоренных коммуникаций и демографической мобильности» [Eriksen 2007, p. 173]. Т.Х. Эриксен отмечает, что в ситуации современности, где сосуществует множество процессов смешивания, для понимания их сути необходима прежде всего терминологическая точность.

«Различные части культурной среды и жизненного мира людей подвергаются влиянию извне с разной скоростью и в разной степени. Иногда люди остро осознают изменения, происходящие в их непосредственном окружении, и принимают меры, чтобы их остановить, усилить или направить в желаемом направлении. В других случаях люди могут не осознавать эти процессы, даже если зарубежные влияния и смешение культур серьезно изменяют их жизненную среду. Это те сложности современных культуральных процессов, которые необходимо распутать, если мы хотим добиться успеха в их точном изучении» [Eriksen 2007, p. 173].

В эссе «Потоки, границы и гибриды» У. Ханнерц обсуждал необходимость разработки новой терминологии, релевантной для транснациональной антропологии и более точно описывающей изменения современного мира. Наряду с вынесенными в заглавие ключевыми понятиями, он проанализировал такие термины, как «аккультурация», «креолизация», «маргинал» (*marginal man*), «диффузия», «гибридность» и др.

«Это словарь, не только охватывающий современность, но и соединяющий континенты. Он ведет к глобализации и помогает обнужить ее человеческое лицо. В процессах глобализации мир не обязательно становится одинаковым. В нем есть борьба, но есть и игра. Так, в приграничных землях процветают трикстеры» [Hannerz 1997, p. 25].

В свою очередь, со стороны психологии в исследовании феноменов глобализации скорее обнаруживается рост осознанности и субъектности, не всегда очевидный при непосредственном анализе современности, но становящийся более заметным в темпоральной или эволюционной перспективах. Именно с этих позиций трансформации современности рассматривались в книгах С. Пинкера [Пинкер 2021а; Пинкер 2021b], доказывающего, что ценности просвещения, глобализация и космополитизм – «грамотность, мобильность, средства массовой информации» – служат росту рациональности и кооперации, «позволяют нам принимать точку зрения других, непохожих на нас людей и расширять наш круг сочувствия» [Пинкер 2021а, с. 23].

Однако, в то время как при описании современного мира в социальных науках все чаще звучат характеристики его неопределенности, разнообразия и сложности, представляется более продуктивным сфокусироваться на феноменологии амбивалентности и имманентной антиномичности этих процессов.

*Многомерный характер социализации
и разнообразие жизненных стратегий*

Итак, глобализация выступает тем контекстом, который задает в современности разнообразие форм социализации, а также вызывает различные реакции на изменения. Как было показано выше, представители социальных наук отмечают дифференциацию и поляризацию разворачивающихся в современности процессов, обсуждая их в понятиях «нативизма» и «глобализма» [Крастев 2018], ценностей безопасности и самовыражения [Инглхарт 2018], реакций открытости и закрытости в ответ на текущие изменения [Eriksen 2010].

Отнюдь не случайно, что, характеризуя подобного рода процессы, ученые нередко прибегают к метафорам. Ни в антропологии, ни в социологии, ни в психологии на данный момент не имеется релевантного языка описания текущих трансформаций человека и мира. Так, Т.Х. Эриксен использует сравнение некоторых западноафриканских народностей человека с поведением черепахи: одни люди стремятся сильнее высунуть голову, чтобы оглядеться вокруг, становясь видимыми и уязвимыми, тогда как другие глубже втягивают голову в панцирь, делаясь скрытыми и «непобедимыми». Согласно Т.Х. Эриксену, эта метафора релевантна при обсуждении поведенческих стратегий людей в ситуации текущих изменений. Одни люди в ответ на трансформации современности предпочитают большую часть времени оставаться в защитной броне, тогда как другие активно действуют в открытом пространстве. С учетом фактора процессуальности это не только различные психологические типы, но и ситуативно детерминированные поведенческие стратегии [Eriksen 2010].

В контексте ситуационного подхода Н.В. Гришиной были выделены *немобильные, готовые к мобильности и склонные к мобильности* личности [Гришина 2013]. Н.В. Гришина отмечала, что в ситуации выбора в пользу изменения сложившейся ситуации или отказа от изменений решающую роль играла жизненная позиция человека, его установки и ценности. При этом существенное влияние на принятие решений оказывала «оценка будущей временной перспективы с точки зрения ее возможностей для человека» [Гришина 2013]. В свою очередь, близкие идеи развивались в таком направлении, как антропология будущего [Bryant, Knight 2019]. Опираясь на разработанную ими концепцию ориентаций, Р. Брайант и Д. Найт продемонстрировали связь жизненных стратегий с темпоральным разнообразием образов будущего [Bryant, Knight 2019].

С одной стороны, идентичность современного человека довольно пластична. Субъект современности принадлежит к множеству различных сообществ, маркирующих его по признакам пола, гендера, класса, мест проживания, политических убеждений, национальности, литературного вкуса, сексуальной ориентации, религии и т.д. С другой стороны, в современности остаются константы, задающие ситуации, в которых невозможно «убежать от себя», и именно в них воспроизводятся устойчивые, мало меняющиеся от эпохи к эпохе поведенческие модели³.

Несмотря на справедливую критику дихотомий – закрытость против открытости, фундаментализм против амбивалентности, структуры против процессов, горизонталь против вертикали – они могут оказаться полезными при изучении взаимосвязи жизненных стратегий личности с особенностями социокультурного пространства [Eriksen 2003]. Развивая эти идеи, Т.Х. Эриксен подчеркивает важность поиска более подходящих терминов для описания контрастов, а также необходимость выделения двух уровней социальной реальности, где «различие между линейным, иерархическим и нелинейным, горизонтальным является фундаментальным» [Eriksen 2003, p. 226].

Социокультурные изменения при переходе от индустриального общества к информационному, от национальных государств к глобальному миру Т.Х. Эриксен описывает посредством аналогии, противопоставляя логику *книги* логике *гипертекста*. «Книга прямолинейна, последовательна и авторитарна» [Eriksen 2003, p. 228]. Она предлагает направление, пошаговое разворачивание сюжета и кумулятивное действие. Между ее главами существует внутренняя связь; структура сюжета «создает иллюзию книги как самодостаточной вселенной» [Eriksen 2003]. Ло-

---

³ Исследователями неоднократно отмечалась особая роль культуры и искусства в осмыслении текущих изменений. Т. Эриксен обратил внимание на две стратегии жизни, нашедшие отражение в произведении Г. Ибсена задолго до того, как эти психологические типы вышли на сцену современности. Так, герой одноименной пьесы Бранд олицетворял идею целостности личности: «будьте тем, кто вы есть, целиком и полностью, а не по частям и частично». Другой герой – Пер Гюнт – образ гражданина мира, олицетворение мобильности и гибкости. Позднее образ человека без свойств появится в незавершенном романе Р. Музиля. Различие поведенческих стратегий в ситуации изменений претворяется в литературном творчестве как идеальными типами, так и разными моделями жизни. Если стратегия жизни Пер Гюнта выражала пренебрежение безопасностью ради свободы, то Бранд действовал наоборот [Anthropology 2015]. В свою очередь, британский ученый Г. Тиханов отметил роль литературы в качестве ресурса сотворения идентичности. В частности, он обратил внимание на способность современной литературы конструировать групповые идентичности, особенно в ситуации, когда речь идет о меньшинствах, которые сталкивались с дискриминацией [Tihanov 2019].

гика книги – это логика индустриального общества с его идеей прогресса [Eriksen 2003]. Чтение книги задает определенный тип мышления, и, чтобы понять ее содержание, необходимо следовать линейной структуре, проходя за автором путь от первой до последней страницы [Eriksen 2003]. В свою очередь, информация с гиперссылками во всемирной паутине подчиняется принципиально иной логике. «Все веб-страницы организованы по горизонтали. Они не размещаются в определенном необходимом порядке, а предполагают, что активный пользователь фильтрует информацию и находит собственные пути в лабиринте» [Eriksen 2003]. Подобно тому, как устройство книги поощряет длинные, непрерывные, кумулятивные рассуждения, интернет-пространство задает совсем иной когнитивный стиль, нацеленный на лаконичные тексты, децентрализованные, связанные гиперссылками с бесконечным множеством иных текстов. Такого рода бесконечные страницы создают ветвящиеся мысли, которые у каждого читателя готовы устремиться разными путями. Освоение гипертекста в интернете становится занятием творческим, диверсифицированным, интерактивным. «Создание связанного целого выбранных веб-страниц предполагает творческий процесс» [Eriksen 2003, p. 228]. Со своей стороны заметим, что формируемый логикой гипертекста когнитивный стиль также отвечает принципу *нормативного разнообразия*, а влияние интернет-пространства с его встроенной интерактивностью и неисчерпаемостью ресурсов саморазвития способствует стихийному росту субъектности и осознанности [Гусельцева 2021b].

Сочетание социальной закрытости/открытости и когнитивной линейности/нелинейности создает аналитическую схему четырех типов общества с различными формами социализации и идентичности человека (см. табл. 1).

Согласно предложенной аналитической схеме, особенности идентичности в *традиционном обществе* обусловлены социальной закрытостью и когнитивной линейностью или нелинейностью. «Чистый» тип идентичности (*pure identity*), продолжающий существовать и в современности, отличается «надежной идентификацией и бесспорным членством в группе» [Eriksen 2003, p. 233]. «Этот вариант имеет очевидное преимущество создания порядка, четких границ и предсказуемости. Чистые идентичности, независимо от того, называем мы их фундаменталистскими или нет, нейтрализуют хаос окружающей среды и освобождают человека от амбивалентности и невозможных дилемм. ...Чистая идентичность обозначает границы, определяет правила поведения и запрещает переговоры о ценностях и морали» [Eriksen 2003]. В свою очередь, социальная открытость и когнитивная линей-

ность характеризуют *индустриальное общество*. Доминирующий способ мышления является здесь причинным, а социализация направлена на ассимиляцию и стандартизацию жизненных стратегий разных групп. «Структурированные изменения воспринимаются как хорошее и нормальное явление, будь то в искусстве или в социальном планировании», а границы идентичности «ревностно охраняются» [Eriksen 2003].

Таблица 1

Формы социализации в зависимости от типа общества
(по мотивам исследований Т.Х. Эриксона
[Eriksen 2003; Eriksen 2007])

Типы общества и особенности идентичности	Когнитивная линейность (cognitive linearity)	Когнитивная нелинейность (cognitive non-linearity)
Социальная закрытость (social closure)	Традиционное общество и «чистая» идентичность (pure identity)	Традиционное общество и амбивалентная идентичность (ambivalent identity)
Социальная открытость (social openness)	Индустриальное общество и сложная идентичность (complex identity)	Информационное общество и смешанная идентичность (creole identity).

Идентичность человека в информационном обществе рождается из сочетания социальной открытости и когнитивной нелинейности. «В то время как чистая идентичность пытается не допустить креолизации, а сложная идентичность (в оригинале – *hyphenated identity*, идентичность через дефис – М.Г.) – это попытки использовать две старые карты, чтобы понять новую территорию, креольская идентичность отбросила старую карту и находится в процессе рисования новой» [Eriksen 2003, p. 233]⁴.

⁴ В социокультурном пространстве современности традиционализм и фундаментализм также требуют своего рода творчества, «потому что утерянную традицию нельзя просто возродить, а нужно заново изобретать» [Eriksen 2003, p. 234]. «Идентичности, расставленные через дефис, требуют, чтобы человек нашел точку равновесия и разработал некоторые критерии, чтобы иметь возможность объединить информацию из двух различных культурных вселенных. Тем не менее наиболее динамичной и, возможно, наиболее по-настоящему творческой культурной идентичностью является креольская, которая не может опираться на существующие классификации, но вынуждена их преодолевать. Креольская идентичность, которая отвергает граничную логику дефисных и чистых идентичностей, должна постоянно определять и переопределять себя; она должна перестраивать свой корабль в море...» [Eriksen 2003].

Повышенная социокультурная мобильность и креолизация создают тип общества, «которое непреднамеренно отказалось от своих якорных стоянок» [Eriksen 2003, p. 235]. Особенности становления идентичности в этом типе обществе, на наш взгляд, удачно передает именно конструкт *нормативное разнообразие*. «...Молодежь в современном обществе может использовать огромный репертуар опыта и впечатлений, который, по крайней мере, теоретически, позволяет им ассоциироваться с различными типами групп, не обязательно основанными на этнической, местной, национальной или религиозной идентичности» [Eriksen 2003, p. 232].

Становление идентичности в современном мире может быть трудным, небезопасным и мало предсказуемым. «Люди, не имевшие прежде взаимных контактов, вынуждены собираться вместе, возникают новые культурные формы, а господствующая идеология принуждает всех и каждого к свободному выбору» [Anthropology 2015, p. 22], результатом чего бывает не только успешная самореализация, но и разочарование, замешательство, потенциальные конфликты. Важным наблюдением антропологов является тот факт, что «фундаменталистская идентичность» в современном обществе «появляется именно тогда, когда кто-то пытается навязать старую карту новой территории» [Eriksen 2003, p. 226]. В этом плане особенно актуальными становятся психологические разработки в области позитивной социализации и консенсусных образов достойного будущего [Гусельцева, Изотова 2019].

Новые карты рисуют картину мира, в котором важным социальным навыком становится умение договариваться и учитывать интересы разных групп. Однако изменить когнитивные карты бывает труднее, чем физические. Важный урок антропологии для социальных наук – привлечение сложности, готовность мыслить антиномиями, рассматривать человека и мир в ситуации изменений диалектически, целостно, с учетом принципов контекстуальности и процессуальности (в психологии эти аспекты анализа выделяют Н.В. Гришина и С.Н. Костромина [Гришина 2013; Психология личности 2019; Гришина, Костромина 2017]). Многомерный характер социализации, сосуществование разных типов идентичности, разнообразие жизненных стратегий становятся вызовом поиска новых концептуальных решений в психологии.

Заключение

В современной познавательной ситуации трансдисциплинарность проявляется не только в качестве осознанных методологи-

ческих стратегий, но и в стихийности исследовательских практик. Исследовательские поля психологии и социальных наук явно или неявно смешиваются, порождают новые исследовательские подходы – от психологии изменений до антропологии современности. При этом трансдисциплинарный подход особенно продуктивен при анализе человека и мира в ситуации текущих изменений.

Трансдисциплинарный подход объединяет фрагменты исследуемой реальности в многомерную концептуальную модель изменений человека и мира. Если на общенаучном уровне методологии трансдисциплинарный подход служит интеграции исследований психологии и социальных наук, то на конкретно-научном уровне он обнаруживает противоречивые и разнонаправленные тенденции, выявляет внутренние антиномии, позволяющие осуществить более тонкий анализ феноменов современности.

На инструментальном уровне методологии трансдисциплинарный подход выступает практикой диалектического мышления, показывая, что, как предпосылкой идентичности современного человека является постоянство изменений, так и в социокультурном пространстве современности невозможно достичь безопасности, не поддерживая принципы нормативного разнообразия.

Проблемой трансформаций современности являются не столько их динамичность, сложность и разнообразие, сколько неадекватность, понимаемая как разрыв между «старыми картами» и «новыми территориями». И это проблема, для решения которой необходим уже интеллектуальный ресурс психологической науки: если антропология и социология способны поставить точный диагноз, то задачей психологии является найти релевантное лечение.

Благодарность

Статья выполнена в рамках госзадания, АААА-А19-119012990181-0.

Acknowledgments

The article was prepared within a state task, project ААА-А-А19-119012990181-0.

Литература

Гришина 2013 – *Гришина Н.В.* Изменения жизненной ситуации: ситуационный подход [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/860-grishina30.html> (дата обращения 16 нояб. 2021).

Гришина 2008 – *Гришина Н.В.* Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 10–20.

Гришина, Костромина 2017 – *Гришина Н.В., Костромина С.Н.* Психология личности: переосмысление традиционных подходов в контексте вызовов современности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1405-grishina52.html> (дата обращения 24 авг. 2020).

Гусельцева 2021a – *Гусельцева М.С.* Антропология современности: человек и мир в потоке трансформаций. Монография в 3 частях. Часть 1. М.: Акрополь, 2021.

Гусельцева 2021b – *Гусельцева М.С.* Трансдисциплинарный подход к изучению изменений ценностей, поведенческих стратегий и норм в малых культуральных движениях // Новые психологические исследования. 2021. № 1. С. 4–28.

Гусельцева, Изотова 2019 – *Гусельцева М.С., Изотова Е.И.* Позитивная социализация детей и подростков. Методология и эмпирика. М.: Смысл, 2019.

Инглхарт 2018 – *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

Крастев 2018 – Крастев И. После Европы. М.: Дело, 2018.

Кузнецова, Кузнецов 2015 – *Кузнецова А.М., Кузнецов А.Е.* Антиномии смыслов: патриотизм vs космополитизм // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2015. Вып. 14. С. 10–16.

Леви-Стросс 2016 – *Леви-Стросс К.* Узнавать других. Антропология и проблемы современности. М.: Текст, 2016.

Марцинковская 2015 – *Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html> (дата обращения 15 апр. 2021).

Пинкер 2021a – *Пинкер С.* Лучшее в нас: Почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

Пинкер 2021b – *Пинкер С.* Просвещение продолжается: В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

Психология личности 2019 – Психология личности: Пребывание в изменении / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019.

Рагозина 2021 – *Рагозина С.А.* «Насыщенное описание» и интерпрета-

ция культур: чем сейчас полезен подход К. Гирца в изучении ислама в России // Шаги / Steps. Т. 7. № 2. 2021. С. 115–135.

Юдин 2020 – Юдин Г. Выход из миллениума: захотят ли молодые покинуть эпоху, в которой родились? [Электронный ресурс] // Европейский диалог. 25.03.2020. URL: <http://www.eedialog.org/ru/2020/05/21/vyход-iz-milleniума-zahotjat-li-molodye-pokinut-jepoхu-v-kotoroj-rodilis/> (дата обращения 17 янв. 2022).

Anthropology 2015 – Anthropology now and next. Essays in Honor of Ulf Hannerz / Ed. by T.H. Eriksen, C. Garsten, S. Randeria. Brooklyn: Berghahn Books, 2015.

Augé, Colleyn 2019 – Augé M., Colleyn J.-P. L'antropologia del mondo contemporaneo. Milano: Elèuthera, 2019.

Bryant, Knight 2019 – Bryant R., Knight D.M. The Anthropology of the Future. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Eriksen 2003 – Eriksen T.H. Creolization and creativity // Global Networks. 2003. Vol. 3 (3). P. 223–237.

Eriksen 2007 – Eriksen T.H. Creolization in Anthropological Theory and in Mauritius // Creolization: History, Ethnography, Theory / Ed. by Ch. Stewart. Walnut Creek, CA: Left Coast Press, 2007. P. 153–177.

Eriksen 2015 – Eriksen T.H. Small Places, Large Issues. An Introduction to Social and Cultural Anthropology. London: Pluto Press, 2015.

Eriksen 2016 – Eriksen T.H. Overheating. An Anthropology of Accelerated Change. London: Pluto Press, 2016. 192 p.

Eriksen, Nielsen 2013 – Eriksen T.H., Nielsen F.S. A History of Anthropology. London: Pluto Press, 2013.

Hannerz 2010 – Hannerz U. Anthropology's World: Life in a Twenty-first-century Discipline. London: Pluto Press, 2010.

Hannerz 1992 – Hannerz U. Cultural Complexity. N.Y.: Columbia University Press, 1992.

Hannerz 1997 – Hannerz U. Flows, Boundaries and Hybrids: Keywords in Transnational Anthropology // Mana (Rio de Janeiro). 1997. Vol. 3 (1). P. 7–39.

Hannerz 2016 – Hannerz U. Writing Future Worlds: An Anthropologist Explores Global Scenarios. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016.

Rabinow 2008 – Rabinow P. Marking Time: On the Anthropology of the Contemporary. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008.

Rabinow et al. 2008 – Rabinow P., Marcus G.E., Faubion J.D., Rees T. Designs for an Anthropology of the Contemporary. Durham, NC: Duke University Press, 2008.

Rees 2020 – Rees T. From the anthropocene to the microbiocene. The novel

coronavirus compels us to rethink the modern concept of the political [Электронный ресурс] // Noema Magazine. June 10, 2020. URL: <https://www.noemamag.com/from-the-anthropocene-to-the-microbiocene/> (дата обращения 21 июля 2021).

Tihanov 2019 – *Tihanov G.* The Birth and Death of Literary Theory Regimes of Relevance in Russia and Beyond. Stanford, California: Stanford University Press, 2019.

References

Augé, M. and Colleyn, J.-P. (2019), *L'antropologia del mondo contemporaneo* [The anthropology of the contemporary world], Elèuthera, Milano, Italy.

Bryant, R. and Knight, D.M. (2019), *The Anthropology of the Future*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Eriksen, T.H. (2003), “Creolization and creativity”, *Global Networks*, vol. 3 (3), pp. 223–237.

Eriksen, T.H. (2007), “Creolization in Anthropological Theory and in Mauritius”, in Stewart, Ch. (ed.), *Creolization: History, Ethnography, Theory*, Left Coast Press, Walnut Creek, CA, USA, pp. 153–177.

Eriksen, T.H. (2016), *Overheating. An Anthropology of Accelerated Change*, Pluto Press, London, UK.

Eriksen, T.H. (2015), *Small Places, Large Issues. An Introduction to Social and Cultural Anthropology*, Pluto Press, London, UK.

Eriksen, T.H., Garsten, C. and Randeria, S. (eds.) (2015), *Anthropology now and next. Essays in Honor of Ulf Hannerz*, Berghahn Books, Brooklyn, USA.

Eriksen, T.H. and Nielsen, F.S. (2013), *A History of Anthropology*, Pluto Press, London, UK.

Grishina, N.V. (2008), “The problem of conceptualizing the context in modern psychology”, *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, vol. 9, no. 3, pp. 10–20.

Grishina, N.V. (2013), “Changes of life situation: situational approach”, *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 6, no. 30, p. 3, available at: <http://psystudy.ru/index.php/eng/2013v6n30e/873-grishina30e.html> (Accessed 17 Apr. 2021).

Grishina, N.V. (ed.) (2019), *Psikhologiya lichnosti: Prebyvanie v izmenenii* [Personality Psychology: Staying in Change], Sankt-Peterburgskii universitet, St. Petersburg, Russia.

Grishina, N.V. and Kostromina, S.N. (2017), “Personality psychology: rethinking traditional approaches in context challenges of modern reality”, *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 10, no. 52, p. 1, available at: <http://psystudy.ru/index.php/eng/2017v10n52e/1412-grishina52e.html> (Accessed 19 Apr. 2021).

- Gusel'tseva, M.S. (2021a), *Antropologiya sovremenности: chelovek i mir v potoke transformatsii. Monografiya v 3 chastyakh. Chast' 1* [Anthropology of modernity: man and the world in the stream of transformations. Monograph in 3 parts. Part 1], Akropol', Moscow, Russia.
- Gusel'tseva, M.S. (2021b), "Transdisciplinary approach to the study of changes in values, behavioral strategies and standards in small cultural groups", *New Psychological Research*, no 1, pp. 4–28.
- Gusel'tseva, M.S. and Izotova, E.I. (2019), *Pozitivnaya sotsializatsiya detei i podrostkov. Metodologiya i empirika* [Positive socialization of children and adolescents. Methodology and empiricism], Smysl, Moscow, Russia.
- Hannerz, U. (2010), *Anthropology's World: Life in a Twenty-first-century Discipline*, Pluto Press, London, UK.
- Hannerz, U. (1992), *Cultural Complexity*, Columbia University Press, New York, USA.
- Hannerz, U. (1997), "Flows, Boundaries and Hybrids: Keywords in Transnational Anthropology", *Mana (Rio de Janeiro)*, vol. 3 (1), pp. 7–39.
- Hannerz, U. (2016), *Writing Future Worlds: An Anthropologist Explores Global Scenarios*, Palgrave Macmillan, New York, USA.
- Inglkhart, R. (2018), *Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution: How Human Motivations Change and How It Changes the World], Mysl', Moscow, Russia.
- Krastev, I. (2018), *Posle Evropy* [After Europe], Delo, Moscow, Russia.
- Kuznetsova, A.M. and Kuznetsov, A.E. (2015), "Antinomies of meanings: patriotism vs cosmopolitanism", *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*, iss. 14, pp. 10–16.
- Levi-Stross, K. (2016), *Uznavat' drugikh. Antropologiya i problemy sovremenности* [Anthropology facing the problems of the modern world], Tekst, Moscow, Russia.
- Martsinkovskaya, T.D. (2015), "Modern psychology – challenges of transitivity", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 8, no. 42, p. 1, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html> (Accessed 15 Apr. 2021).
- Pinker, S. (2021a), *Luchshee v nas: Pochemu nasiliya v mire stalo men'she* [The Better Angels of our Nature], Al'pina non-fikshn, Moscow, Russia.
- Pinker, S. (2021b), *Prosveshchenie prodolzhaetsya: V zashchitu razuma, nauki, gumanizma i progressa* [Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress], Al'pina non-fikshn, Moscow, Russia.
- Rabinow, P. (2008), *Marking Time: On the Anthropology of the Contemporary*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA.

Rabinow, P., Marcus, G.E., Faubion, J.D. and Rees, T. (2008), *Anthropology of the Contemporary*, Duke University Press, Durham, NC. USA.

Ragozina, S.A. (2021), “«Thick description» and the interpretation of cultures: How useful is Geertz’s approach today in the study of Islam in Russia?”, *Shagi / Steps*, no. 7 (2), pp. 115–135.

Rees, T. (2020), “From the anthropocene to the microbiocene. The novel coronavirus compels us to rethink the modern concept of the political”, *Noema Magazine* [Online], available at: <https://www.noemamag.com/from-the-anthropocene-to-the-microbiocene/> (Accessed 21 July 2021).

Tihanov, G. (2019), *The Birth and Death of Literary Theory Regimes of Relevance in Russia and Beyond*, Stanford University Press, Stanford, California, USA.

Yudin, G. (2020), “Exiting the Millennium: will the young want to leave the era in which they were born?”, *Evropeiskii dialog* [Online], available at: <http://www.eedialog.org/ru/2020/05/21/vyhod-iz-milleniuma-zahotjat-li-molodye-pokinut-jepohu-v-kotoroj-rodilis/> (Accessed 17 Jan. 2022).

Информация об авторе

Марина С. Гусельцева, доктор психологических наук, доцент, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; mguseltseva@mail.ru

Information about the author

Marina S. Guseltseva, Sc.D. (Psychology), assistant professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education, Russia, Moscow; bld. 9-4, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009; mguseltseva@mail.ru

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-35-48

Переживание потери работы специалистами предпенсионного возраста

Татьяна П. Емельянова

*Институт психологии РАН,
Москва, Россия, t_emelyanova@inbox.ru*

Ева Н. Викентьева

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия, vikentieva@mail.ru*

Аннотация. В статье представлено исследование переживания потери работы специалистами предпенсионного возраста в связи с их финансовой тревожностью как личностным фактором, а также с самооценкой финансового положения и субъективным финансовым благополучием. Анализируются подходы к изучению финансовой тревоги как реактивного состояния и финансовой тревожности как личностного свойства. Отмечается, что специалисты предпенсионного возраста подвергаются заметной дискриминации со стороны работодателей и испытывают проблемы с трудоустройством и образованием. Приводятся результаты исследования безработных предпенсионного возраста (N=153) с использованием методик «Шкала финансовой тревожности личности», опросника восприятия ситуации потери работы, опросников самооценки финансового положения и субъективного финансового благополучия, методик «Социальные аксиомы», «Ценностные ориентации». Выявлены четыре эмпирических типа безработных, описаны особенности их восприятия ситуации потери работы, самооценки материального благополучия и удовлетворенности им. Обнаружены значимые различия в уровне финансовой тревожности, самооценки материального благополучия и удовлетворенности им у представителей разных типов. Отмечается, что финансовая тревожность, будучи свойством личности, является значимым фактором восприятия ситуации отсутствия работы и определяет общий эмоциональный настрой личности, когнитивную проработку сложившихся жизненных обстоятельств, а также стратегии поведения в этой ситуации. Показаны возможные

социальные последствия эмоциональных проблем безработных, намечены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: финансовая тревожность, предпенсионный возраст, восприятие ситуации безработицы, субъективное финансовое благополучие

Для цитирования: Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н. Переживание потери работы специалистами предпенсионного возраста // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 1. С. 35–48. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-35-48

Experience of job loss by pre-retirement age specialists

Tatyana P. Emelyanova

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, t_emelyanova@inbox.ru*

Eva N. Vikentieva

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia, vikentieva@mail.ru*

Abstract. The study of the experience of job loss by specialists of pre-retirement age in connection with their financial anxiety as a personal factor, as well as with self-assessment of the financial situation and subjective financial well-being is presented in the article. Approaches to the study of financial anxiety as a reactive state and financial anxiety as a personal property are analyzed. It is noted that specialists of pre-retirement age are subject to noticeable discrimination by employers and experience problems with employment and education. The results of a study of unemployed people of pre-retirement age (N=153) using the “Scale of Personal Financial Anxiety” methods, the Job Loss Situation Perception Questionnaire, the “Social Axioms”, “Value Orientations”, questionnaires for self-assessment of the financial situation and subjective financial well-being are presented. Four empirical types of the unemployed are identified, and the features of their perception of the situation of job loss, self-assessment of financial well-being and satisfaction with it are described. Significant differences were found in the level of financial anxiety, self-assessment of financial well-being and satisfaction with it among representatives of different types. It is noted that financial anxiety, being a personality trait, is apparently a significant factor in the perception of a situation of lack of work and determines the general emotional state of the individual, cognitive elaboration of the prevailing life circumstances, as well as behavior strategies in this situation. The possible social consequences of

the emotional problems of the unemployed are shown, and the prospects for further research are outlined.

Keywords: financial anxiety, pre-retirement age, perception of unemployment, subjective financial well-being

For citation: Emelyanova, T.P. and Vikentieva, E.N. (2022), "Experience of job loss by pre-retirement age specialists", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 35–48, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-35-48

Введение

Положение безработного переживается специалистами со значительным трудовым стажем не только само по себе – как утрата профессиональной роли и понижение экономического статуса, – но и как ограничение сфер активности, изменение привычной роли в семье, форм досуга и отдыха и, в целом, как снижение качества жизни. Общие жизненные обстоятельства и связанные с ними вызовы позволяют рассматривать безработных специалистов предпенсионного возраста как большую социальную группу, обладающую особыми социально-психологическими характеристиками. В работах отечественных авторов отмечалось, что среди лиц, потерявших работу, могут эмпирически выделяться типы людей согласно таким личностным особенностям, как выбор стратегии совладания в ситуации потери работы [Тарасов 2016; Емельянова, Дробышева 2019], уровень оптимизма, толерантность к неопределенности, предпочтение тех или иных способов адаптации к проблемной ситуации [Демин, Попова 2000] и др. Было показано, что люди способны психологически компенсировать эти сложные обстоятельства благодаря адекватному выбору стратегий проблемно-ориентированного копинга [Тарасов 2016], направленных на решение задач, в частности, на использование свободного времени для смены профессии, личностного роста, поиска путей решения жизненных проблем.

В современных условиях основной проблемой, которую создает потеря работы, является недостаток денежных средств. Эксперты сервиса SuperJob по результатам социологического опроса выяснили, что у 43% россиян отсутствуют сбережения, 13% граждан при потере дохода были бы способны прожить за счет сбережений меньше месяца, 18% процентов – один-два месяца, 11% – три-шесть месяцев, 8% – от полугода до года, 7% – дольше года⁵. Таким образом, очевидна причина того, что наиболее сильные переживания при потере работы россияне испытывают из-за страха

---

⁵ Россияне массово заявили об отсутствии сбережений. <https://1prime.ru/society/20211213/835486609.html>

остаться без средств к существованию. У лиц предпенсионного возраста ситуация безработицы осложняется и их особым статусом на рынке труда: специалисты предпенсионного возраста подвергаются заметной дискриминации со стороны работодателей. Аналитики утверждают, что уже после 45 лет и у мужчин, и у женщин возникают проблемы с трудоустройством и образованием [Панькова 2018; Забелина 2018]. Практически во всех развитых странах статус пенсионера, «предпенсионера», из-за значимости трудовой занятости в современной культуре, оказывается обесцененным и существенно занижается в обществе [Моев 1996], помимо прочего, по причине невысокой материальной обеспеченности пенсионеров. Эти обстоятельства обусловили проблему данного исследования: каким образом проявления финансовой тревожности у безработных предпенсионного возраста связаны с особенностями их восприятия ситуации потери работы.

В научной литературе финансовая тревога традиционно рассматривается как реактивное состояние, возникающее в ответ на те или иные экономические обстоятельства. Изучалось то, насколько тревожно чувствовали себя люди, обращавшиеся или нет к услугам финансового консультанта [Grable et al. 2015], как связаны финансовая тревога и страховые предпочтения [Медяник 2020] и др. В настоящем исследовании финансовая тревожность рассматривалась не как реактивное состояние, возникающее в силу определенных обстоятельств, а как личностное свойство человека [Дробышева, Садов 2021, с. 296]. Оно определяется авторами как склонность личности испытывать состояние тревоги при взаимодействии с другими людьми в ситуациях, опосредованных монетарными отношениями.

«Финансовая тревожность проявляется, по словам авторов, в зависимости человека от денег, болезненном восприятии им ситуаций финансового неравенства по сравнению с другими людьми, его обеспокоенности перед потенциальной угрозой потери финансовых средств» [Дробышева, Садов 2021, с. 309]. Высокий уровень финансовой тревожности влечет за собой снижение самоконтроля личности за своими тратами и рациональности в управлении своими финансами. Умеренный уровень финансовой тревожности носит конструктивный характер, наблюдается взвешенное отношение к деньгам, самоконтроль своего экономического поведения [Дробышева, Садов 2021].

Являясь базовым личностным свойством, финансовая тревожность становится фактором восприятия всей ситуации потери работы, ее субъективной интерпретации, планирования подготовки к наступлению пенсионного возраста. Показано, что лица предпенсионного возраста в большинстве своем психологически

и финансово готовятся к выходу на пенсию [Adams, Rau 2011; Griffin et al. 2012; Palaci et al. 2017]. Н.К. Шлоссберг использовала термин «психологическое портфолио», которое готовится человеком при подготовке к выходу на пенсию [Schlossberg 2004]. Трудности этого этапа, по мнению автора, неизбежны, а успешность их преодоления зависит от роли работы и семьи в жизни человека, времени выхода на пенсию, степени, в которой работа приносит удовлетворение, ожиданий, связанных с выходом на пенсию, от состояния здоровья и чувства финансовой безопасности. Последнее в наших условиях во многом оказывается решающим, что и обусловило дизайн эмпирического исследования.

Программа исследования

Целью исследования было изучение переживания потери работы специалистами предпенсионного возраста в связи с их финансовой тревожностью как личностным фактором, а также с самооценкой финансового положения и субъективным финансовым благополучием.

Задачи:

1. Выявить эмпирические типы безработных, относящихся к возрастной группе предпенсионеров, согласно восприятию ими ситуации безработицы.

2. Описать выявленные эмпирические типы по социально-демографическим характеристикам (за исключением возраста, поскольку по данному параметру группа гомогенна) через значимые различия между выделенными на первом этапе исследования эмпирическими типами.

3. Исследовать различия между полученными эмпирическими типами по уровню их финансовой тревожности, по восприятию своего материального благосостояния и его субъективной оценке. Проанализировать различия в социально-психологических характеристиках респондентов, принадлежащих к разным типам, а именно, по их экономической идентичности, уровню финансовой тревожности, ценностным ориентациям и базовым убеждениям.

Методы исследования. Исследование проводилось с применением следующих методик: авторский опросник Т.В. Дробышевой и Т.П. Емельяновой, содержащий 35 утверждений о разных способах переживания ситуации потери работы. Респондентам предлагалось оценить по 5-ти балльной шкале суждения, полученные по результатам контент-анализа содержания тематических групп в интернете; для исследования показателей экономической идентичности (оценки уровня материального благосостояния семьи, а также удовлетворенности им) применялись приемы шкалирования са-

моощенок респондентов; «Шкала финансовой тревожности личности» Р. Лихи в адаптации Т.В. Дробышевой и В.А. Садова [Дробышева, Садов 2021], две шкалы опросника «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга («Социальная сложность» и «Награда за усилия»), имеющие отношение к личностным ресурсам, в адаптации А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой [Татарко, Лебедева 2008], методика «Ценностные ориентации» Е.Б. Фанталовой [Фанталова 2001]. Социально-демографические характеристики респондентов (пол, возраст, уровень образования, уровень дохода, время пребывания в статусе безработного, сфера занятости и опыт работы до увольнения и т.п.) выявлялись при помощи анкетирования. Полученные данные подвергались статистической обработке с использованием пакетов прикладных программ «SPSS 22.0».

Выборка. В исследовании принимали участие респонденты-безработные от 46 до 60 лет, из них 85% – люди предпенсионного возраста, 10% – близкие к предпенсионному возрасту и 5% – недавно вышедшие на пенсию, общий объем выборки 158 человек. Выборка содержала только вынужденных безработных, сфера деятельности которых включала оказание услуг (торговля, банки, социальная защита населения), образование, науку и медицину. По половому составу 49,4% – женщины, 50,6% – мужчины, по образовательному статусу 46,8% – высшее образование, 41,8% – среднее специальное; остальные – среднее. Состоят в браке – 73,4%, из них в гражданском только 3,8%. Стаж безработицы выявлен следующий: до полугода – 58%, до года – 23 %, до трех лет – 11%, свыше трех лет – 20% респондентов. Основная причина увольнения была в основном связана с сокращением штата/ликвидацией организации (65,2%), 10% – с личными обстоятельствами. Степень удовлетворенности работой до увольнения составляла: 68,7% – выше среднего и высокая. Уровень дохода исследуемой выборки позволяет отнести респондентов к категории «средний класс».

Результаты исследования

Полученные данные были подвергнуты проверке на нормальность распределения с помощью Z-теста Колмогорова-Смирнова. Результат показал, что данные по анализируемой выборке подчиняются закону нормального распределения.

Для решения первой задачи была осуществлена кластеризация случаев по ответам на вопросы анкеты, направленной на изучение восприятия респондентами ситуации временного отсутствия у них работы, возможностей трудоустройства, планов в отношении изменения их профессионального статуса и других сопряженных вопросов. Объем выборки и количество вопросов анкеты позволили использовать метод кластерного анализа

центров. Прежде всего, был применен факторный анализ методом главных компонент, вращением Варимакс с нормализацией Кайзера, целью которого явилось снижение размерности исследуемых переменных. В результате расчета было отобрано десять факторов (имеющих значения, превосходящих единицу), которые были обозначены следующим образом:

Фактор 1. «Тревожные прогнозы». Негативное восприятие своей ситуации с выраженной тревогой, беспокойством, озадаченностью, критическим отношением к потенциальным работодателям (по факту отказа в трудоустройстве), страхом перед будущим (объясняет 17,945% суммарной дисперсии).

Фактор 2. «Проактивное отношение». Нейтральное восприятие ситуации, ориентация на деятельный поиск работы, использование всех имеющихся ресурсов для поиска и трудоустройства (объясняет 11,008% суммарной дисперсии).

Фактор 3. «Рационализация». Последовательное объяснение невозможности трудоустроиться (объясняет 7,413% суммарной дисперсии).

Фактор 4. «Альтернативные возможности». Отрицание невозможности трудоустройства. Вера в возможности реализовать себя в другом городе/стране, открыть свое дело и другие альтернативы (объясняет 4,949% суммарной дисперсии).

Фактор 5. «Уход от проблемы». Нежелание искать работу, неуверенность в своих силах (объясняет 4,279% суммарной дисперсии).

Фактор 6. «Ориентация на смену карьеры». Изменение профессиональной квалификации/освоение другой профессии, ориентация на оказание различного рода услуг – шитье, работа в интернете и другие (объясняет 4,225% суммарной дисперсии).

Фактор 7. «Пассивная позиция». Встать на биржу, дожидаться выгодного предложения (объясняет 3,519% суммарной дисперсии).

Фактор 8. «Стремление решить финансовые проблемы». Вера в возможность трудоустройства с ориентацией на решение текущих финансовых вопросов – сдача квартиры и другое (объясняет 3,241% суммарной дисперсии).

Фактор 9. «Надежда на помощь государства» (объясняет 3,208% суммарной дисперсии).

Фактор 10. «Нежелание работать». Отказ от дальнейшей профессиональной деятельности (объясняет 3,066% суммарной дисперсии).

Полученные факторы были подвергнуты кластеризации методом К-средних. Как оптимальное количество нами было задано 5 кластеров на основании предварительно проведенного иерархического кластерного анализа. Образовавшиеся группы респондентов представляют собой эмпирические типы (см. табл. 1). Один из выделившихся в результате математической обработки кластеров был крайне малочисленным (2 человека) и, соответственно, был исключен нами из дальнейшего анализа.

Таблица 1

Распределение респондентов по кластерам

Номер кластера	Описание кластера	Количество случаев, вошедших в кластер	Группирующие факторы
1	Респонденты потенциально активные, размышляющие об альтернативных возможностях трудоустройства	26	Фактор 4. «Альтернативные возможности»; Фактор 5. «Уход от проблемы»
2	Респонденты с негативным отношением к ситуации	56	Фактор 1. «Тревожные прогнозы»
3	Респонденты, занимающие пассивную позицию и рационализирующие проблему	59	Фактор 3. «Рационализация»
4	Респонденты, ориентированные на заработок способами, не связанными с трудоустройством	15	Фактор 6. «Ориентация на смену карьеры»; Фактор 8. «Стремление решить финансовые проблемы»

Наиболее многочисленными оказались группы респондентов, обеспокоенных отсутствием у них работы, испытывающих страх перед будущим, описывающих свое состояние как апатичное и

депрессивное, а также группа безработных, не верящих в свои возможности, различными способами объясняющих ситуацию потери ими работы и сложности в трудоустройстве. Примечательно, что обе группы не настроены предпринимать активных действий и не видят альтернативных возможностей. Третья по численности группа потенциально активна, верит в возможности трудоустройства, настроена более позитивно, теоретически предполагает некие возможности, которые при необходимости могут быть актуализированы. И последняя по численности группа настроена позитивно и ищет возможности заработка вне профессиональной сферы деятельности. Возможно, такой результат связан с особенностями выборки по возрастному признаку (в основном предпенсионный возраст). Действительно, как уже отмечалось, эйджизм, достаточно распространенный на рынке труда в современной России, сокращает шансы на трудоустройство людей старше 45 лет, что объективно не может не сказываться на восприятии ими ситуации трудоустройства с негативной аффективной окраской.

Для решения второй задачи – описания выявленных в результате кластерного анализа групп респондентов по их восприятию ситуации отсутствия работы – были рассчитаны значимые различия между группами по социально-демографическим характеристикам: пол, образование, сфера деятельности до увольнения, причина увольнения, стаж работы до увольнения, семейное положение, среднемесячный доход на члена семьи, оценка уровня материального благосостояния семьи, удовлетворенность материальным благосостоянием семьи. Расчет производился при помощи однофакторного дисперсионного анализа ANOVA. Результаты показали значимые различия по параметрам «Стаж работы до увольнения» (значимость .039), «Уровень материального благосостояния семьи» (значимость .023) и «Удовлетворенность материальным благосостоянием семьи» (значимость .027). Наиболее длительный стаж работы обнаружен у третьего типа – это респонденты, занимающие пассивную позицию и рационализирующие проблему. Наиболее высокие значения по параметрам восприятия своего материального благополучия выявились у первой группы респондентов (потенциально активных, планирующих альтернативные способы заработка), наиболее низкие – у второй группы, описывающей свое состояние как негативное, тревожное и эмоционально напряженное. При этом по шкале оценки уровня дохода на каждого члена семьи значимых различий между группами не выявлено. Таким образом, полученный результат показывает любопытную тенденцию более позитивной субъективной оценки своей финансовой ситуации людьми с

различно оптимистичным настроем в отношении возможности заработка независимо от уровня дохода.

Для решения третьей задачи был проведен анализ значимых различий между выявленными типами респондентов по параметрам «Финансовая тревожность», двум шкалам опросника «Социальные аксиомы» («Социальная сложность» и «Награда за усилия»), а также шкалам ценностных ориентаций. Сравнительный анализ (по критерию Краскала-Уоллиса при $p \leq 0,05$) обнаружил, что значимые различия имеются только по параметру «Финансовая тревожность» ($p=0,016$). Анализ дескриптивной статистики показывает, что наиболее высокие значения тревожности наблюдаются у респондентов третьего типа (респонденты, занимающие пассивную позицию и рационализирующие проблему), а наиболее низкие – у четвертого типа (респонденты, ориентированные на заработок способами, не связанными с профессиональной деятельностью). Согласно результатам, уровень финансовой тревожности у респондентов всех четырех типов находится в диапазоне выше среднего (диапазон 14–18), в соответствии с нормативами авторов методики: 0–6 низкая, 7–13 средняя, 14–24 высокая [Дробышева, Садов 2021].

Обсуждение результатов и заключение

Выявленные в ходе исследования эмпирические типы показывают существование принципиально разных способов восприятия ситуации безработицы как в эмоциональном аспекте, так и в осознании перспектив и вероятностей заработка (от признания существования возможностей до их отрицания). При этом респонденты, имеющие позитивные прогнозы в отношении будущих заработков, в качестве их источников рассматривают способы, не связанные с их профессиональной деятельностью. Возможно, это объясняется описанными выше объективными проблемами трудоустройства людей старше 45 лет. Отсутствие различий в ценностных ориентациях и базовых убеждениях (методика «Социальные аксиомы») может быть связано с гомогенностью изучаемой группы по возрастному признаку и принадлежностью респондентов к одной группе с точки зрения уровня дохода.

При трактовке финансовой тревожности как свойства повышения состояния тревоги в социальных взаимодействиях, связанных с финансовыми аспектами, «зависимости человека от денег», беспокойства за свои сбережения и страха оказаться в ситуации безденежья [Дробышева, Садов 2021] выявленные в нашем исследовании различия между эмпирическими типами людей по их переживанию ситуации безработицы могут быть

описаны следующим образом. Люди, временно не имеющие работы, но не воспринимающие ситуацию отсутствия заработка излишне болезненно, в принципе более рационально оценивают возможности заработка, готовы к его неравномерности, испытывают адекватный уровень удовлетворенности своим финансовым положением. Напротив, люди, которым в большей степени свойственна финансовая тревожность, настроены пессимистично без имеющейся у них работы. Жизнь без предсказуемого дохода в виде заработной платы вызывает глубокую обеспокоенность, блокирует рациональную оценку возможностей и концентрирует сознание человека на невозможности заработка. Финансовая тревожность, будучи свойством личности, является значимым фактором восприятия ситуации лишения работы и определяет общий эмоциональный настрой личности, когнитивную проработку сложившихся жизненных обстоятельств, а также стратегии поведения в этом случае. Дальнейшее изучение феномена финансовой тревожности должно обнаружить степень и условия ее изменчивости, что, в свою очередь, позволит сделать шаги к разработке программ психологической помощи безработным предпенсионного возраста. Немаловажным является и повышение финансовой грамотности этой категории лиц, так как высокая финансовая тревожность часто имеет следствием нерациональное денежное поведение – сомнительные займы, доверие финансовым аферистам и др.

Результаты данной работы имеют определенные ограничения, которые не позволяют экстраполировать их на все профессиональные категории безработных, на людей с более высокими доходами или обладающих специальными финансовыми знаниями. Дальнейшие исследования призваны уточнить и расширить объяснительные возможности предложенной модели.

Благодарности

Статья выполнена в рамках Госзадания № 2021-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений», ЕГИСУ №1021051201850-6.

Acknowledgment

The study was carried out within the framework of the State Assignment No. 2021-0010 “Socio-psychological factors of the behavior of an individual and a group in the context of global changes”, EGISU no. 1021051201850-6.

Литература

Демин, Попова 2000 – *Демин А.Н., Попова И.П.* Способы адаптации безработных в трудной жизненной ситуации // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 35–46.

Дробышева, Садов 2021 – *Дробышева Т.В., Садов В.А.* Разработка тест-опросника «шкала финансовой тревожности личности» (на основе методики Р. Лихи) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 2 (22). С. 296–320.

Емельянова, Дробышева 2019 – *Емельянова Т.П., Дробышева Т.В.* Структура социальных представлений у лиц разного возраста, потерявших работу // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 124–134.

Забелина 2018 – *Забелина О.В.* Особенности занятости и проблемы трудоустройства лиц старших возрастных групп на российском рынке труда // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 1. С. 165–176.

Медяник 2020 – *Медяник О.В.* Влияние финансовой тревожности на страховое поведение россиян в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. № 4. С. 354–373.

Панькова 2018 – *Панькова А.А.* Проблемы трудоустройства лиц старшего возраста [Электронный ресурс] // Human progress. 2018. Т. 4. № 11. URL: http://progress-human.com/images/2018/Том4_11/Pankova.pdf (дата обращения 30 янв. 2022).

Тарасов 2016 – *Тарасов М.В.* Психическое совладание с фактом потери работы: когнитивно-волевые особенности выхода из трудной жизненной ситуации. М.: КНОРУС: ООО «Квант Медиа», 2016. 106 с.

Татарко, Лебедева 2008 – *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 4. С. 135–143.

Фанталова 2001 – *Фанталова Е.Б.* Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2001. 128 с.

Adams, Rau 2011 – *Adams G.A., Rau B.L.* Putting off tomorrow to do what you want today: Planning for retirement // American Psychologist. 2011. Vol. 66. P. 180–192.

Grable et al. 2015 – *Grable J., Heo W., Rabbani A.* Financial Anxiety, Physiological Arousal, and Planning Intention [Электронный ресурс] // Journal of Financial Therapy. 2015. Vol. 5. Iss. 2. URL: <https://doi.org/10.4148/1944-9771.1083> (дата обращения 29 янв. 2022).

Griffin et al. 2012 – *Griffin B., Loe D., Hesketh B.* Using proactivity, time discounting, and the theory of planned behavior to identify predictors of retirement planning // Educational Gerontology. 2012. Vol. 38. P. 877–889.

Moen 1996 – Moen Ph. A Life Course Perspective on Retirement, Gender, and Well-Being // Journal of Occupational Health Psychology. 1996. Vol. 1. no. 2. P. 131–144.

Palaci et al. 2017 – Palaci F., Jiménez I., Topa G. Economic Cognitions Among Older Adults: Parental Socialization Predicts Financial Planning for Retirement [Электронный ресурс] // Frontiers Aging Neuroscience. 2017. 21 November. URL: <https://doi.org/10.3389/fnagi.2017.00376> (дата обращения 29 янв. 2022).

Schlossberg 2004 – Schlossberg N.K. Retire Smart, Retire Happy: Finding Your True Path in Life. Washington, D.C.: American Psychological Association, 2004. 183 p.

References

Adams, G.A. and Rau, B.L. (2011), “Putting off tomorrow to do what you want today: Planning for retirement”, *American Psychologist*, vol. 66, pp. 180–192.

Demin, A.N. and Popova, I.P. (2000), “Ways of adaptation of the unemployed in a difficult life situation”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 35–46.

Drobysheva, T.V. and Sadv, V.A. (2021), “Development of a test questionnaire «scale of financial anxiety of the individual» (based on the method of P. Leahy)”, *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, vol. 6, no 2 (22), pp. 296–320.

Emelyanova, T.P. and Drobysheva, T.V. (2019), “The structure of social representations among people of different ages who have lost their jobs”, *Voprosy psikhologii*, no. 4, pp. 124–134.

Fantalova, E.B. (2001), *Diagnostika i psikhoterapiya vnutrennego konflikta* [Diagnosis and psychotherapy of internal conflict], Izdatel'skii dom «BAKhRAKh», Samara, Russia, 128 p.

Grable, J., Heo, W. and Rabbani, A. (2015), “Financial Anxiety, Physiological Arousal, and Planning Intention”, *Journal of Financial Therapy* [Electronic], vol. 5, iss. 2, available at: <https://doi.org/10.4148/1944-9771.1083> (Accessed 29 Jan. 2022).

Griffin, B., Loe, D. and Hesketh, B. (2012), “Using proactivity, time discounting, and the theory of planned behavior to identify predictors of retirement planning”, *Educational Gerontology*, vol. 38, pp. 877–889.

Hershey, D.A. and Mowen, J.C. (2000), “Psychological determinants of financial preparedness for retirement”, *The Gerontologist*, vol. 40, pp. 687–697.

Medyanik, O.V. (2020), “The impact of financial anxiety on the insurance behavior of Russians in the context of the COVID-19 pandemic”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*, vol. 13, no. 4, pp. 354–373.

Moen, Ph. (1996), "A Life Course Perspective on Retirement, Gender, and Well-Being", *Journal of Occupational Health Psychology*, vol. 1, no. 2, pp. 131–144.

Palaci, F., Jiménez, I. and Topa, G. (2017), "Economic Cognitions Among Older Adults: Parental Socialization Predicts Financial Planning for Retirement", *Frontiers Aging Neuroscience* [Electronic], 21 November, available at: <https://doi.org/10.3389/fnagi.2017.00376> (Accessed 29 Jan. 2022).

Pan'kova, A.A. (2018), "Problems of employment of older people", *Human progress*, [Electronic], vol. 4, no. 11, available at: http://progress-human.com/images/2018/Tom4_11/Pankova.pdf (Accessed 30 Jan. 2022).

Schlossberg, N.K. (2004), *Retire Smart, Retire Happy: Finding Your True Path in Life*, American Psychological Association, Washington, D.C., USA, 183 p.

Tarasov, M.V. (2016), *Psikhicheskoe sovladanie s faktom poteri raboty: kognitivno-volevye osobennosti vykhoda iz trudnoi zhiznennoi situatsii* [Mental coping with the fact of losing a job: cognitive-volitional features of getting out of a difficult life situation], KNORUS: ООО «Kvant Media», Moscow, Russia, 106 p.

Tatarko, A.N. and Lebedeva, N.M. (2008), "The study of social axioms: the structure and relationships with the socio-economic attitudes of Russians", *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 5, no. 4, pp. 135–143.

Zabelina, O.V. (2018), "Features of employment and problems of employment of persons of older age groups in the Russian labor market", *Ekonomika truda*, vol. 5, no. 1, pp. 165–176.

Информация об авторах

Татьяна П. Емельянова, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН, Москва, Россия; 129366, Россия, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1; t_emelyanova@inbox.ru

Ева Н. Викентьева, кандидат психологических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Ленинградский пр-т, д. 49; vikentieva@mail.ru

Information about the authors

Tatyana P. Emelyanova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 13–1, Yaroslavskaya street, Moscow, Russia, 129366; t_emelyanova@inbox.ru

Eva N. Vikentieva, Cand. of Sci. (Psychology), assistant professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 49, Leningradskiy Avenue, Moscow, Russia, 125993; vikentieva@mail.ru

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-49-62

Установки учителей к образовательному процессу и их представления о школе как факторы психологической безопасности

Екатерина М. Дубовская

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Психологический институт РАО,
Москва, Россия, dubovskaya13@gmail.com*

Виктория А. Баранова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия, bva06@mail.ru*

Аннотация. Проблема психологической безопасности в современной школе в настоящий момент высоко актуальна, но широкое толкование данной категории требует конкретизации. В исследовании была поставлена задача выявления установок учителей на взаимодействие с учащимися и представлений учителей о школе в целом. Подобная постановка вопроса позволяет под новым ракурсом обратиться к вопросу психологических аспектов безопасности образовательной среды. Исследование носит поисковый характер. Респондентами являлись 77 учителей средних школ, со средним педагогическим стажем 24,2 года. Результаты показали, что респонденты, прежде всего, единодушны в своих представлениях о школе как о важном институте обучения и воспитания с высокой ориентацией на цели и достижения, формализованностью и структурированностью. Учителя ориентированы на поддержание благоприятного климата в детской среде, снятие конфликтности, психологический комфорт поддержку детей в их начинаниях и самовыражении. Однако эмоциональная сторона отношений не занимает среди этих позиций доминирующего положения, хотя эмпатия по отношению к ученикам, доверительность общения с ними признается важной составляющей для создания дружелюбной атмосферы.

Ключевые слова: школа, учителя, ученики, взаимодействие учителя и ученика, представления о школе, установки учителей, психологическая безопасность

Для цитирования: Дубовская Е.М., Баранова В.А. Установки учителей к образовательному процессу и их представления о школе как факторы

психологической безопасности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 1. С. 49–62. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-49-62

The attitudes of teachers to the educational process and their perception of the school as factors of psychological safety

Ekaterina M. Dubovskaya

*Lomonosov State University,
Psychological Institute of Russian Academy of Education,
Moscow, Russia, dubovskaya13@gmail.com*

Victoria A. Baranova

*Lomonosov State University,
Moscow, Russia, bva06@mail.ru*

Abstract. The problem of psychological safety in the modern school is highly relevant at the moment, but a broad interpretation of this category requires specification. The article sets the task of identifying teachers' attitudes towards interaction with students and teachers' ideas about the school as a whole. This research task allows us to address the issue of psychological aspects of the safety of the educational environment from a new angle. The study is exploratory in nature. The respondents were 77 secondary school teachers with an average teaching experience of 24.2 years. The results showed that the respondents, first of all, are unanimous in their ideas about the school as an important institution of education and upbringing, with a high goal and achievement orientation, formalization and structure. Teachers are focused on maintaining a favorable climate in the children's environment, removing conflict, supporting psychological comfort, supporting children in their endeavors and self-expression. However, the emotional side of the relationship does not occupy a dominant position, although empathy for students, trust in communicating with them, is recognized as an important component of creating a friendly atmosphere.

Keywords: teacher's school, students, teacher-student interaction, ideas about the school, teachers' attitudes, psychological safety

For citation: Dubovskaya, E.M. and Baranova, V.A. (2022), "The attitudes of teachers to the educational process and their perception of the school as factors of psychological safety", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 49–62, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-49-62

Введение

Самые разные аспекты школьных проблем оказываются в фокусе внимания общества. Реформа образования обострила многие сюжеты школьной жизни, вызвала широкую дискуссию в обществе. Традиционной темой обсуждений является вопрос отношений учителя и учеников [Мудрик 2011]. В социальной психологии эта проблема формулируется как «система взаимодействия «учитель – ученик». Интерес к характеру взаимодействия ученик-учитель связан с двумя принципиальными положениями, которые, на наш взгляд, определяют социально-психологическую сторону образовательной среды. Во-первых, переход от манипулятивного субъект-объектного понимания взаимодействия ученик-учитель к партнерскому взаимодействию преподавателя и школьника. Во-вторых, принятие факта существования разнообразных стратегий взаимодействия, которые могут быть более или менее эффективны в разных ситуациях. Оба положения в достаточной мере представлены в психологической литературе (и в фундаментальной, и в прикладной). Наш интерес фокусируется на втором из них. Отмечая популярность и многозначность понятия «образовательная среда» и не ставя перед собой задачи глубокого анализа этого явления, обратим внимание только на важное место, какое в образовательной среде занимает стратегия взаимодействия с учениками, которую реализует как педагогический коллектив в целом, так и отдельный учитель. Необходимо подчеркнуть еще один момент, состоящий в том, что понятие образовательной среды дает возможность вычленить основной социально-психологический вектор – проблему безопасности в современной школе. Категория безопасности в системе образования, с одной стороны, имеет в настоящий момент высокую актуальность и значимость, а с другой – чрезвычайно широкое толкование, начиная с характеристик системы охраны школы, эпидемиологической ситуации и вплоть до условий развития творческой личности [Баранова и др. 2020].

Психологическая безопасность определяется как «состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее здоровье включенных в нее участников» [Баева 2008, с. 108]. Психологически безопасными можно считать такие межличностные отношения, которые вызывают у участников чувство принадлежности (референтной значимости среды); убеждают человека, что он пребывает вне опасности (отсутствие вышеперечисленных

угроз); укрепляют психическое здоровье [Баева и др. 2011]. Отдавая должное широте поставленных проблем, коснемся лишь их небольшой части – стратегий взаимодействия учителя с учениками. Новым будет, на наш взгляд, не постановка проблемы (она вполне традиционна), а угол рассмотрения характера взаимодействия учитель-ученики как фактора психологической безопасности ребенка в школе.

Основной угрозой во взаимодействии участников образовательной среды является получение психологической травмы, в результате чего наносится ущерб позитивному развитию и психическому здоровью, отсутствует базовое удовлетворение основных потребностей, то есть возникает препятствие на пути самоактуализации. Основной источник психотравмы – это психологическое насилие в процессе взаимодействия. Довольно часто субъектом этого насилия оказывается учитель (далеко не всегда осознанно).

Анализ работ по проблемам психологического насилия дает основание выделить следующие его проявления: публичное унижение; оскорбление; высмеивание; угрозы; обидное обзывание; принуждение делать что-то против своего желания; игнорирование; неуважительное отношение; недоброжелательное отношение. Критерием отсутствия данной угрозы будет оценка защищенности от психологического насилия для всех участников образовательной среды. Угрозой для психологической безопасности будет и непризнание референтной значимости образовательной среды ее участниками и, как следствие, реализация намерения ее покинуть или отрицание ее ценностей и норм [Баева 2008]. Отсюда еще одним критерием психологической безопасности образовательной среды будет ее референтная значимость, фиксируемая как отношение к ней – позитивное, нейтральное или отрицательное. Серьезной проблемой оказывается проявление в отношениях учитель-ученик элементов психологического насилия. Как правило, оно не осознается как таковое ни учителем, ни учеником. Речь идет, конечно, не о полноценном постоянном насилии взрослого над школьником, а о проявлении элементов такого поведения, об отдельных его параметрах. На наш взгляд, включение подобных паттернов в поведение учителя тесно связано с его общей более широкой установкой на взаимодействие с учащимися.

Угрозой психологической безопасности будет и отсутствие удовлетворенности основными характеристиками процесса взаимодействия всех участников образовательной среды, в том числе, естественно, и учителей. Эмпирическими проявлениями отсутствия психологической угрозы здесь являются: эмоциональный

комфорт, возможность высказать свою точку зрения; уважительное отношение к себе; сохранение личного достоинства; возможность обратиться за помощью, учет личных проблем и затруднений; внимание к просьбам и предложениям; помощь в выборе собственного решения.

Отсюда следует задача устранения перечисленных угроз в образовательной среде, что будет способствовать снижению психологических опасностей в образовательном пространстве. Мы поставили перед собой достаточно узкую задачу: выявить установки учителей на взаимодействие с учащимися, а также их представления о школе в целом. На наш взгляд, такой исследовательский подход может прояснить проблему социально-психологических аспектов безопасности образовательной среды.

Для обеспечения психологической безопасности в образовательной среде в контексте нашего исследования важен принцип психологической защиты личности каждого субъекта учебно-воспитательного процесса: устранение психологического насилия во взаимодействии, обеспечение психологической поддержки, возможность безопасного взаимодействия.

Исследование носит поисковый характер. Мы попытались, используя две методики исследования и данные вебинаров, проанализировать полученные результаты в целях построения дальнейшего плана изучения данной проблемы. Одна методика выявляет профессиональные установки учителей на характер взаимодействия учителей с учениками, другая фиксирует специфику представлений учителей о школе. Тексты высказываний учителей на вебинарах дополняют результаты. Обе методики проводились на одних и тех же респондентах.

Выборка

В исследовании участвовало 77 человек. Женщин – 69, мужчин – 8.

Образование: высшее – 74; среднее специальное – 3.

Педагогический стаж (среднее): 24,2 года.

Педагогический стаж в данной школе (среднее): 15,2 года.

Методы

Для изучения установок учителей мы воспользовались методикой И.М. Улановской и др. [Технология оценки 2010], которая рассматривает взаимодействие «учитель-ученик» и со стороны характеристик отношений, и с точки зрения ориентации учителей на содержание учебного процесса.

Описание шкал анкеты

Анкета для учителя содержит 81 утверждение, 74 из них распределены по 6 шкалам, а 7 утверждений являются фоновыми и не учитываются при обработке. Анкета включает 4 основных (1–4), 1 дополнительную шкалу (5) и шкалу лжи (6):

Шкала 1. Установка на традиционность обучения.

Шкала 2. Содержательное взаимодействие учителя с учащимися.

Шкала 3. Направленность учителя на эмоциональное общение с детьми.

Шкала 4. Настроенность учителя на психологическую комфортность атмосферы урока.

Шкала 5. Направленность учителя на индивидуализацию обучения.

Шкала 6. Шкала лжи.

Основные шкалы отражают различные аспекты учебного взаимодействия учителя с учащимися, дополнительная является уточняющей и определяет направленность учителя на индивидуализацию обучения. Шкала лжи выявляет степень искренности ответов на анкету и, на этой основе, позволяет отбросить недостоверные данные.

Шкала 1. Шкала определяет выраженность направленности учителя на традиционное обучение: отработку основных умений и навыков, строгое соблюдение дисциплины, обязательное заучивание формулировок, авторитарность учительской позиции, одинаковость требований к учащимся.

Шкала 2. В этой шкале выявляются приоритеты учителя в отношении к содержательному общению с учащимися, к организации в классе общей дискуссии, работе в группах, выяснению и обсуждению имеющихся мнений. Педагог может выступать в качестве равного партнера по учебной деятельности, в которой он стремится подвести детей к выработке собственного мнения, лидера, побуждающего детей к активному встречному взаимодействию, переводя даже шуточные детские замечания в содержательный план, либо оставаться в позиции руководителя, требующего от детей исполнительской деятельности.

Шкала 3. В данной шкале акцентируется эмпатийная сторона общения, оценивается достижение взаимопонимания с детьми, эмоциональное доверительное общение с ними, создание дружелюбной атмосферы, поддержка детских начинаний, самовыражения и инициативы.

Шкала 4. Она выявляет особенности установок и поведения учителя на уроке (особенности реагирования на ошибки, детскую конкуренцию, конфликтные ситуации, дисциплинарные моменты), которые способствуют или препятствуют благоприятной общей атмосфере, эмоциональному контакту с учащимися, хорошему психологическому самочувствию детей.

Шкала 5. Данная шкала отражает направленность учителя на индивидуальную работу с отдельными детьми на уроке, на предоставление возможности работать самостоятельно и по индивидуальной программе.

Шкала 6. Неискренность ответов респондента (шкала лжи). Данная шкала отражает правдивость ответов учителя как с общей поведенческой точки зрения, так и с профессиональной позиции. В нашем опросе результаты шкалы лжи мы не использовали, т.к. мы не проводили полноценного статистического анализа и не испытывали потребности в выбраковывании каких-либо ответов учителей. В целом можно сказать, что выборка учителей склонна к социально желательным ответам. Однако эта тенденция скорее говорит о сдвиге ответов к социальным стереотипам, чем о стремлении дать более одобряемые ответы. Иными словами, мы предполагаем, что полученные результаты в большей мере отражают реальную позицию учителей, нежели их стремление соответствовать ожидаемым (в их представлении) ответам.

Вторая методика представляла собой ассоциативную процедуру. Ответы учителей на вопрос «Напишите 5-7 ассоциаций, возникающих у вас на слово “школа”» были подвергнуты прототипическому и категориальному анализу по методу П. Вержеса [Бовина 2009]. Эти результаты сопоставлялись с ответами учителей на вопросы о школе, которые они давали на вебинарах, что позволило выявить специфические характеристики школьной среды в представлении учителей.

Результаты

Наши результаты по первой методике показали, что все описанные выше установки представлены в ответах учителей достаточно широко (см. табл. 1).

Таблица 1

Средние значения результатов ответов учителей по шкалам

Шкалы	1	2	3	4	5	6
Значения	43,27 (64)	39,27 (56)	39,3 (56)	52,01 (68)	12,85 (20)	34,72

Полноценный расчет статистической значимости по нашим данным провести не дает возможности, но, тем не менее, можно сделать следующие предположения. В той или иной мере все установки, включенные в используемый опросник, представлены в картине отношений учителей и учеников. Средние показатели всех шкал оказались не ниже медианных значений. В нашей выборке сильно выражена направленность на психологический комфорт. За этой общей вполне позитивной установкой может стоять разнообразное психологическое содержание. Психологический комфорт как составляющая безопасности кажется нам весьма значимым. В то же время создание «сдающих» условий жизни в школе уменьшает ориентацию на преодоление, на серьезную работу по освоению школьных знаний.

Более детально стоит отметить данные, полученные по двум шкалам, касающимся эмоциональной сферы отношений учитель-ученики. Одна из них оценивает устремленность учителя на эмпатию по отношению к ученикам, доверительность общения с ними, создание дружелюбной атмосферы и т.д. Учителя, принимавшие участие в нашем исследовании, в довольно большой степени соглашались с суждениями, выражающими эти чувства. Они ориентированы на поддержку детей в их начинаниях и самовыражении. Одновременно с этим ответы на вопросы 4 шкалы показали, что само взаимодействие с учениками и коррекция их взаимоотношений друг с другом также направлены на поддержание благоприятного климата в детской среде, снятию конфликтности, поддержке психологического комфорта. Однако если ориентироваться на значение медианы, то можно сделать предварительный вывод, что эмоциональная сторона отношений не занимает доминирующего положения.

В целом учителя нашей выборки довольно высоко оценивают индивидуальную работу со школьниками, возможность для учеников работать самостоятельно, учет их индивидуальных особенностей вплоть до разработки индивидуальных программ. На первый взгляд это кажется несколько удивительным. В традиции отечественной школы больше принято ориентироваться на коллектив и групповые стандарты. Индивидуальная работа (и со школьником, и самого школьника), возможно, дает большую эффективность образовательного процесса, но противоречит организации средней школы. И учителя не слишком ориентированы на такую форму работы, но соглашались с суждениями, соответствующими этим установкам.

Результаты, полученные по ассоциативной методике, показывают, что содержание представлений о школе у учителей представлено следующими понятиями:

Ядро ассоциаций составляют следующие элементы: (I) Низкий ранг (<3,36), Высокая частота (>=12): Ученики (дети, выпускники) (37; 2,8), Учитель (32; 2,9), Работа (23; 1,8), Учеба (обучение, образование) (23; 2,6), Дом, семья (18; 1,2), Знание (12; 2,6), Радость, удовольствие (позитив, любовь) (12; 3).

Первую периферическую область (II) Низкий ранг (<3,36), Низкая частота (<12): Коллеги (8; 2,9), Сообщество, коллектив (7; 2,4), Родители (9; 3,3), Пространственно-физические характеристики (большая, светлая, чистая, уютная, комфортная) (8; 3), Интересно (3; 3), Жизнь (3; 3).

(III) Высокий ранг (>=3,36), Высокая частота (>=12): Атрибуты школы (класс, учебник, оценки, каникулы, домашнее задание, форма и т.п.) (16; 4,6), Формализованность (порядок, дисциплина, правила и т.п.) (13; 3,5), Развитие, расширение кругозора (13; 3,46), Общение (17; 3,5), Дружба (друзья, подруги) (18; 3,4), Понимание (доверие, уважение, поддержка, забота, защита, взаимовыручка) (13; 3,9).

Собственно периферическая (IV) Высокий ранг (>=3,36), Низкая частота (<12): Стресс (нагрузки, напряженность, усталость, цейтнот и т.п.) (8; 3,8), Инновации (8; 4), Шум (суматоха, суета) (7; 5,2), Результаты (экзамены) (4; 4,75), Сотрудничество совместное дело (9; 3,6), Успех, карьера (9; 3,7), Праздники, мероприятия (3; 4), Администрация (директор, завуч) (3; 3,7).

В ядре расположены самые высокочастотные и низкие по рангу ассоциации, что характеризует особое место этих характеристик в раскрытии заданного понятия Школа. Такие ассоциации, как Ученики, Учитель, Работа, Учеба, Знание представляют основные элементы труда учителя. Два других элемента – Дом, Радость – являются специфическими, характеризующими представление о школе как о доме и семье и показывающими позитивный спектр чувств, очевидно связанный со школой и работой. Элементы зоны ядра (I) имеют смыслообразующую и организующую функции и проявляются через интерпретации и уточняющие значения в первой периферической (II, III) и собственно периферической (IV) областях. Респонденты достаточно единодушны в своих чувствах и оценках отношений к школе.

С ядерными элементами тесно связано содержание остальных областей: коллеги, сообщество, родители (II) конкретизируют понятие «работа», «ученики», «учителя», атрибуты школы, школьные требования и порядок (III), расположенное в периферии, является конкретизацией основных понятий ядерной области (I). Также понятие «учеба» и «знание» связано с понятиями периферических областей – развитие, расширение кругозора, «дом» – с общением, дружбой, взаимопониманием. Радость, удо-

вольствие (позитив, любовь) поддержаны элементами понимания (доверие, уважение, поддержка, забота, защита, взаимовыручка (II)).

Понятие «дом» конкретизируется пространственно-физическими характеристиками: большая, светлая, чистая, уютная, комфортная. Размещение этих характеристик во второй периферической области показывает их важность. Физические характеристики образовательной среды, как правило, воздействуют опосредованно, могут как усложнять обучение, так и облегчать его. Исследователями отмечается, что физические характеристики пространства по важности воздействия стоят в одном ряду с другими составляющими образовательной ситуации (расписанием, стилем преподавания и т.п.) [Смолова 2010]. Неуютные, некомфортные школьные помещения указывают на равнодушие по отношению к тем, кто учится и работает в этом здании. Если физические характеристики образовательной среды и психологические (особенности детей, стиль учителя, изучаемый материал) скоординированы, то обучение улучшается.

Анализ собственно периферической области (область IV, которая, с одной стороны, связана с элементами ядра и периферических областей, с другой, проявляет потенциальные траектории развития, возможные противоречия) показывает, что скрыто в данный момент времени, но может проявиться в будущем. Так, инновации могут поддерживать понятия «знание», «учеба» (I), развитие (II); администрация (директор, завуч) – «работу», (I), формализованность (II); сотрудничество, совместное дело – «понимание» и «общение» (II); праздники, мероприятия – ученики (I) радость (I), общение (II), сообщество (коллектив) (III), родители, (III); успех, карьера – радость (I), работа (I), развитие (II) и т.д.). Позиции учителей связаны с пониманием важности их профессии и работы, ее содержания, оценкой ученика в качестве главной ценности, а школы как дома, наполненного позитивными отношениями сотрудничества, взаимопонимания. Вместе с тем существуют угрозы профессионального выгорания, влияния перегрузок и стрессовых состояний на физическое и психологическое самочувствие.

Сопоставим описанные результаты с ответами учителей, которые они давали на вебинарах. Так на вопрос «Какое изображение больше подходит для описания Вашей школы?» (предъявлялись картинки с пояснениями-характеристиками) – наиболее предпочтительным стал вариант оценки своей школы как «места, ориентированного на цели и достижения» (44%). Каждый четвертый говорил о школе как о «формализованном и структурированном месте» (24%); оценки школы как «динамичного и

творческого места» (18%) и «дружественное место» (15%) также присутствовали, но реже.

Отметим, что образ школы, представленный ориентацией на цели и достижения, формализованностью и структурированностью, скоординирован с такими элементами ядра (I) и периферических областей, как *знание, формализованность, порядок, дисциплина, правила*. Характеристики динамичного, творческого и дружественного места подкреплены элементами: *развитие, расширение кругозора, общение, дружба, понимание, взаимовыручка*.

На вопрос о целях современной школы учителя чаще всего выбирали вариант ответа: «Создание условий для раскрытия способностей каждого» (20%). Именно в школе должны развиваться умения «жить» и работать в коллективе (18%), вырабатываться умения, навыки, привычки и убеждения (11%). Таким образом, для учителей школа должна, прежде всего, раскрывать способности детей и учить их жить и работать совместно. Цели школы, обозначенные в результатах опроса в ходе вебинара, также показывают согласованность с результатами ассоциативной методики. Создание условий для раскрытия способностей каждого подтверждается ядерными понятиями – *знание, ученики, учитель, работа, учеба* – как необходимыми элементами для этих условий, развитием, расширением кругозора. Умение «жить и работать в коллективе» поддержано *домом, общением, дружбой, пониманием, уважением, поддержкой*.

Выводы

Респонденты достаточно единодушны в своих оценках отношений к школе, ее образ представлен ориентацией на цели и достижения, формализованностью и структурированностью, основу которого составляют такие элементы ядра представлений, как *ученики, учитель, работа, учеба, знание*.

При этом школа оценивается в целом в характеристиках динамичного, творческого и дружественного места, предполагающего развитие, расширение кругозора, общение, дружбу, понимание, взаимовыручку.

Установки учителей демонстрируют важность психологического комфорта, поддержания благоприятного климата в детской среде, снятия конфликтности. Учителя, принимавшие участие в нашем исследовании, в большой степени соглашались с суждениями, характеризующими важность эмпатии по отношению к ученикам, доверительности общения с ними, создания дружелюбной атмосферы. Два элемента ядра – *дом, радость* – уточняют представления о школе и показывают позитивный спектр чувств,

связанный со школой и работой. Однако эмоциональная сторона отношений не занимает доминирующего положения.

Позиции учителей связаны с пониманием важности их профессии и работы, ее содержания, оценкой ученика в качестве главной ценности, а школы – как дома, наполненного позитивными отношениями сотрудничества, взаимопонимания. Вместе с тем выявлены угрозы профессионального выгорания, влияния перегрузок и стрессовых состояний на физическое и психологическое самочувствие.

Понимание учителями целей современной школы акцентирует необходимость создания условий для раскрытия способностей каждого ученика и развития умения «жить и работать» в коллективе. Высокая оценка учителями нашей выборки индивидуального подхода, индивидуальных программ показывает направление повышения эффективности образовательного процесса, но противоречит традиции организации отечественной школы, где принято ориентироваться на коллектив и групповые стандарты. Сопоставление того, насколько учителя в своей деятельности реализуют индивидуальную форму работы с собственными соответствующими установками, может показывать зону расхождения установок и реальной деятельности и являться направлением для дальнейшего изучения

Заключение

Вопрос взаимодействия субъектов образовательной среды, обеспечения безопасности образовательной среды является традиционной темой обсуждений в социальной психологии. Эта тема в данном исследовании изучается через определение установок учителей по отношению к образовательной среде и школе, выявление их представлений о школе, путем анализа высказываний учителей на вебинарах.

Результаты показали, что образ школы для учителей четко структурирован, представлен ориентацией на цели, достижения, наполнен конкретным содержанием, связанным с *учениками, учителями, работой, учебой, знаниями*.

Учителя демонстрируют также установки на доверительность общения с учениками, создание дружелюбной атмосферы взаимопонимания, на необходимость индивидуального подхода к каждому ученику.

Позиции учителей связаны с пониманием ими важности их профессии и работы, ее содержания, с оценкой ученика в качестве главной ценности, а школы – как дома, наполненного позитивными отношениями сотрудничества, взаимопонимания.

Сопоставление установок учителей, их представлений о своей школе с моделями и стратегиями их реальной деятельности может являться направлением для дальнейшего изучения.

Благодарность

Статья выполнена в рамках гранта «Взаимодействие между учителями, учениками и родителями в образовательной среде: возможности и ограничения» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-013-00525.

Acknowledgement

The article was carried out within the framework of the grant “Interaction between teachers, students and parents in the educational environment: opportunities and limitations” of the Russian Foundation for Basic Research, no. 19-013-00525.

Литература

Баева 2008 – *Баева И.А.* Общепсихологические категории в пространстве образовательной среды: монография. М.: МГППУ, 2008. 310 с.

Баева и др. 2011 – *Баева И.А., Волкова Е.Н., Лактионова Е.Б.* Психологическая безопасность образовательной среды: развитие личности / Под ред. И.А. Баевой. М.: Нестор-История, 2011. 272 с.

Баранова и др. 2020 – *Баранова В.А., Дубовская Е.М., Савина О.О.* Образовательная среда в условиях пандемии COVID-19: новые вызовы безопасности // Национальный психологический журнал. 2020. № 3 (39). С. 57–65.

Бовина 2009 – *Бовина И.Б.* Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект Пресс, 2009. 263 с.

Мудрик 2011 – *Мудрик А.В.* Социализация человека. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та, 2011. 623 с.

Смолова 2010 – *Смолова Л.В.* Психология взаимодействия с окружающей средой. СПб.: СПбГИПСУ, 2010. 711 с.

Технология оценки 2010 – Технология оценки образовательной среды школы // Под общ. ред. В.В. Рубцова и И.М. Улановской. М.: Психологический институт РАО, 2010. 255 с.

References

Baeva, I.A. (2008), *Obshchepsihologicheskie kategorii v prostranstve obrazovatel'noy sredy: monografiya* [General psychological categories in the space of the educational environment], MGPPU, Moscow, Russia.

Baeva, I.A., Volkova, E.N. and Laktionova, E.B (2011), *Psichologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noj sredy: razvitie lichnosti* [Psychological safety of the educational environment: personal development], Nestor-istoria, Moscow, Russia.

Baranova, V.A., Dubovskaya, E.M. and Savina, O.O (2020), "Educational environment in the context of the COVID-19 pandemic: new security challenges", *Nacional'nyj psichologicheskij zhurnal*, no. 3 (39), pp. 57–65.

Bovina, I.B. (2009), *Social'naya psichologiya zdorov'ya i bolezni* [Social psychology of health and disease], Aspekt Press, Moscow, Russia.

Mudrik, A.V. (2011), *Socializaciya cheloveka* [Human socialization], Izd-vo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta, Moscow, Russia.

Rubcova, V.V. and Ulanovskoj, I.M. (ed.) (2010), *Tekhnologiya ocenki obrazovatel'noj sredy shkoly* [Technology for assessing the educational environment of the school], Psichologicheskii institut RAN, Moscow, Russia.

Smolova, L.V. (2010), *Psichologiya vzaimodejstviya s okruzhayushchej sredoj* [Psychology of interaction with the environment], SPbGIPSR, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторах

Екатерина М. Дубовская, кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный университет, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11/9;

Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 9, стр.4; *dubovskaya13@gmail.com*

Виктория А. Баранова, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11/9; *bva06@mail.ru*

Information about the authors

Ekaterina M. Dubovskaya, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Lomonosov State University, Moscow, Russia; bld. 11/9, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009;

Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9-4, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009; *dubovskaya13@gmail.com*

Victoria A. Baranova, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Lomonosov State University, Moscow, Russia; bld. 11/9, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009; *bva06@mail.ru*

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-63-84

Особенности идентичности представителей трех профессиональных сообществ в процессе социализации

Маргарита М. Кончаловская

*Психологический институт РАО,
Москва, Россия, konch_m@mail.ru*

Наталья И. Юрченко

*Психологический институт РАО,
Москва, Россия, yurchenko_natalya@icloud.com*

Аннотация. Разнообразие, «текучесть», неясность современного мира содействует возникновению разных структур и разновидностей идентичности, неустойчивости баланса идентичностей. Поэтому изучение особенностей социокультурной, территориальной, лингвистической и этнической идентичностей имеют большое значение в современной действительности. Предлагаемое исследование позволило рассмотреть более полноценную картину сходств и отличий идентичностей студентов трех профессиональных сообществ. В нем приняли участие 60 респондентов в возрасте от 19 до 27 лет. В структуре социокультурной идентичности семья оказалась наиболее значимой группой для всех испытуемых в настоящее неопределенное и нестабильное время. Также все респонденты продемонстрировали большую значимость лингвистической идентичности. Студенты-математики с меньшим интересом относятся к иностранному языку, чем к русскому, а для студентов-лингвистов родной язык менее значим, чем иностранный. При исследовании этнической идентичности наиболее позитивное отношение к собственной культуре и к проживанию в своей родной стране показала группа будущих педагогов-математиков, а неяркая позиция относительно родной культуры и активное желание сменить место жительства на другую страну оказалась у студентов-психологов. Студенты-лингвисты дали наиболее множественные характеристики своей и чужой культуры. Исследование показало, что на становление территориальной, социокультурной, лингвистической и этнической идентичностей студентов-математиков, студентов-лингвистов и студентов-психологов большое влияние оказывает профессиональное сообщество, наличие профессионального стажа, а также социальная среда, возраст, социальное положение, ситуация с COVID-19 в стране и мире.

© Кончаловская М.М., Юрченко Н.И., 2022

Ключевые слова: профессиональное сообщество, социализация, социокультурная идентичность, территориальная идентичность, этническая идентичность, лингвистическая идентичность

Для цитирования: Кончаловская М.М., Юрченко Н.И. Особенности идентичности представителей трех профессиональных сообществ в процессе социализации // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 1. С. 63–84. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-63-84

Features of the identity of representatives of the three professional communities in the process of socialization

Margaret M. Konchalovskaya

*Psychological Institute, Russian Academy of Education,
Moscow, Russia, konch_m@mail.ru*

Natalya I. Yurchenko

*Psychological Institute, Russian Academy of Education,
Moscow, Russia, yurchenko_natalya@icloud.com*

Abstract. Diversity, “fluidity”, ambiguity of the modern world contributes to the emergence of different structures and varieties of identity, instability of the balance of identities. The study of the features of socio-cultural, territorial, linguistic and ethnic identities is of great importance in modern reality. The study allowed us to consider a more complete picture of the similarities and differences in the identities of students in three professional communities. The study involved 60 respondents aged 19 to 27 years. In the structure of socio-cultural identity, the family turned out to be the most significant group for all the subjects at the present uncertain and unstable time. All respondents demonstrated the great importance of linguistic identity in the study. It is noted that mathematics students have less respect for a foreign language than for Russian, and for linguistic students, their native language is less significant than a foreign one. In the study of ethnic identity, the most positive attitude to their own culture and to living in their native country was shown by a group of future mathematics teachers, and students-psychologists indicated a dim position towards their native culture and an active desire to change their place of residence to another country. Linguistic students gave the most multiple characteristics of their own and foreign culture. The study showed that the formation of territorial, sociocultural, linguistic and ethnic identities of mathematics students, linguistics students and psychology students is greatly influenced by the professional community, the presence of professional

experience, as well as the social environment, social status, age, the situation with COVID-19 in the country and the world.

Keywords: professional community, socialization, sociocultural identity, territorial identity, ethnic identity, linguistic identity

For citation: Konchalovskaya M.M. and Yurchenko, N.I. (2022), "Features of the identity of representatives of the three professional communities in the process of socialization", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 63–84, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-63-84

Введение

На процесс социализации личности влияют не только окружающие ее люди, но и тенденции, прослеживаемые в обществе, а также культура, происходящие в мире события, информационно-технический прогресс, расширение информационного пространства, постоянное взаимодействие с гаджетами, посредством которых можно находиться «в любом месте» и общаться с носителями любого языка, не покидая дом [Марцинковская, Киселева 2017].

Увеличение межличностных и межгрупповых взаимодействий ведет к обретению новых знаний, ценностей. Это, определенно, помогает социализации в транзитивном мультикультурном пространстве и поиску своей собственной идентичности [Гавриченко, Марцинковская, 2017].

Формирование и содержание идентичности играет немаловажную роль в процессе социализации у современной молодежи, особенно в текущей ситуации неопределенности и транзитивности, связанной с пандемией коронавируса.

Теоретическое обоснование исследования идентичности разных профессиональных сообществ

Исследования идентичности уже многие годы являются одним из самых важных направлений психологических исследований, но, несмотря на это, до сих пор актуальны. Они открывают все новые горизонты в процессе появления новых задач современности. На протяжении многих десятилетий формирование идентичности осуществлялось в стабильном мире, со стабильными представлениями людей о нормах, ценностях, идеалах. Глобализация и массовые миграционные процессы, активно развивающиеся в последние несколько лет, приводят к увеличению культурной, лингвистической, социальной множественности, изменчивости социальных представлений и ценностей. Изменчивость и неопределенность современного мира способствуют уве-

личению различных конфигураций идентичности, бесконечному разнообразию в соотношении ее видов, неустойчивости баланса идентичностей [Идентичность в повседневном 2017; Киселева, Орестова 2018; Гусельцева 2018].

Идентичность сегодня – это не только трансдисциплинарное понятие, являющееся связующим звеном между психологией и смежными областями социогуманитарного знания, но также термин, интегрирующий знание внутри психологии, включая исследование структур личного, социального, культурного и индивидуального поведения [Гусельцева 2018; Полева 2018].

Как отмечает М.С. Гусельцева, «воздействие на становление идентичности проявляется на трех основных уровнях: универсальном (человечество, общечеловеческие ценности, цивилизационное развитие); макросоциальном (социальные группы и сообщества, принятые в них нормы и ценности); персональном (человек, его личные предпочтения, индивидуальность и субъективность)» [Гусельцева 2018].

По мнению М.С. Гусельцевой, на первом (универсальном) уровне происходит совокупность процессов, распространение которых оказывает влияние на все человечество. Подобные процессы лучше всего прослеживаются в ходе становления цивилизации: это некие глобальные изменения, связанные, например, с освоением людьми огня, приручением диких животных, изобретением печатного станка, автомобиля, самолета, расширением глобальной сети интернет или началом пандемии коронавируса. На данном уровне происходит формирование планетарной идентичности, более свойственной новым поколениям, которые осмысливают себя в масштабе человечества, ориентированы на сотрудничество.

В работе А.Б. Ахмедова и Т.Д. Марцинковской исследовалось влияние негативных внешних воздействий (ситуации стресса, военных действий) на развитие Я-концепции. Полученные ими материалы показали, что усиление внешних воздействий активизирует стабилизационный потенциал Я-концепции, внутренние ресурсы которого несут синергетическую функцию, уравновешивающую дестабилизирующие негативные воздействия среды [Ахмедов, Марцинковская 2010]. В настоящем исследовании также изучается влияние внешних негативных воздействий (ситуация стресса, пандемия коронавируса) на особенности содержания идентичности молодежи.

На втором (макросоциальном) уровне на человека оказывают влияние сообщества и социальные группы, где внутри развивается специфическая коммуникативная среда. Социальная идентичность, рассматриваемая как принадлежность к группе, предпо-

лагает схожий опыт, включающий в себя одни и те же знания, ценности, переживания и убеждения. В социальном пространстве «многочисленность и разнообразие групп приводят к заметным и устойчивым различиям, которые связаны с множеством разных условий жизни» [Анолли 2016, с. 420; Гусельцева 2018].

На третьем (персональном) уровне человек рассматривается как творец своей собственной культуры, получившей название идиокультура. Это окружающая человека «культуральная оболочка», что становится мостом между ним и огромным миром, переорганизовывает его восприятия и интерпретации, основываясь на имеющихся у этого человека знаниях, убеждениях, на всём его предыдущем опыте [Анолли 2016, с. 419; Гусельцева 2018]. С точки зрения психологии, формирование идиокультуры и есть становление персональной идентичности. Сама по себе персональная идентичность является динамичным образованием.

При выборе группы в современном транзитивном и виртуальном пространстве в качестве объекта идентификации доминирующей становится стратегия социальной идентичности. Выбор человеком групп и ролей в качестве объектов идентификации оказывает непосредственное влияние на определение себя в соответствии с ними. Стратегия социальной идентичности находит отражение в описаниях себя как личности, когда представления о себе формируются, исходя из того образа Я, который видят другие. Такие социальные представления о себе зависят от коммуникативной ситуации. Согласно Д.А. Леонтьеву, именно они создают лабиринт идентичностей человека [Леонтьев 2009; Леонтьев 2012; Полева 2018].

Наше исследование посвящено особенностям разных видов идентичности студентов-лингвистов, студентов-математиков и студентов-психологов, взаимодействующих со своими профессиональными сообществами: педагогов-лингвистов, педагогов-математиков и психологов.

Формирование разных видов идентичности играет важную роль в процессе вхождения человека в новую социальную действительность, в новое профессиональное сообщество, но и профессиональное сообщество оказывает большое влияние на формирование идентичности молодежи.

О. Иванов и О. Карлюкова, говоря о профессиональном сообществе, подразумевают группу людей из двух и более человек, которые регулярно вступают между собой в коммуникацию с целью обмена опытом и практиками, исходя из чего вырабатываются знания и поиск новых, более эффективных подходов к решению профессиональных задач [Иванов, Карлюкова 2004]. Теоретически можно предположить, что будущие педагоги-математики, пе-

дагоги-лингвисты и психологи благодаря этому общению входят в профессиональный круг. Если рассмотреть различие понятий «профессия» и «профессионал», мы увидим, что, если овладение профессией предполагает определенный вид трудовой деятельности, совокупность теоретических знаний, практического опыта и трудовых навыков, а также определяется разделением труда; то профессионал – это индивид, основное занятие которого является его профессией [Социологический энциклопедический словарь 1998, с. 276].

Согласно П.А. Сорокину, профессия деформирует психику профессионала как в деталях, так и в целом. Например, чтобы стать хорошим экономистом или бухгалтером, человеку требуется избавиться от рассеянности; или, желая стать хорошим педагогом, невозможно быть невоспитанным или распущенным и т.д. [Сорокин 1994, с. 341].

Л.А. Григорович, исследуя профессию педагога, указывает на неоднородность профессии и на ее смежность с другими специальностями. Как отмечает автор, профессия педагога, в целом, относится к группе профессий «человек-человек» [Григорович 2005]. Стоит подчеркнуть, что в нашем исследовании приняли участие две группы будущих педагогов – лингвисты и математики. Третья группа респондентов является будущими психологами, чья деятельность тоже подразумевает отношения «человек-человек».

Эмпирическое исследование особенностей идентичности студентов-математиков, студентов-лингвистов и студентов-психологов

Профессия, которую выбрал человек, накладывает большой отпечаток на разные виды его идентичности. Для доказательства этого предположения нами было проведено исследование, целью которого стало определение особенностей социокультурной, территориальной, лингвистической и этнической идентичности студентов-лингвистов, студентов-математиков и студентов-психологов, взаимодействующих с профессиональными сообществами педагогов-лингвистов, педагогов-математиков и психологов.

Выборка исследования. Всего в исследовании приняли участие 60 студентов в возрасте от 19 до 27 лет, которых мы разделили на 3 группы. 1 группа будущих педагогов английского и немецкого языков, обучающихся на лингвистическом факультете МИТУ-МАСИ (20 человек в возрасте от 19 до 22 лет). 2 группа будущих психологов, обучающихся на психологическом факультете МИТУ-МАСИ (20 человек в возрасте от 19 до 22 лет). 3 группа будущих педагогов-математиков и специалистов ИКТ, обучающихся на факульте-

те начального образования МПГУ (20 человек в возрасте от 23 до 27 лет). Все респонденты были осведомлены о целях исследования и дали согласие на обработку своих персональных данных.

Методики исследования. Определить особенности социокультурной идентичности у трех групп респондентов позволила методика «Структура социальной идентичности», особенности территориальной идентичности – методика «Территориальная идентичность», особенности этнической идентичности – методика «Особенности этнической идентичности», особенности лингвистической идентичности – методика «Отношение к родному и иностранному языкам» [Идентичность и социализация 2015].

Социокультурная идентичность

Социокультурная идентичность, как указывает Т.Д. Марцинковская, формируется посредством интериоризации внешних требований, превращения их в интенции, мотивацию и ценности людей. Встает важный вопрос о психологических механизмах, способствующих переводу этих требований во внутреннюю структуру личности [Гавриченко, Марцинковская 2017].

По мнению И.С. Семененко, социокультурная идентичность представляет собой аналитическую категорию, описывающую принадлежность индивида к сообществу, которое в свое время выстраивается на общих культурных основаниях, общих социальных институтах и практиках [Идентичность 2017].

Социокультурная идентичность личности связана с такими основополагающими терминами, как культура и социум. Существует множество определений понятия культуры в социальных науках. Культура – это, прежде всего, общая для данной социокультурной общности система смыслов и значений, мир ее символы, обеспечивающий единство восприятия реальности, единство ориентиров поведения [Социология 2004, с. 131].

Многие студенты-математики на первой позиции в структуре социокультурной идентичности обозначили семью (40%). Некоторые из них (20 %) выбрали в качестве первой позиции свою культуру и свои увлечения и хобби. Остальная (небольшая) часть педагогов-математиков первой отметила группу представителя человечества и своего города (по 10 % соответственно).

На второй позиции у 20% педагогов-математиков оказалась гендерная идентичность, группа представителя человечества, группа своего поколения и семья. У остальных – группа своих увлечений, хобби и семья (по 10% соответственно).

На третьей позиции у 30% педагогов-математиков обнаружилась группа своего языка. Остальные респонденты показали

очень сильный разброс. Они выбрали группу своей культуры, группу своей профессии и семьи (по 20% соответственно). Незначительная часть педагогов-математиков выбрала группу представителя человечества (10%).

Таким образом, в структуре социокультурной идентичности у педагогов-математиков приоритетными позициями стали семья, культура и свои увлечения и хобби. При этом у педагогов-математиков оказалась ярко выражена гендерная идентичность и группа своего поколения, а также группа своего языка.

У педагогов-лингвистов на первом месте в структуре социокультурной идентичности оказалась семья, группа своей религии (25%). Немногие из них выбрали группу представителя своих увлечений и хобби, группу своей культуры, группу жителя своего города (по 12,5% соответственно).

На втором месте у 25% студентов-лингвистов оказалась семья. Остальные респонденты на втором месте выбрали группу представителя человечества, группу своих увлечений и хобби, группу гражданина своей страны, группу представителя своего поколения и возраста, гендерную идентичность и группу представителя своего языка (по 12,5% соответственно).

На третье место 35,5% студентов-лингвистов поместили группу представителя своего языка. Остальные на третьем месте обозначили гендерную идентичность, группу своей профессии, группу представителя своей культуры, группу представителя своих увлечений и хобби и группу представителя своего поколения и возраста (по 12,5% соответственно).

Среди психологов в качестве первой позиции в структуре социокультурной идентичности все испытуемые выбрали семью. На второй позиции у половины будущих психологов оказалась гендерная идентичность, а также группа представителя человечества (33%) и группа своей профессии (17%).

На третьей позиции у 33% психологов была помещена группа представителей своего поколения и возраста, а остальные продемонстрировали большое разнообразие: часть выбрала группу представителей своего языка (17%), группу своих увлечений и хобби (17%), гендерную идентичность (17%) и группу гражданина своей страны (17%).

Таким образом, в структуре социокультурной идентичности приоритетные позиции у студентов-математиков и студентов-лингвистов оказались практически одинаковыми: они выбрали семью, культуру, группу своего города и увлечения и хобби. Все психологи выбрали семью. При этом студенты-лингвисты и студенты-психологи придают большое значение принадлежности к группе своего языка и своей профессии, а

студенты-математики – своей гендерной идентичности, группе представителя человечества и своего поколения и возраста.

Территориальная идентичность

Территориальная идентичность является частью социальной идентичности, которая состоит из реальной территориальной идентичности и идеальной территориальной идентичности. Реальная территориальная идентичность включает в себя у каждого человека с определенного возраста представление о своем любимом городе, значимом месте в городе и идентификацию со своим личным пространством. Идеальная территориальная идентичность – это образ города, где человек хотел бы жить, значимые критерии при выборе места проживания, идеальное место своего проживания [Кончаловская, Юрченко 2018]. Согласно Т.Д. Марцинковской, территориальная идентичность связана с идентификацией человека с определенным местом и образом города, его людьми или достопримечательностями [Марцинковская 2021]. По мнению И.Л. Прохоренко, территориальная идентичность опирается на культурную память и повседневные связи в прошлом, настоящем и будущем именно между людьми, проживающими на этой территории и воспринимающими образ территории как референтную систему ориентиров для выстраивания своих жизненных стратегий [Идентичность 2017]. В современном мире, где по разным причинам преобладает мобильность человека, его идентификация со своей территорией утрачивается, особенно это часто проявляется у молодого поколения.

В исследовании Н.А. Голубевой и М.М. Кончаловской отмечается, что профессионально значимая деятельность и место локализации человека определяют не только отношение к месту своего проживания, но и содержание самой территориальной идентичности [Голубева, Кончаловская 2013].

Реальная территориальная идентичность у студентов-математиков, студентов-лингвистов и студентов-психологов.

Для большинства респондентов математиков (67%) любимым городом оказалась Москва. Для остальных любимыми городами стали – Лондон, Нью-Йорк и Санкт-Петербург (11% студентов-математиков соответственно).

Педагоги-лингвисты, в основном, предпочли города России: Санкт-Петербург (25%), Москва (12,5%), Видное (12,5%). Некоторые из них выбрали Берлин и Ташкент (12,5%), а четверть педагогов-лингвистов не имеют представления о любимом городе (25%).

Большая часть психологов, как и математиков, выбрали Москву. Для некоторых психологов любимыми городами оказа-

лись также Санкт-Петербург, Голицыно, Лисичанск и Майами (17%).

Среди педагогов-математиков наблюдался очень сильный разброс в выборе значимого места в городе. Значимым местом в городе для некоторых педагогов-математиков оказался свой дом (33%), центр Москвы (44%) и Воробьевы горы (12%). У 11% педагогов-математиков нет представления о значимом месте в городе.

Для четверти педагогов-лингвистов значимым местом проживания оказался старый дом, которого уже нет. У остальных было выявлено значительное разнообразие. Для некоторых педагогов-лингвистов таковым оказался район Щукино (12,5%), католическая церковь в Москве (12,5%), улицы Ташкента (12,5%), лес в Москве (12,5%), улица Радиальная в г. Видное (12,5%). Меньшинство педагогов-лингвистов не имеют представления о значимом месте проживания в городе (12,5%).

Психологов характеризовала сильная вариабельность при выборе значимого места в городе. Для некоторых ими оказались усадьба Пушкина, (17%), Китай-город (17%), Красная площадь (17%), костел непорочного зачатия Девы Марии, Площадь Ленина. У немногих психологов нет представления о значимом месте проживания в городе (17%).

Выяснилось, что местом, с которым ассоциируется личное пространство, у большинства педагогов в области математики и ИКТ является свой дом (78%). У меньшинства педагогов-математиков оно связано со своим округом и семьей (11% соответственно).

Оказалось, что больше, чем у трети, педагогов-лингвистов личное пространство связано со своей комнатой (37,5%). Для некоторых педагогов-лингвистов данное пространство представляет свой округ и город (12,5%), дом и семью (12,5%), загородный дом (25%). Для остальных респондентов оно связано со своим телефоном (12,5%).

Для большей части психологов (67%) такое пространство связано со своим загородным домом. Для меньшей части психологов (33%) это пространство представляет собой семью.

Затем мы исследовали особенности идеальной территориальной идентичности будущих педагогов-математиков, педагогов-лингвистов и психологов: город, в котором они хотели бы жить, значимые критерии при выборе места проживания, идеальное место проживания.

Оказалось, что несколько больше половины будущих педагогов-математиков хотели бы жить в России (55%). Меньшинство педагогов-математиков хотели бы жить в Европе (23%), а некото-

рые выбрали Великобританию и Америку (по 11% соответственно) в качестве своего идеального места проживания.

Педагоги-лингвисты разделились на пять групп: одни из них хотели бы жить в России (25%), другие – в Англии (25%), и третьи – в Америке (25%). Остальные две малочисленные группы хотели бы жить в Европе (12,5%) или не имеют еще представления об идеальном месте проживания (12,5%).

В нашем исследовании обнаружилось, что половина психологов хотели бы жить в Европе. Примерно треть психологов выбрали Россию в качестве идеального места проживания (33%), и малочисленная их часть (17%) – город у моря.

Будущие педагоги-математики разделились на три группы при обозначении значимых критериев при выборе места проживания. Для первой важнее всего оказались люди (44%), для второй – культура (33%), и для третьей – инфраструктура (23%).

При обозначении данных критериев при выборе идеального места проживания педагоги-лингвисты разделились на пять групп: для одной из них важны люди (25%), для другой – язык и культура (25%), и для третьей – окружающий пейзаж и люди (25%). Для остальных двух групп важна инфраструктура (12,5%) и все критерии (12,5%).

Студенты-психологи среди данных критериев обозначили в большей своей части людей (83%) и в меньшей – культуру (17%).

После этого мы исследовали представление об идеальном месте проживания. Немного больше половины будущих педагогов-математиков выбрали малый город в качестве идеального места проживания. Остальные респонденты выбрали мегаполис (23%) и загород (22%).

Для большинства педагогов-лингвистов данным местом оказался мегаполис (75%). Для меньшинства из них им стал малый город и загород (12,5 % соответственно).

Все психологи (100%) выбрали мегаполис в качестве наилучшего места проживания.

Данные нашего исследования показали, что реальная территориальная идентичность студентов трех профессиональных сообществ оказалась схожей: так, у большинства математиков, психологов и лингвистов любимые города находятся в России, а у меньшинства математиков и психологов – в Америке. Небольшая часть студентов-лингвистов не имеют представления о любимом городе. Идеальная территориальная идентичность студентов трех исследуемых групп отличается друг от друга: большая часть лингвистов хотела бы жить за границей (в Великобритании, Америке или Европе), а психологов – в Европе. Меньшая часть

лингвистов и психологов выбрали Россию. Математики разделились на две группы: одна хотела бы жить в России, а вторая – в Европе, Великобритании или Америке.

Лингвистическая идентичность

Каждый носитель своего языка представляет собой языковую личность, которая в энциклопедическом словаре определяется как «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств». Данное определение связано с изучением языковой картины мира, которая понимается как исторически сложившаяся в повседневном сознании какого-либо языкового общества. Она находит отражение в языке в качестве совокупности представлений о мире, являет собой некий способ конструирования действительности. Эта совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений, формирует единую систему взглядов, которая «въедается» в сознание всех носителей языка. Такая самая система взглядов и есть лингвистическая идентичность.

Как показала анкета «Отношение к языкам», выборку составили студенты, чьим родным языком является русский язык (56 чел.), узбекский (1 чел.), белорусский (1 чел.), киргизский (1 чел.) и украинский (1 чел.). На русском языке думают 100% респондентов-математиков, 95% респондентов-психологов и 65% респондентов-лингвистов. При этом 15 % лингвистов думают на английском языке, 10% – на английском и русском языках, 5% – на немецком и 5% на узбекском. Среди математиков – 5% думают на украинском. Стоит отметить, что английский и немецкий языки являются для всех респондентов иностранными. Данные, полученные в исследовании, показывают, что отношение респондентов к родному и иностранному языкам, в целом, положительное: 73% всех студентов выбрали максимальный балл для обоих языков.

Примечательно, что 100% студентов-психологов оценили и родной, и иностранный языки максимальным баллом. Студенты-математики отдали предпочтение русскому языку, поставив в среднем 9,4 балла из 10 возможных, а иностранный язык оценили лишь в 7,1 балла. Студенты-лингвисты, наоборот, выше оценили иностранный язык (9,6 балла), чем русский (9,3 балла). Студенты-лингвисты относятся к иностранному языку лучше, чем к своему родному, вероятно, по той причине, что иностранные языки предоставляют молодым юношам и девушкам больше возможности для самореализации в профессиональном и персональном планах. Соответственно, у данной группы студентов наибольшая потребность именно в иностранном языке, чем в родном. У сту-

дентов-математиков, напротив, данной потребности, вероятно, нет, так как у большинства членов этой группы респондентов (все работающие) уже произошло профессиональное становление, которое никак не связано с владением иностранными языками.

Согласно ответам респондентов, иностранный язык опрошенные знают, по их мнению, не так хорошо, как свой родной. Знание иностранного языка студенты оценили следующим образом: лингвисты – 6,85 балла (из 10), психологи – 4, математики – 2,5. Интересен факт, что знание родного языка этих групп можно представить в виде той же самой убывающей кривой: максимальный балл будет принадлежать лингвистам – 9,35, средний психологам – 8,8, наименьший – математикам – 6,8. Стоит предположить, что повышение знания иностранных языков влечет за собой ощущение улучшения знания родного языка, и это все способствует развитию положительного отношения к обоим языкам.

Почти все студенты (58 чел.) уверены, что знание языков расширяет кругозор и способствует развитию интеллекта человека. И только 2 студента-математика полагают, что иностранные языки не оказывают влияния на интеллект или оказывают немного.

Все студенты-лингвисты единогласно отвечали, что в перспективе хотели бы связать свое будущее с иностранным языком и культурой. Однако 40% психологов и 45% математиков не имеют такого желания. 83% всех респондентов считают, что человеку для полноценного общения и профессионального развития знания лишь родного языка не достаточно. Только 1 студент-лингвист, 2 психолога и 4 математика не согласны с данным утверждением. 3 студента (1 лингвист и 2 математика) придерживаются мнения, что все зависит от профессии индивидуума.

Примечательным является тот факт, что идентификация себя с языком у студентов-лингвистов превалирует. Это, вероятно, связано с тем, что для студентов-психологов и студентов-математиков нет особой значимости владения иностранным языком, в отличие от студентов-лингвистов, язык для которых представляется ядром профессиональной деятельности. В целом, социализационный потенциал всех трех групп респондентов довольно высок. Здесь, скорее всего, следует учитывать возраст трех групп респондентов: это молодые юноши и девушки, становление которых происходило и продолжается в быстро меняющемся мире. Также следует отметить, что все респонденты – жители Москвы, поэтому, вероятно, из-за быстрого темпа жизни в Москве ее жители имеют достаточно высокий социализационный потенциал. По мнению 95% опрошенных, родной и иностранный языки необходимы для осознания своей национальной и культурной

принадлежности. Также респонденты почти единогласно (97%) считают, что ребенок должен знать язык обоих родителей. При изучении языка, как отметило большинство респондентов, больше всего помогает познавательная и профессиональная мотивация, а также интеллект и память. Студенты-лингвисты также подчеркивают важность знания другого иностранного языка.

Детальный анализ отношения респондентов к родному и иностранным языкам показал, что для всех трех групп студентов характерно положительное отношение к родному и иностранному языкам. Однако группа студентов-математиков продемонстрировала менее заинтересованное отношение к иностранному языку, чем к русскому. Студенты-лингвисты, наоборот, более положительно настроены по отношению к иностранному языку.

Этническая идентичность

Наиболее отчетливое осознание своей этнической идентичности у человека появляется в процессе межнационального общения, в поликультурной среде. Разделяющими этносы признаками при этом выступают родной язык, культура, религия и др. Этническая идентичность позволяет человеку осознать не только свою принадлежность к группе, но и свою уникальность, а также отличительные особенности своей и чужой культуры. В процессе коммуникации с чужой культурой формируется этнически-ценностная среда личности, определяется значимость этнической принадлежности, ее роли в жизни и деятельности человека.

Результаты методики Г.Р. Хузеевой показали, что 23% студентов (где 5,7% лингвистов, 5,8% психологов и 11,5% математиков) устраивает Москва в качестве настоящего и будущего места жительства и, собственно, Россия. Еще 23% будут удовлетворены любым другим городом России (5,8% лингвистов, 3% психологов и 14,2% математиков). То есть 46% респондентов (11,5% лингвистов, 8,8% психологов и 25,7% математиков) хотели бы жить в России. 37% студентов (14,2% лингвистов, 11,4% психологов и 11,4% математиков) нацелены на дальнейший переезд в другие страны, среди которых Германия, США, Англия, Испания, Китай, Узбекистан, несколько респондентов предпочли любые европейские страны.

Следует отметить, что респонденты наших трех групп дали гораздо больше характеристик при ответе на вопрос, в чем помогает им их культура, чем на вопрос, в чем им мешает их культура. 69% ответов студентов (15% лингвистов, 19% психологов и 35% математиков) на первый вопрос были направлены на личность (н-р, идентифицировать себя, развиваться, видеть прекрасное, разви-

ваться духовно, стать разносторонним человеком, гордиться собой и т.д.). Остальные ответы (27%: 11,5% лингвистов, 4% психологов и 11,5% математиков) были связаны с взаимодействием в социуме (н-р, общаться с людьми, вдохновляться у других, вдохновлять других, лучше понимать/анализировать историю моего народа, гордиться своей культурой, сравнивать себя с другими культурами, находить общее и разное между своей и другими культурами и т.д.). Как видно из примеров, для некоторых респондентов (11,5%) важной областью является культура – преимущественно для лингвистов (8%) и незначительного числа математиков (3,5%). Интересно, что психологи совсем не указали характеристики этнической принадлежности, но в то же время они единственные (4% из них) отметили характеристики, относящиеся к профессии.

При ответе на вопрос «В чем мешает культура?» в основном преобладают характеристики, указывающие на какую-либо деятельность (н-р, работать, курить (получаю осуждение со стороны других), спокойно жить, заниматься делами, и др.) или собственную личность (н-р, выражать себя, понять себя, составить собственное представление о чем-либо и др.). Также в ответах в незначительном количестве имеются характеристики, демонстрирующие культурную и языковую составляющие (н-р, найти понимание между мной и другими культурами, говорить с другими без акцента, быть культурным человеком, изучить другую культуру, узнавать культуры других народов, изучать языки других народов и др.). Важно подчеркнуть, некоторые студенты из трех групп (32%) указали, что родная культура совершенно им не мешает (18% лингвистов, 3% психологов и 11% математиков).

При описании своего народа обе группы респондентов в большей степени указывали положительные характеристики – 61% (н-р, вежливый, сильный, гостеприимный, дружелюбный, хороший, знают о политике, великий, умный, богатый, активный, отзывчивый и др.). Это говорит об осознании студентами необходимости положительной презентации своей культуры при взаимодействии с представителями «чужих» культур. Интересен факт, что математики дали большее количество положительных ответов, чем лингвисты и психологи. Имеется также 17% отрицательных характеристик (н-р, мог бы быть и лучше, трусы, злой, становится хуже с каждым годом, невоспитанный и др.). Стоит отметить, что больше всего негативных комментариев дали лингвисты.

Наиболее ценными в своей культуре для всех респондентов являются личностные характеристики ее представителей (душевность, искренность, терпение, спокойствие, понимание, уникальная способность передавать бесконечную тоску, готовность помочь, тесная связь с семьей), чуть реже традиции и обычаи,

свойственные их культуре (традиции, обычаи, праздники, фольклор, кухня, пельмени), характеристики самой культуры и языка (богатство языка, богатство, разнообразие), а также деятельность отдельных людей (вклад великих людей, исторические события, искусство, театр) и др. Важно отметить, лингвисты дали наибольшее количество ответов.

Детальный анализ результатов методики «Особенности этнической идентичности» показал, что наиболее довольна своей культурой группа будущих педагогов-математиков. Именно они в большей степени предпочитают остаться жить в России и дают, при сравнении с другими, множество ответов на вопрос, в чем им помогает их культура. Также математики указывают большее число положительных характеристик при описании своего народа. Можно предположить, что причиной активной и положительной презентации своей культуры служат несколько факторов: возраст данной группы респондентов (они несколько старше членов двух других групп), определенность с местом жительства, карьерными планами и построением собственной семьи и удовлетворенность от своего выбора. Психологи не продемонстрировали свою позицию в отношении к родной культуре, но стоит отметить, что нацеленность данной группы на переезд в другие страны преобладает над желанием жить в России. Вероятно, это связано с юным возрастом респондентов, отсутствием своей собственной семьи и, соответственно, наличием возможностей для изменения места жительства. Лингвисты обнаружили активный интерес к переезду в другие страны, дали наибольшее количество культурных характеристик при ответе на вопрос, в чем им помогает культура. Они также в большей степени склонны полагать, что их родная культура никак не мешает им. Парадоксально, но именно лингвисты дают большее число отрицательных описаний своего народа по сравнению с другими группами, а также большее число описаний, характеризующих ценности родной культуры.

Заключение

Обобщенные результаты исследования показали, что молодое поколение лингвистов больше ориентировано на свою профессиональную самореализацию. Своим будущим идеальным местом проживания они видят Европу, Великобританию и Америку. Будущие педагоги-математики и психологи придают большее значение семье и своей гендерной идентичности и выбирают как Россию, так и Европу, Великобританию и Америку для своего идеального проживания в будущем. Возможно, это связано с тем, что лингвисты владеют знанием нескольких иностранных

языков, а будущие педагоги-математики и психологи не имеют таких навыков.

Среди студентов гуманитарных специальностей большую роль играет принадлежность к группе своего языка и своей профессии, а у студентов технической специальности – к своей гендерной идентичности, к группе представителя человечества и своего поколения и возраста. Лингвисты и психологи в большей степени, чем математики, оказались сконцентрированы на своей карьере, ориентированы на ценности профессионального развития и самосовершенствования.

Как отмечает Т.Д. Марцинковская, в современной ситуации, связанной с развитием пандемии и ковид-19, происходит сужение жизненного пространства личности. Действительно, в нашем исследовании подтвердилось, что в 2020 году у многих студентов понятие «личное пространство» прочно ассоциируется со своей комнатой. Интересным кажется тот факт, что некоторая часть студентов выбрала телефон в качестве атрибута своего личного пространства.

В нашем исследовании оказалось, что у некоторых студентов отсутствует целостная структура территориальной идентичности. Многие из них не имеют представления о любимом городе, значимом месте в городе или вообще о своем идеальном месте проживания в будущем. Возможно, это вызвано тем, что в кризисной и нестабильной современной ситуации, способствующей созданию стресса, изменяются личностные особенности, с вероятным усугублением некоторых из них, и повышается тревожность у многих людей.

Студенты лингвистической специальности осознают важность идентификации себя с языком и отмечают значимость владения не только своим родным языком, но и иностранным. Респонденты двух других групп также продемонстрировали большую значимость лингвистической идентичности; однако студенты-математики проявили менее заинтересованное отношение к иностранному языку, чем к русскому, а студенты-лингвисты, наоборот, посчитали родной язык менее значимым, чем иностранный.

Важно отметить, что все респонденты – молодые люди, жители Москвы, вероятно, поэтому социализационный потенциал всех трех групп молодых юношей и девушек очень высок.

Наиболее позитивное отношение к своей собственной культуре и к проживанию в своей родной стране отмечается у групп будущих педагогов-математиков. У будущих психологов, напротив, прослеживается нечеткая позиция в отношении к родной культуре и активное желание сменить место жительства на другую страну. В ответах будущих педагогов-лингвистов обнаружи-

вается большое число характеристик своей культуры (от строго негативных к позитивным), понимание важности своей культуры в становлении личности и наибольший интерес к жизни в других странах. В процессе расширения представлений о мире, знаний о других языках, культурах, обычаях и традициях у респондентов возрастает положительное отношение к другим языкам и народам и уменьшается этноцентризм. Постигание своей собственной культуры предполагает осознание как положительных аспектов родной культуры, так и отрицательных.

Таким образом, полученные результаты исследования позволяют сказать, что обучение в профессиональном сообществе оказывает огромное влияние на разные виды идентичности. Будущие лингвисты и будущие математики как представители педагогической профессии в структуре социальной идентичности подчеркивают значимость своей профессии. Психологи и лингвисты, чьи профессии непосредственно базируются на взаимодействии с другими людьми (у психологов – с клиентами, а у лингвистов – с представителями изучаемых культур и языков), демонстрируют высокую ориентированность на ценности профессионального развития и самосовершенствовании. Математики, в силу специфики своей работы, напротив, не разделяют интересы психологов и лингвистов, а также не ориентируются на проживание в других странах и полностью удовлетворены своей культурой. Психологи и лингвисты, с разных сторон изучающие людей в рамках своих профессиональных деятельности, активно заинтересованы в смене места жительства, особенно это ярко выражено у лингвистов, специализирующихся в области культуры и обычаев других стран. В результате анализа данных нашего исследования выяснилось, что, помимо профессиональной среды, на идентичность оказывает влияние возраст респондентов, место жительства, социальный статус, жизненная позиция, наличие или отсутствие профессионального стажа, а также эпидемиологическая ситуация в стране и в мире.

Благодарность

Статья выполнена в рамках госзадания ААА-А-А19-119012990181-0.

Acknowledgment

The article was prepared within a state task, project АА-А-А19-119012990181-0.

Литература

Анолли 2016 – *Анолли Л.* Психология культуры. Харьков: Гуманитарный центр, 2016.

Ахмедов, Марцинковская 2010 – *Ахмедов А.Б., Марцинковская Т.Д.* Синергетические и холистические тенденции Я-концепции: теория и эмпирика [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2010. № 3 (11). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n3-11/321-akhmedov-marsinkovskaya11.html> (дата обращения 20 июня 2021).

Гавриченко, Марцинковская 2017 – *Гавриченко О.В., Марцинковская Т.Д.* Культура как образующая идентичности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. С. 11. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1458-gavrichenko54.html> (дата обращения 03 сент. 2021).

Голубева, Кончаловская 2013 – *Голубева Н.А., Кончаловская М.М.* Территориальная идентичность и ценностные ориентации как факторы структурирования социального пространства [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 32. С. 7. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n32/909-golubeva32.html> (дата обращения 13 окт. 2021).

Григорович 2005 – *Григорович Л.А.* Экспериментальное исследование профессионального самосознания педагогов дошкольных образовательных учреждений. М.: Прометей, 2005.

Гусельцева 2018 – *Гусельцева М.С.* Изучение идентичности в контексте культуры: методология латентных изменений [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1547-guseltseva58.html> (дата обращения 10 нояб. 2021).

Иванов, Карлюкова 2004 – *Иванов О., Карлюкова О.* Профессиональные сообщества в России: количественный анализ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hr-portal.ru/article/professionalnye-soobshchestva-v-rossii-kolichestvennyy-analiz> (дата обращения 20 авг. 2021).

Идентичность 2017 – *Идентичность: Личность, общество, политика.* Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Изд-во «Весь мир», 2017.

Идентичность в повседневном 2017 – *Идентичность в повседневном и транзитивном мире* / Отв. ред. Т.Д. Марцинковская. М.: МПГУ, 2017.

Идентичность и социализация 2015 – *Идентичность и социализация в современном мире.* Сборник методик / Отв. ред. Т.Д. Марцинковская. М.: МПГУ, 2015.

Киселева, Орестова 2018 – *Киселева Е.А., Орестова В.Р.* Специфика социальной идентичности этнических немцев, проживающих на разных территориях [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. С. 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1551-kiseleva58.html> (дата обращения 18 окт. 2021).

Кончаловская, Юрченко 2018 – *Кончаловская М.М., Юрченко Н.И.* Особенности идентичности студентов-лингвистов как представителей одного профессионального сообщества // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 1 (11). С. 99–116.

Леонтьев 2009 – *Леонтьев Д.А.* Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // Философские науки. 2009. № 10. С. 5–10.

Леонтьев 2012 – *Леонтьев Д.А.* Идентичность личности в полисоциальном мире // Философские науки. 2012. № 11. С. 89–105.

Марцинковская 2021 – *Марцинковская Т.Д.* Хронотоп города в контексте психологии повседневности // Новые психологические исследования. 2021. № 3. С. 5–17.

Марцинковская, Киселева 2017 – *Марцинковская Т.Д., Киселева Е.А.* Социализация в мультикультурном пространстве // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 53. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n53/1425-martsinkovskaya53.html> (дата обращения 14 нояб. 2021).

Полева 2018 – *Полева Н.С.* От идентификации к идентичности // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. С. 3. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1549-poleva58.html> (дата обращения 24 нояб. 2021).

Сорокин 1994 – *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. 560 с.

Социологический энциклопедический словарь 1998 – Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Отв. ред.-координатор Г.В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА-М Норма, 1998. 488 с.

Социология 2004 – Социология. Учебное пособие / Отв. ред. Д.С. Клементьев. М.: Эксмо, 2004.

References

Akhmedov, A.B. and Martsinkovskaya, T.D. (2010), “Synergetic and holistic tendencies in self-concept: theory and practice”, *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Electronic], no. 3 (11), pp. 1, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n3-11/321-akhmedov-marsinkovskaya11.html> (Accessed 20 June 2021).

Anolli, L. (2016), *Psikhologiya kul'tury* [Psychology of culture], Gumanitarnyi tsentr, Khar'kov, Ukraine.

Gavrichenko, O.V. and Martsinkovskaya, T.D. (2017), "Culture as an identity creator", *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Electronic], vol. 10, no. 54, p. 11, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1458-gavrichenko54.html> (Accessed 3 Sept. 2021).

Golubeva, N.A. and Konchalovskaya, M.M. (2013), "Territorial identity and values as factors of structuring social space", *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Electronic], vol. 6, no. 32, p. 7, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n32/909-golubeva32.html> (Accessed 13 Oct. 2021).

Grigorovich, L.A. (2005), *Eksperimental'noe issledovanie professional'nogo samosoznaniya pedagogov doshkol'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii* [Experimental study of professional self-awareness of teachers of preschool educational institutions], Prometei, Moscow, Russia.

Gusel'tseva, M.S. (2018), "The study of identity in the context of culture: the methodology of latent changes", *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Electronic], vol. 11, no. 58, p. 2, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1547-guseltseva58.html> (Accessed 10 Nov. 2021).

Ivanov, O. and Karlyukova, O. (2004), "Professional communities in Russia: quantitative analysis" [Online], available at: <http://www.hr-portal.ru/article/professionalnye-soobshchestva-v-rossii-kolichestvennyy-analiz> (Accessed 20 Aug. 2021).

Kiseleva, E.A. and Orestova, V.R. (2018), "Specificity of the social identity of ethnic Germans living in different territories", *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Electronic], vol. 11, no. 58, p. 5, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1551-kiseleva58.html> (Accessed 18 Oct. 2021).

Klement'ev, D.S. (ed.) (2004), *Sotsiologiya. Uchebnoe posobie* [Sociology. Tutorial], Eksmo, Moscow, Russia.

Konchalovskaya, M.M. and Yurchenko, N.I. (2018), "Features of the identity of linguistic students as representatives of the one professional community", *Vestnik RGGU. "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie" Seriya*, no. 1 (11), pp. 99–116.

Leont'ev, D.A. (2009), "Labyrinth of identities: not a person for an identity, but an identity for a person", *Filosofskie nauki*, no. 10, pp. 5–10.

Leont'ev, D.A. (2012), "Personal identity in a polysocial world", *Filosofskie nauki*, no. 11, pp. 89–105.

Martsinkovskaya, T.D. (2021), "Chronotope of the city in the context of the psychology of everyday life", *Novye psikhologicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 5–17.

Martsinkovskaya, T.D. and Kiseleva, E.A. (2017), "Socialization in multicultural space", *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Electronic], vol. 10, no. 53, p.2, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n53/1425-martsinkovskaya53.html> (Accessed 14 Nov. 2021).

Martsinkovskaya, T.D. (ed.) (2015), *Identichnost' i sotsializatsiya v sovremennom mire. Sbornik metodik* [Identity and socialization in the modern world. Collection of techniques], MPGU, Moscow, Russia.

Martsinkovskaya, T.D. (ed.) (2017), *Identichnost' v povsednevnom i tranzitivnom mire* [Identity in the everyday and transitive world], MPGU, Moscow, Russia.

Osipov, G.V. (ed.) (1998), *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii slovar' na russkom, angliiskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom yazykakh* [Sociological encyclopedic dictionary in Russian, English, German, French and Czech languages], Izdatel'skaya gruppa INFRA-M Norma, Moscow, Russia.

Poleva, N.S. (2018), "From identification to identity", *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Electronic], vol. 11, no. 58, p. 3, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1549-poleva58.html> (Accessed 24 Nov. 2021).

Semenenko, I.S. (ed.) (2017), *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition], Izd-vo «Ves' mir», Moscow, Russia.

Sorokin, P.A. (1994), *Obshchedostupnyi uchebnik sotsiologii. Stat'i raznykh let* [Public textbook of sociology. Articles from different years], Nauka, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Маргарита М. Кончаловская, кандидат психологических наук, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; konch_m@mail.ru

Наталья И. Юрченко, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; yurchenko_natalya@icloud.com

Information about the authors

Margaret M. Konchalovskaya, Cand. of Sci. (Psychology), Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9-4, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009; konch_m@mail.ru

Natalya I. Yurchenko, Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9-4, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009; yurchenko_natalya@icloud.com

Связь психологических особенностей и синдрома профессионального выгорания у сотрудников фармацевтических компаний

Татьяна В. Рябова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, riabova07@mail.ru*

Оксана Е. Холодова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, oksanakholodova@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования профессионального выгорания у работников коммерческой организации. В нем приняли участие сотрудники фармацевтической компании (N=101) с разным стажем, высшим образованием, в возрасте от 22 до 60 лет (SD=8,62), мужчины 21,8% женщины 78,2%. Социо-демографические переменные (пол, возраст), характеристики профессиональной деятельности (стаж, должность, преимущественное содержание рабочих задач, соответствие обязанностей образованию) не связаны с выраженностью выгорания данной выборки. Черты «темной триады» «макиавеллизм» и «психопатия» значимо выше в группе более выгоревших сотрудников, показатели по шкале «нарциссизм» не продемонстрировали значимых различий. Показатели проактивных стратегий совладания («проактивное преодоление», «рефлексивное преодоление», «стратегическое планирование») оказались значимо выше у менее выгоревших сотрудников, а напряженность психологических защит не различалась. Проактивные стратегии совладания связаны с выгоранием у всех респондентов, психопатия связана с выгоранием у респондентов со средней выраженностью выгорания, защитные механизмы личности связаны с выгоранием у респондентов с высокой выраженностью выгорания. С выгоранием сотрудников фармацевтической компании, принимавших участие в данном исследовании, оказались сопряжены именно психологические особенности респондентов, а не характеристики организации их профессиональной деятельности. В частности, с выгоранием оказались ассоциированы макиавеллизм, психопатия, проактивные копинг-стратегии, психологические защиты, причем связи этих психологических характеристик различаются у респондентов с разной выраженностью выгорания. Результаты исследования свидетельствуют

о целесообразности изучения психологических факторов выгорания с учетом фазы выгорания.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, темная триада, проактивное совладающее поведение, психологические защиты

Для цитирования: Рябова Т.В., Холодова О.Е. Связь психологических особенностей и синдрома профессионального выгорания у сотрудников фармацевтических компаний // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 1. С. 85–98. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-85-98

Association of psychological features and professional burnout syndrome among employees of pharmaceutical companies

Tatiana V. Ryabova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, riabova07@mail.ru*

Oksana E. Kholodova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, oksanakhodova@yandex.ru*

Abstract. The results of a study of professional burnout among employees of a commercial organization are presented in the article. The study involved employees of a pharmaceutical company (N=101) with different experience, higher education, aged 22 to 60 years (SD=8.62), men 21.8%, women 78.2%. Socio-demographic variables (gender, age), characteristics of professional activity (length of service, position, predominant content of work tasks, compliance of responsibilities with education) are not associated with the severity of burnout in this sample. The traits of the “dark triad” “Machiavellianism” and “psychopathy” are significantly higher in the group of more burned-out employees; the indicators on the “narcissism” scale did not show significant differences. Indicators of “proactive overcoming”, “reflexive overcoming”, and “strategic planning” turned out to be significantly higher in less burned-out employees, and the intensity of psychological defenses did not differ. Proactive coping strategies are associated with burnout in all respondents, psychopathy is associated with burnout in respondents with moderate burnout severity, and personality defense mechanisms are associated with burnout in respondents with high burnout severity. The burnout of the pharmaceutical company employees who took part in this study turned out to be associated with the psychological characteristics of the respondents, and not the characteristics of the organization of their professional activities. In particular, Machiavellianism,

psychopathy, proactive coping, and psychological defenses were associated with burnout, and the connections of these psychological characteristics differ among respondents with different burnout severity. The results of the study indicate the expediency of studying the psychological factors of burnout, taking into account the severity and phase of burnout.

Keywords: professional burnout, dark triad, proactive coping behavior, psychological defenses

For citation: Ryabova, T.V. and Kholodova, O.E. (2022), "Association of psychological features and professional burnout syndrome among employees of pharmaceutical companies", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogy. Education" Series*, no. 1, pp. 85–98, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-85-98

Введение

По данным службы государственной статистики на 2019 год около 18% работающего населения РФ трудится в бюджетных организациях, но большая часть, 82% работающего населения, заняты в коммерческих и некоммерческих организациях, не получающих государственного финансирования, или являются предпринимателями. Интерес к изучению профессионального выгорания у сотрудников фармацевтической компании вызван малым количеством исследований выгорания в организациях, не имеющих финансирования из государственного бюджета. Выявление факторов, связанных с профессиональным выгоранием, является актуальной задачей, позволяющей прогнозировать риск развития профессионального выгорания как в коллективе вообще, так и у конкретного сотрудника в частности, проводить своевременную адресную профилактику в зависимости от психологического профиля сотрудника.

Термин «выгорание» используется около 50 лет, многие зарубежные и отечественные специалисты изучали тему: М.А. Аминов, В.В. Бойко, Н.Е. Водопьянова, Н.В. Гришина, А. Лэнгле, А.К. Маркова, К. Маслач, В.Е. Орел, А.А. Рукавишников, Е.С. Старченкова, Х. Фрейденбергер и другие. Отечественными исследователями в последние 10-15 лет изучения феномена выгорания выделены и обобщены наиболее значимые теоретические подходы [Черкасова 2011]; осуществлены исследования организационных и индивидуальных факторов его развития у сотрудников разных профессий [Сорокин 2016; Водопьянова, Старченкова 2021]. В отношении некоторых факторов, таких, например, как защитные механизмы личности [Кондратьева, Садовников 2017], стратегии совладающего поведения [Сульдина, Левкова 2014], данные разных исследований согласуются друг с другом, но на вопросы о роли других факторов пока не получен однозначный ответ. Связь профессионального вы-

горания и личностных черт является предметом многих дискуссий. В нашей работе в фокусе внимания – черты «темной триады» (нарциссизм, макиавеллизм и психопатия). Исследования показывают, что роль каждой из этих черт в профессиональной деятельности сотрудника может быть неодинаковой, сведения о связи их с выгоранием неоднозначны и противоречивы. Отметим, что определение выраженности таких черт, как нарциссизм, психопатия, макиавеллизм с использованием опросника «темной триады» не претендует на клиническую диагностику личностных расстройств, а лишь отмечает степень выраженности этих проявлений у респондента [Егорова, Ситникова 2014].

В одном из зарубежных исследований взаимосвязей между чертами «темной триады», мотивацией и выгоранием у сотрудников отдела кадров выявили значимую корреляцию между выгоранием и чертами «темной триады»: макиавеллизм и психопатия оказались значимо связаны с выгоранием, в отличие от нарциссизма. Авторы обращают внимание на то, что черты «темной триады» следует рассматривать отдельно из-за разного характера связей, а макиавеллизм и психопатия имеют более пагубные последствия, чем нарциссизм [Prusik, Szulawski 2019]. Э.З. Усманова с соавторами изучала выгорание у врачей с разным стажем и студентов медиков на выборке из 124 человек от 20 лет и до 62 лет [Усманова и др. 2017]. В результате анализа степени выраженности составляющих «темной триады» в трех группах респондентов были определены значимые различия по шкале «психопатия» и «нарциссизм», но не по шкале «макиавеллизм». Группы врачей с разным стажем значимо не отличались по показателю нарциссизма, а самыми «нарциссичными» оказались студенты-медики, обнаружилось существенные различия для показателя «психопатия» между студентами и врачами со стажем работы 11-20 лет. Эта черта была так же, как и нарциссизм, более выражена у студентов, что объяснялось изменением их социальной среды развития.

Большая часть исследований выгорания сфокусирована не только на тех факторах, которые мешают человеку преодолевать выгорание, но и на тех особенностях, которые способствуют предотвращению или преодолению этого явления. Концепция проактивного совладающего поведения, предложенная Л. Аспинвалом с соавторами, объединяет эмоциональные, когнитивные и социальные факторы в персональный адаптивный жизненный стиль и предполагает персональную ответственность за преодоление преград [Aspinwall, Taylor 1997], проактивное совладающее поведение представляет собой многомерный конструкт, позволяющий позитивно преодолевать жизненные трудности [Старчен-

кова 2009]. Результаты данных исследования, опубликованного в 2020 году, проведенного на выборке из 178 экологов, демонстрируют, что группа экологов с «проактивным» типом совладающего поведения показывает минимальный уровень профессионального выгорания по сравнению с двумя группами с «реактивным» и «активным» типом копинга. У группы с «проактивным» копингом самый высокий показатель профессиональной успешности [Воищева, Слабинский 2020].

Целью нашего исследования стало изучение связи профессионального выгорания с выраженностью симптомов «темной триады», механизмами психологической защиты и проактивными копинг-стратегиями у сотрудников фармацевтической компании.

В ходе работы применялись следующие методики:

1) Опросник диагностики уровня профессионального выгорания, автор В.В. Бойко;

2) Авторская анкета для выявления социо-демографических характеристик респондентов и организационных факторов профессиональной деятельности;

3) Короткий опросник «Темная триада» Д. Полхус, К. Уильямс в адаптации М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой;

4) Опросник «Индекс напряженности защит», авторы Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х.Р. Конт в адаптации Л.И. Васерман;

5) Опросник проактивного совладающего поведения Л. Аспинвалл, Е. Грингласс, Р. Шварцер, С. Тауберт в адаптации Е.С. Старченковой.

Выборка. В исследовании приняли участие сотрудники фармацевтической компании (N=101) с высшим образованием, в возрасте от 22 до 60 лет (SD=8,62), мужчины 21,8%, женщины 78,2%. Сотрудники со стажем работы менее года составили 12,9%, со стажем год и более – 22,8%, три года и более – 22,8% и пять лет и более – 41,6%.

Результаты

Анализ социо-демографических факторов (возраст, пол, семейное положение) и организационных факторов профессиональной деятельности (стаж работы, наличие или отсутствие подчиненных, преимущественно офисная или надомная форма работы, содержание основных рабочих задач (работа с сотрудниками / с документацией / взаимодействие с внешними клиентами), соотношение профессиональной деятельности с профилем образования) показал, что ни один из показателей не был

значим для показателя «общий балл выгорания», поэтому дальнейший анализ проводился без распределения на подгруппы по какому-либо социо-демографическому или «организационному» показателю.

Применяемые опросники не предполагают выделения критических «нормативных» значений, но результаты позволяют проводить сравнительное исследование степени выраженности показателей. В результате опроса по данным методики профессионального выгорания В.В. Бойко было выявлено, что средний показатель общего балла выгорания равен 148,06 ($SD=51,25$). Таким образом, диапазон значений средней степени выраженности выгорания для данной выборки респондентов составил интервал от 96,8 до 199,31 балла. В соответствии с полученным диапазоном значений были выделены три группы по общему баллу выгорания (см. табл. 1). В нашей выборке респондентов фармацевтической компании две трети респондентов могут быть отнесены к тем, у кого профессиональное выгорание не превышает средних значений по группе.

Был проведен анализ значимых различий между группами по параметрам «темной триады», «защитных механизмов», «проактивных совладающих стратегий» с использованием критерия Манна-Уитни (см. табл. 2).

Таблица 1

Распределение респондентов по возрасту и полу в группах, выделенных по выраженности выгорания

Низкая выраженность > 96,8 N=11		Средняя выраженность $96,8 < \text{Выгорание} < 199,3$ N=74		Высокая выраженность < 199,3 N=16	
Средний возраст (лет)	38,9	Средний возраст (лет)	38,8	Средний возраст (лет)	38,5
SD	8,6	SD	8,4	SD	8,4
Женщины	7	Женщины	60	Женщины	12
Мужчины	4	Мужчины	14	Мужчины	4

Обнаружено, что показатели «макиавеллизма» в группе с высокой выраженностью выгорания значимо выше, чем в группе с низкой выраженностью ($p=0,045$). «Проактивное преодоление» значимо выше в группах с низкой и средней выраженностью выгорания по сравнению с группой с «высоким» выгоранием ($p=0,02$; $p=0,04$ соответственно). Показатель «поиск информационной поддержки» значимо выше в группах с низкой и высокой

выраженностью выгорания по сравнению с группой со средней выраженностью выгорания ($p=0,042$; $p=0,003$ соответственно). «Стратегическое планирование» выше в группе со средней выраженностью выгорания, чем в группе с высокой ($p=0,01$).

Таблица 2

Средние значения показателей, по которым выявлены значимые различия между группами с разной выраженностью выгорания

Переменные	Низкая выраженность N=11	Средняя выраженность N=74	Высокая выраженность N=16
Макиавеллизм $p=0,045$	27,7 (SD=5,1)	-	31,5 (SD=6,1)
Проактивное преодоление $p=0,042$; $p=0,003$	46,2 (SD=4,4)	44,2 (SD=6,5)	40,6 (SD=6,2)
Поиск информационной поддержки $p=0,042$; $p=0,003$	35,8 (SD=17,1)	17,1 (SD=4,4)	20,3 (SD=4,1)
Стратегическое планирование $p=0,01$	-	12,2 (SD=2,9)	10,1 (SD=3,0)

Для выявления связей между психологическими характеристиками респондентов и уровнем профессионального выгорания был проведен корреляционный анализ в каждой из трех групп. Поскольку в группах получилось разное количество человек, для дальнейшего анализа мы сосредоточились на тех корреляционных связях, которые были получены на строгом уровне достоверности ($p<0,01$). В группе с низкой выраженностью выгорания не были выявлены значимые связи на уровне 0,01. Анализ взаимосвязей показателей в группе со средней выраженностью выгорания показал следующие значимые связи: прямые связи общего балла выгорания с «психопатией» ($r=,298^{**}$); обратные значимые связи общего балла выгорания с «проактивным преодолением» ($r=-,328^{**}$), «рефлексивным преодолением» ($r=-,385^{**}$) и «стратегическим планированием» ($r=-,333^{**}$). Анализ показателей группы с высокой выраженностью выгорания продемонстрировал значимые связи общего балла выгорания с «поиском информационной поддержки» ($r=,722^{**}$); с «компенсацией» ($r=-,733^{**}$), «замещением» ($r=-,697^{**}$), общей напряженностью защит ($r=-,719^{**}$).

Хотя использование методики В.В. Бойко для оценки выгорания позволяет применять в качестве сравнительного показателя

выгорания общий суммарный балл, представляется, что более информативным, содержательным и обоснованным было бы оперирование показателями, свидетельствующими о конкретных фазах выгорания. Поэтому на следующем этапе статистического анализа ответы респондентов были проанализированы по трем фазам выгорания и степени их сформированности: фазы напряженности, фазы резистентности, фазы истощения. Респонденты были распределены по ключу методики на три подгруппы, соответствующие этапам формирования фаз профессионального выгорания: «фаза не сформирована», если сумма баллов меньше или равна 36 ($x < 36$); «фаза формируется», если сумма баллов больше или равна 37 и меньше или равна 60 ($37 < x < 60$); «фаза сформирована», если сумма баллов равна или больше 61 ($x > 61$).

На основании полученных данных были созданы две группы: группа респондентов, у которых фаза истощения не формируется (СФИ1, N=50); группа респондентов, объединяющая сотрудников, у которых фаза истощения формируется (n=36) и сформирована (n=15) (СФИ2, N=51).

При сравнении по критерию Манна-Уитни обнаружены значимые различия между показателями групп СФИ1 и СФИ2 по шкале психопатии и трем типам проактивного совладающего поведения (см. табл. 3).

Таблица 3

Средние значения показателей,
по которым выявлены значимые различия
между группами с разной выраженностью выгорания

Переменные	Фаза истощения не формируется N=50	Фаза истощения формируется или сформирована N=51
Психопатия $p=0,048$	16,3 (SD=3,2)	18,0 (SD=4,0)
Проактивное преодоление $p=0,004$	46,3 (SD=5,4)	43,9 (SD=6,4)
Рефлексивное преодоление $p=0,029$	35,1 (SD=6,2)	33,7 (SD=6,2)
Стратегическое планирование $p=0,017$	12,6 (SD=3,0)	11,9 (SD=3,0)

Показатель «темной триады» – «психопатия» – у сотрудников с истощением значимо выше, чем в другой группе, где истощение еще не формируется ($p=0,048$). Показатели таких типов проактивного совладающего поведения, как «проактивное прео-

доление» ($p=0,004$), «рефлексивное преодоление» ($p=0,029$) и «стратегическое планирование» ($p=0,017$) значимо больше выражены в группе с несформированным истощением.

Статистический анализ корреляций в двух группах распределенных по сформированности фазы истощения выявил в группе с истощением прямые значимые связи общего балла выгорания с «поиском информационной поддержки» ($r=,448^{**}$). Значимые связи общего балла выгорания с психологическими характеристиками на строгом уровне значимости в группе с отсутствующим истощением не были обнаружены.

Подытоживая полученные на двух этапах сравнения и корреляционного анализа результаты, можно отметить следующее.

Анализ различий определил, что показатели по шкале «макиавеллизм» значимо выше в группе более выгоревших сотрудников. Показатели по шкале «психопатия» не продемонстрировали значимые различия в трех группах, выделенных по выраженности общего балла выгорания. В результате дополнительного анализа было показано, что у сотрудников со сформированной фазой истощения были значимо большие показатели по шкале «психопатия». Показатели по шкале «нарциссизм» не продемонстрировали значимых различий. Показатели некоторых проактивных стратегий совладания («проактивное преодоление», «рефлексивное преодоление», «стратегическое планирование») оказались значимо выше в тех группах, где уровень общего балла выгорания был ниже. «Поиск информационной поддержки» значимо выше в группах с низкой и высокой выраженностью выгорания по сравнению с группой со средним диапазоном значений. Показатели психологических защит не продемонстрировали значимые различия.

В группе с низкими значениями общего балла выгорания значимые прямые связи общего балла выгорания с психологическими характеристиками не обнаружены. В группе со средним диапазоном значений общего балла выгорания существуют значимые прямые связи общего балла выгорания с показателями по шкале «психопатия» и значимые обратные связи с проактивным совладающим поведением по типу «проактивное преодоление», «рефлексивное преодоление» и «стратегическое планирование». В группе с максимальными значениями общего балла выгорания были выявлены значимые обратные связи с двумя типами психологических защит – «компенсация» и «замещение» – и общей напряженностью защит и значимые прямые связи с проактивным совладающим поведением по типу «поиск информационной поддержки». В группе респондентов с «истощением» – значимые связи общего балла выгорания с проактив-

ным совладающим поведением по типу «поиск информационной поддержки».

Обсуждение результатов

Выраженные показатели по шкале «макиавеллизма» в группе с более выраженным выгоранием могут свидетельствовать в пользу гипотезы о том, что «макиавеллизм» способствует профессиональному выгоранию. Значимые прямые связи общего балла выгорания со значениями по шкале «психопатия», обнаруженные в самой многочисленной группе, могут быть трактованы следующим образом: чем более выражены у сотрудника психопатические черты, тем выше риск выгорания. В подтверждение этого положения можно рассмотреть данные из второго этапа исследования, где показатели по шкале «психопатия» значимо выше у группы с истощением, а фаза истощения формируется или сформировалась по сравнению с группой, в которой процесс формирования фазы истощения даже не стартовал. Психопатические черты и черты макиавеллизма, вероятно, способствуют процессу выгорания. По нарциссизму – как черте «темной триады» – ни различия, ни взаимосвязи не выявлены. Эти данные согласуются с данными зарубежных исследований, отмечающими, что роль каждой черты триады следует изучать отдельно.

Значимые обратные связи в группе со средней выраженностью выгорания и тремя стратегиями проактивного совладающего поведения («проактивное преодоление», «рефлексивное преодоление» и «стратегическое планирование») позволяют предположить, что такие стратегии снижают уровень выгорания и проявляются в арсенале сотрудников при возрастании профессионального стресса. Кажется логичным, что именно сформированность у сотрудников проактивного совладающего поведения и конкретных трех его типов («проактивное преодоление», «рефлексивное преодоление» и «стратегическим планирование»), дает возможность удерживать уровень профессионального выгорания в среднем диапазоне, не давая ему достигать максимальных значений.

О вкладе проактивных копингов в развитие выгорания говорят и значимые межгрупповые различия. Возможно, благодаря таким копинг-стратегиям профессиональное выгорание снижает свои темпы. Это предположение опосредованно подтверждают и значимые различия во второй части исследования: три стратегии проактивного совладающего поведения – «проактивное преодоление», «рефлексивное преодоление» и «стратегическое планирование» – значимо выше в группе, где фаза истощения еще не начала формироваться.

Отдельного обсуждения требует проактивное совладающее поведение по типу «поиск информационной поддержки». Прямые значимые связи общего балла выгорания с «поиском информационной поддержки» в группе с высокими значениями общего балла выгорания, позволяют говорить о том, что эта стратегия может стать маркером высокого уровня выгорания. Интересен тот факт, что «поиск информационной поддержки» значимо выше в группах с минимальным и максимальным уровнем выгорания. «Поиск информационной поддержки» возможно, является типичной стратегией как для тех сотрудников, которые еще далеки от сформированного выгорания, так и для тех, у кого выгорание достигло максимума. У группы без истощения обнаруживаются прямые значимые связи общего балла выгорания с «поиском информационной поддержки». Таким образом, в отличие от других проактивных копингов, значение этого копинга нарастает как с ростом общего балла выгорания, так и с формированием фазы истощения.

Общая напряженность защит и отдельные защиты – «компенсация» и «замещение» – демонстрируют значимые обратные связи с общим баллом выгорания только у сотрудников с высокими значениями выгорания. Обратный характер связей может говорить о том, что защиты по типу «компенсация» и «замещение» снижают темп выгорания.

Заключение

С выгоранием сотрудников фармацевтической компании, принимавших участие в данном исследовании, оказались сопряжены именно психологические особенности респондентов, а не характеристики организации их профессиональной деятельности. В частности, с выгоранием оказались ассоциированы макиавеллизм, психопатия, проактивные копинги, психологические защиты, причем связи этих психологических характеристик различаются у респондентов с разной выраженностью выгорания.

По итогам данного исследования можно рекомендовать сотрудникам отделов кадров обращать внимание на уровень сформированности некоторых стратегий проактивного совладающего поведения, а именно «проактивного преодоления», «рефлексивного преодоления» и «стратегического планирования», поскольку эти стратегии могут препятствовать нарастанию уровня выгорания и формированию фазы истощения. Сотрудникам отделов кадров также может быть предложено обучать сотрудников проактивным стратегиям, чтобы снизить потенциальный рост развития профессионального выгорания. Более выраженные показатели у сотрудников по шкалам «макиавеллизм» и «психопатия» дают

основания прогнозировать более высокий уровень выгорания и быстрое формирование фазы истощения. Результаты исследования свидетельствуют о целесообразности изучения психологических факторов выгорания с учетом фазы выгорания.

Литература

Водопьянова, Старченкова 2021 – *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие. 3-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2021. 299 с.

Воищева, Слабинский 2020 – *Воищева Н.М., Слабинский В.Ю.* Совладающее поведение и профессиональное выгорание: уровневый подход [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2020. Т. 12. № 5 (64). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения 5 авг. 2021).

Егорова, Ситникова 2014 – *Егорова М.С., Ситникова М.А.* Темная триада [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38. С. 12. URL: <http://psystudy.ru/index.php/pum/2014v7n38/1071-egorova38.html> (дата обращения 15 июня 2021).

Кондратьева, Садовников 2017 – *Кондратьева О.Г., Садовников А.С.* Влияние механизмов психологической защиты на уровень сформированности синдрома эмоционального выгорания у педагогов [Электронный ресурс] // АНИ: педагогика и психология. 2017. № 1 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-mehanizmov-psihologicheskoy-zaschity-na-uroven-sformirovannosti-sindroma-emotsionalnogo-vygoraniya-u-pedagogov> (дата обращения 15 окт. 2021).

Сорокин 2016 – *Сорокин Г.А.* Работа, утомление и профессиональный риск. СПб.: Изд. Политехнического университета, 2016. 456 с.

Старченкова 2009 – *Старченкова Е. С.* Концепция проактивного совладающего поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 12. Вып. 2. Ч. 1. С. 198–206.

Сулдына, Левкова 2014 – *Сулдына Ю.А., Левкова Е.А.* Копинг-стратегии и их взаимосвязь с профессиональной деформацией [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. 2014. № 12 (4). С. 887–890. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36209> (дата обращения 08 мая 2021).

Усманова и др. 2017 – *Усманова Э.З., Райков А.В., Махмуджанова М.Д.* Взаимосвязь между профессиональным выгоранием, социально-психологическими установками и качествами Темной триады у медиков с различным профессиональным стажем [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-mezhdu>

professionalnym-vygoraniem-sotsialnopsihologicheskimi-ustanovkami-i-kachestvami-temnoy-triady-u-medikov-s (дата обращения 17 мая 2021).

Черкасова 2011 – Черкасова М.А. Теоретические подходы к выявлению сущности понятия «Профессиональное выгорание» [Электронный ресурс] // Пенитенциарная наука. 2011. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-vyyavleniyu-suschnosti-ponyatiya-professionalnoe-vygoranie> (дата обращения 21 мая 2021).

Aspinwall, Taylor 1997 – *Aspinwall L.G., Taylor S.E.* A stitch in time: Self-regulation and proactive coping // *Psychological Bulletin*. 1997. Vol. 121. P. 417–436.

Prusik, Szulawski 2019 – *Prusik M., Szulawski M.* The Relationship Between the Dark Triad Personality Traits, Motivation at Work, and Burnout Among HR Recruitment Workers [Электронный ресурс] // *Frontiers in Psychology*. 2019. Jun. 7. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01290> (дата обращения 22 мая 2021).

References

Aspinwall, L.G. and Taylor, S.E. (1997), “A stitch in time: Self-regulation and proactive coping”, *Psychological Bulletin*, vol. 121, pp. 417–436.

Cherkasova, M.A. (2011), “Theoretical approaches to identifying the essence of the concept of “professional burnout”, *Penitentsiarnaya nauka* [Electronic], no. 15, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-vyyavleniyu-suschnosti-ponyatiya-professionalnoe-vygoranie> (Accessed 21 May 2021).

Egorova, M.S. and Sitnikova, M.A. (2014), “Dark triad”, *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 7, no. 38, p. 12, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n38/1071-egorova38.html> (Accessed 15 June 2021).

Kondrat'eva, O.G. and Sadovnikov, A.S. (2017), “The influence of psychological defense mechanisms on the level of formation of emotional burnout syndrome in teachers”, *ANI: pedagogika i psikhologiya* [Electronic], no. 1 (18), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-mehanizmov-psihologicheskoy-zaschity-na-uroven-sformirovannosti-sindroma-emotsionalnogo-vygoraniya-u-pedagogov> (Accessed 15 Okt. 2021).

Prusik, M. and Szulawski, M. (2019), “The Relationship Between the Dark Triad Personality Traits, Motivation at Work, and Burnout Among HR Recruitment Workers”, *Frontiers in Psychology* [Electronic], available at: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01290> (Accessed 22 May 2021).

Sorokin, G.A. (2016), *Rabota, utomlenie i professional'nyi risk* [Work, fatigue and professional risk], Izd. Politekhnicheskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia, p. 456.

Starchenkova, E.S. (2009), "The concept of proactive coping behavior", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, vol. 12, iss. 2, part 1, pp. 198–206.

Sul'dina, Yu.A. and Levkova, E.A. (2014), "Coping strategies and their relationship with professional deformation", *Fundamental'nye issledovaniya* [Electronic], no. 12 (4), pp. 887–890, available at: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36209> (Accessed 08 May 2021).

Usmanova, E.Z., Raikov, A.V. and Makhmudzhanova, M.D. (2017), "The relationship between professional burnout, socio-psychological attitudes and qualities of the Dark Triad among physicians with different professional experience", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Electronic], no. 4, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-mezhdu-professionalnym-vygoraniem-sotsialnopsihologicheskimi-ustanovkami-i-kachestvami-temnoy-triady-u-medikov-s> (Accessed 17 May 2021).

Vodop'yanova, N.E. and Strachenkova, E.S. (2021), *Sindrom vygoraniya. Diagnostika i profilaktika: prakticheskoe posobie* [Burnout syndrome], 3rd. ed., Izdatel'stvo Yurait, Moscow, Russia.

Voishcheva, N.M. and Slabinskii, V.Yu. (2020), "Coping behavior and professional burnout: a tiered approach", *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn.* [Electronic], vol. 12, no. 5 (64), available at: <http://mprj.ru> (Accessed 05 Aug. 2021).

Информация об авторах

Татьяна В. Рябова, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; riabova07@mail.ru

Оксана Е. Холодова, студентка, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; oksanakhodova@yandex.ru

Information about the authors

Tatiana V. Ryabova, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; riabova07@mail.ru

Oksana E. Kholodova, student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; oksanakhodova@yandex.ru

Особенности позитивной социализации и виртуальной коммуникации у современной молодежи в ситуации транзитивности

Ольга В. Гребенникова

*Психологический институт РАО,
Москва, Россия, grebennikova577@mail.ru,*

Анна Н. Аянян

*Психологический институт РАО,
Москва, Россия, parhomenkoanna86@mail.ru*

Аннотация. Статья знакомит с результатами изучения особенностей позитивной социализации и виртуальной коммуникации у современной молодежи в ситуации транзитивности. Результаты эмпирического исследования, которое проходило в два этапа ($n=65$) и ($n=72$), показали, что позитивная социализация в ситуации транзитивности современной молодежи актуализируется через позитивный тип социализации в ситуации периода COVID-19. Так, представители современной молодежи рассматривают ситуацию транзитивности как период новых возможностей, так как в период самоизоляции и карантина их жизнь изменилась в лучшую сторону. Они приобрели новые знания, умения, увлечения, уверены в завтрашнем дне и не боятся перемен. Дистанционную форму работы или учебы воспринимают адекватно, им комфортно. В общении используют новые гаджеты, и круг их общения не изменился, а возможно даже и пополнился новыми знакомствами и людьми. Современная молодежь с позитивной социализацией в ситуации транзитивности, которая составила только 30% выборки, имеет тенденцию к превалированию автономии над социальностью и высокие показатели жизнестойкости. Эти молодые люди больше склонны полагаться на самих себя, но также могут принимать и выполнять нормы, предписанные обществом. Что касается самого процесса виртуальной коммуникации, то для всех участников исследования он является привычным и комфортным, как с преподавателями, так и с друзьями и близкими. Однако некоторые участники исследования подчеркнули, что периодически испытывают фрустрацию потребностей в реальном общении и посещении общественных мест, в том числе желая очного присутствия в университете и местах досуга.

Ключевые слова: позитивная социализация, ситуация транзитивности, современная молодежь, социабельность, автономность, жизнестойкость, виртуальное информационное пространство, виртуальная коммуникация, Интернет, социальные сети, дистанционное обучение

Для цитирования: Гребенникова О.В., Аянян А.Н. Особенности позитивной социализации и виртуальной коммуникации у современной молодежи в ситуации транзитивности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 1. С. 99–118. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-99-118

Features of positive socialization and virtual communication among modern youth in a situation of transitivity

Olga V. Grebennikova

*Psychological institute of Russian Academy of Education,
Moscow, Russia, grebennikova577@mail.ru*

Anna N. Ayanyan

*Psychological institute of Russian Academy of Education,
Moscow, Russia, parhomenkoanna86@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the features of positive socialization and virtual communication among modern youth in a situation of transitivity. The results of an empirical study that took place in two stages ($n=65$) and ($n=72$) showed that positive socialization in the situation of transitivity of modern youth is actualized through a positive type of socialization in the situation of the COVID-19 period. Thus, representatives of modern youth consider the situation of transitivity as a period of new opportunities; during the period of self-isolation and quarantine, their lives have changed for the better. They acquired new knowledge, skills, and new hobbies. They are confident in the future and are not afraid of changes. The remote form of work or study is perceived adequately, they feel comfortable. New gadgets are used in communication and their circle of communication has not changed, and perhaps even replenished with new acquaintances and people. Modern youth with positive socialization in a situation of transitivity, who made up only 30% of the sample, tends to prevail autonomy over sociability and high indicators of resilience. Young people are more inclined to rely on themselves, but they can also accept and fulfill the norms prescribed by society. As for the process of virtual communication itself, it is familiar and comfortable for all participants of

the study, both with teachers and with friends and family. However, some study participants stressed that they periodically experience frustration of the needs for real communication and visiting public places, including full-time presence at the university and leisure places.

Keywords: positive socialization, transitivity situation, modern youth, sociability, autonomy, resilience, virtual information space, virtual communication, Internet, social networks, distance learning

For citation: Grebennikova, O.V. and Ayanyan, A.N. (2022), "Features of positive socialization and virtual communication among modern youth in a situation of transitivity", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 99–118, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-99-118

Введение: постановка проблемы

Ситуация пандемии COVID-19 показала, как люди готовы и готовы ли справляться с неопределенностью, как по-разному может происходить их социализация. Случайность, неопределенность, хаос – очень важные явления для человечества и развития общества, а также для процесса социализации человека. Каждый человек хочет безболезненно совладать с неопределенностью, что актуализирует проблему позитивной социализации у представителей современной молодежи в ситуации транзитивности.

По мнению Т.Д. Марцинковской, в настоящее время мы можем наблюдать не только социальные изменения, но и цивилизационные, что связано как с появлением новой техники, так и с формированием новых технологий – нового технологического пространства. Влияние последних становится всеобъемлющим и более масштабным, они являются неотъемлемой частью жизни современных людей. Человечество переходит в другую эру, возможно, в новую цивилизационную эпоху, когда технологическое общество уже вышло на следующий этап, на котором технологии и техника не является чем-то внешним для самого индивида. Человек относится к технике уже не как к механизму, но как части нашей окружающей среды и все чаще как к продолжению наших психических способностей, а не только лишь орудию трудовой деятельности. Можно смело заключить, что современные информационные технологии, телекоммуникации и скоростные способы передвижения произвели изменения и в самом пространственно-временном континууме, и в нашем представлении о нем.

На наш взгляд, большинство современных подростков и молодежи успешно социализируется в виртуальном пространстве, в отличие от старшего поколения, которому приходится ресоциализироваться в новом, подчас весьма «враждебном» и скоротечно

изменчивом цифровом мире. Представители поколения «зумеров» в массе своей стремятся обладать техническими новинками - гаджетами и приложениями - и легко к ним адаптируются. Среди подростков и молодежи Интернет является ведущим средством коммуникации, получения информации и практически формирует стиль жизни и взаимодействия с окружающим миром.

Цель исследования: изучить особенности позитивной социализации и виртуальной коммуникации у современной молодежи в ситуации транзитивности.

Методы:

1. Опросник «Тип социализации в ситуации периода COVID-19» (Гребенникова О.В.).
2. Методика на определение тенденции к социабельности-автономии [Социализация 2016, с. 38].
3. Текст опросника жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева) [Рассказова, Леонтьев 2016].
4. Проективная рисуночная методика «Информационное пространство» (Аянян А.Н.) [Идентичность 2015, с. 48].

Статистическая обработка полученных данных осуществлялась при помощи программы SPSS 16. Различия между группами оценивались на основании непараметрических критериев Манна-Уитни. Для оценки корреляционных связей между показателями применяли коэффициент ранговой корреляции Пирсона и Спирмена. Средние по выборке были получены с использованием методов описательной статистики.

Выборка: на первом этапе в исследовании приняли участие 65 человек в возрасте от 20 до 30 лет, обучающихся в высших образовательных учреждениях г. Москвы. На втором этапе респондентами стали 72 студента первого и третьего курсов одного из педагогических вузов Москвы в возрасте от 18 до 24 лет (средний возраст 22 года). Всего в исследовании приняли участие 137 человек.

Теоретическая часть

Постоянная изменчивость окружающего мира и его неопределенность, множественность социокультурных контекстов выступают в качестве основных характеристик транзитивности.

Новая ситуация транзитивности характерна для всех поколений, хотя, конечно, наиболее значимой она становится для молодежи и подростков. При этом молодыми людьми, детьми транзитивность осознается как естественная ситуация, в которой происходит процесс их социализации. Это осознание не отрица-

ет рефлексию происходящих трансформаций, нестабильность и неопределенность ценностей, эталонов и норм.

Важнейшим аспектом рассмотрения социализации является ее качественный аспект – оценка исходов социализации, которая может быть выражена в терминах успешности – неуспешности. Так, в зависимости от результатов социализация молодого человека может рассматриваться как успешная, нормальная, когда осваиваются легитимные и одобряемые обществом социальные роли, либо как неуспешная, аномальная, когда осваиваются те социальные роли, которые обществом не одобряются или признаны нелегитимными.

Собственно, просоциальное поведение как усвоение человеком социально значимых социальных ролей, норм поведения, культурно-исторических традиций и субъективная удовлетворенность человека этой деятельностью обеспечивают позитивную социализацию.

Социализация рассматривается и как процесс, и как результат активного вхождения человека в социальный мир, а понятие «социализированность» как характеристика продукта (результата) этого процесса.

Можно выделить, по меньшей мере, семь критериев, определяющих успешность вхождения человека в социальную группу:

- положительное отношение к нормам и ценностям группы;
- взаимное принятие индивида и группы;
- наличие большого количества разных групп идентичности;
- высокий социометрический статус хотя бы в одной из групп идентичности;
- социальная успешность хотя бы в одной из официальных групп идентичности (например, школьная успеваемость);
- дифференцированность представлений о себе;
- положительная временная перспектива [Марцинковская, Киселева 2018].

Социальная и коммуникативная успешность – важнейшие условия и механизмы самоидентификации, которые могут выступать и показателями позитивной социализации современной молодежи. Чем выше успешность, тем более приемлемой (присваиваемой, референтной) становится та или иная картина мира, те или иные культурные (субкультурные) стереотипы. Поиск коммуникативной успешности осуществляется, в том числе, через «поиск своих», который в современном обществе осуществляется как в реальном, так и в виртуальном пространстве. Причем в первом его осуществить несколько сложнее. Это связано:

а) с ограниченностью территориальных и временных возможностей реального пространства (в реальном пространстве выбор

«своей» группы, как правило, ограничен – в лучшем случае доступны не более двух-трех возможных сообществ, условно отвечающих соответствующим требованиям);

б) с факторами проявления большого набора идентичностей (или ценностей), которые характерны для близкого реального взаимодействия.

Д.П. Ткаченко выделяет высокий эмоциональный интеллект как регулятивный компонент деятельности и связывает его с успешностью социализации подростков. Характер социализации современных подростков в условиях транзитивности общества допускает, что успешная социализация в рамках одного культурного слоя может сочетаться с несоциализированностью в контексте других социальных групп [Ткаченко 2018].

Для успешной социализации современной молодежи немаловажную роль играет жизнестойкость, которая может способствовать повышению физического и психического здоровья при преодолении кризисов и реализации себя в будущей жизни.

Д.А. Леонтьев считает, что жизнестойкость, как черта личности, характеризуется мерой преодоления личностью заданных обстоятельств, а в конечном счете – степенью преодоления личностью самой себя. С другой стороны, эта личностная черта определяется мерой прилагаемых усилий по работе личности над собой и над обстоятельствами своей жизни [Рассказова, Леонтьев 2016].

В концепции С. Мадди жизнестойкость – система убеждений, позволяющая человеку воспринимать даже негативные события как опыт и успешно справляться с ними. Она включает три компонента: вовлеченность (убеждение в том, что только благодаря своей активности человек находит в мире интересное), контроль (убежденность в контролируемости мира и своей способности добиться результата) и принятие риска (готовность действовать вопреки неопределенности ситуации и угрозе и извлекать опыт из любых ситуаций). Жизнестойкость – ресурс, направленный в большей мере на поддержание витальности и деятельности, в меньшей – на поддержание активности сознания.

В период молодости человек продолжает самоутверждаться в социальной действительности и обладание жизнестойкостью как целостной системы взаимоотношений с миром может способствовать повышению физического и психического здоровья молодежи, успешной адаптации в стрессовых ситуациях. Жизнестойкое совладание – это активное, здоровое преодоление, повышающее стрессоустойчивость человека, основанное на вовлеченности в ситуацию, стремлении к ее подчинению (контролю над ситуацией),

умению смело решать проблемы, перед которыми ставит жизнь (риск) [Рассказова, Леонтьев 2016].

Актуальные вызовы, с которыми столкнулось человечество в связи с распространением эпидемии COVID-19, привело к тому, что многие виды активности, которые можно было перевести в on-line, реализуются посредством информационных технологий. В первую очередь это коснулось сферы образования и коммуникации. Таким образом, современные дети, подростки и молодежь в настоящее время легитимно большую часть своего времени проводят в сети Интернет, и не всегда возможно отследить и обезопасить юных пользователей от контента и взаимодействия с другими людьми, которые могут прямо или косвенно причинить вред их как психическому, так и физическому благополучию. Кроме того, по мнению М.Р. Арпентьевой, среди современных детей, подростков и молодежи все чаще можно встретить «цифровых беспризорников», характеризующихся anomией и отчуждением, тенденцией к изоляционизму, десоциализации, задержке развития и деструкцией личности, они «теряются» в информационном пространстве сети Интернет и могут переживать состояние отчужденности и маргинальности [Арпентьева 2017]. И здесь стоит подчеркнуть, что понятие «цифровой беспризорности» можно противопоставить понятию «информационной социализации», разрабатываемой Марцинковской Т.Д. [Голубева, Марцинковская 2011].

Для того, чтобы установить продуктивную коммуникацию с представителями цифрового поколения, проводящими много времени в виртуальном информационном пространстве и социальных сетях, необходимо учитывать особенности восприятия информации современными подростками и молодежью, которых можно причислить к представителям «клипового мышления»: информация должна быть простой, яркой, насыщенной, структурированной. Негативными сторонами клипового мышления являются: нарушение способности выстраивать логические связи между воспринимаемыми явлениями; могут возникнуть проблемы в решении сложной задачи из-за отсутствия навыков восприятия явления целиком и деления сложной задачи на подзадачи; превалирует решение отдельно взятых мелких задач без привязки их к предметной области; нарушается способность к операциям анализа, синтеза, к выстраиванию длинных логических цепочек. К позитивным сторонам клипового мышления относится: чтобы избежать информационную перегрузку мозг фильтрует и выстраивает защиту от ненужной информации; происходит развитие за счет осознания важности владения информацией и большего потребления ее; увеличивается скорость и объем

потребления информации за счет тренировки мозга; необходимость быстро переключаться с одной информации на другую способствует научению продуктивно решать жизненные задачи и самоорганизации [Купчинская, Юдалевич 2019].

Нужно учитывать, что особенности информационной и социокультурной среды способствуют трансформации как коммуникативного, так и рефлексивного компонента личности. Для многих представителей цифрового поколения характерны:

1. Креативность и инновационность, которые находят свое отражение в различных стартапах, ориентации на мультидисциплинарность, способности совмещать проекты различной направленности (например, образование и бизнес, информационные технологии и гуманитарная безопасность и т.д.).

2. Высокая скорость отбора, пересмотра, внедрения новых моделей в различные сферы жизнедеятельности, быстрое получение обратной связи, актуализация прошлого опыта с точки зрения запросов настоящего, постоянная рефлексия.

3. Формирование компетенции инновационного потенциала – человеческий, социальный, культурный капитал [Богданов и др. 2018].

Согласно результатам исследования уровня влияния информации, получаемой в виртуальном пространстве на формирование жизненной позиции студентов, респонденты, принимавшие участие в опросе, отметили, что сеть Интернет оказывает влияние на формирование их жизненной позиции (49,1 %). По мнению 23 % участников исследования информация, полученная из сети Интернет «полностью формирует их жизненную позицию». Кроме того, автор приводит сравнительный анализ результатов исследования пользовательской активности в Интернете студентов трех направленностей - гуманитарной и социально-экономической, технической и естественно-научной. Примечательно, что статистически значимых различий между тремя профессиональными профилями студентов не выявлено, и практически все респонденты примерно одинаково активны в виртуальном пространстве в сферах (согласно убыванию) развлечения, общения, обучения, получения информации, покупок и другой активности [Иващенко 2020].

Анализ и обсуждение результатов

На первом этапе исследования, по результатам опросника «Тип социализации в ситуации периода COVID-19» (автор О.В. Гребенникова) (рис. 1), было выявлено, что 21,6% представителей современной молодежи обладают позитивным типом социализации в ситуации периода COVID-19. Так, они рассматривают ситуацию транзитивности как период новых возможно-

стей, во время самоизоляции и карантина их жизнь изменилась в лучшую сторону. Они приобрели новые знания, умения, увлечения. Уверены в завтрашнем дне и не боятся перемен. Дистанционную форму работы или учебы воспринимают адекватно, им комфортно. В общении используют современные гаджеты, и круг их общения не изменился, а, возможно, даже и пополнился новыми знакомствами и людьми.

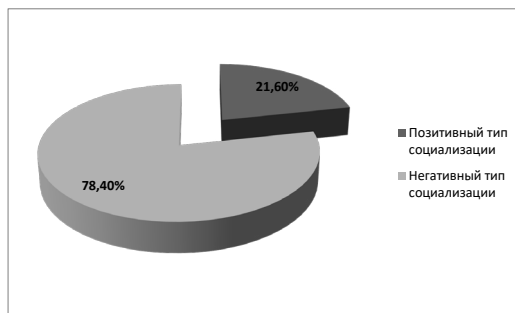

Рис. 1. Тип социализации у современной молодежи в ситуации периода COVID-19

Большинство представителей современной молодежи (78,4%) продемонстрировало негативный тип социализации в ситуации периода COVID-19. Они комфортно чувствуют себя в стабильной ситуации и склонны считать, что транзитивность не дает новых возможностей. В период самоизоляции и карантина их жизнь не изменилась в лучшую сторону, они не приобрели новых знаний, умений и хобби. Они не всегда могут быть уверены в завтрашнем дне и боятся перемен. В период COVID-19 им было не комфортно работать или обучаться в дистанционном формате. Общение в период самоизоляции и карантина из-за COVID-19 стало менее продуктивным, новые гаджеты для обогащения общения с близкими и друзьями ими не использовались. Например, респондент – женщина 27 лет – отмечает, что ее жизнь в период самоизоляции изменилась, но, тем не менее, она не приобрела новых знаний, умений и хобби; также она отмечает, что общение не изменилось, а никакими новыми гаджетами она не пользовалась.

Результаты по методике на определение тенденции к социальности-автономии (рис. 2.) показали, что 16,2% представителей современной молодежи имеют тенденцию к социальности. Так, респондент (женщина 22 лет) сообщила, что считает необходимым придерживаться тех порядков, устоев, которые уже давно существуют, широко распространены в обществе, чему следует

большинство людей, ей легко понять людей, выполняющих принятые нормы, устоявшиеся правила, порядки, традиции. Для нее имеет большое значение, чтобы то, что она делает, поддерживали окружающие люди, чтобы они, так же как и она, считали это интересным. Ей трудно понять тех писателей, художников, композиторов, которые создавали свои произведения, думая, что их не поймут, не примут в обществе, Общение с другими людьми многое дает ей для того, чтобы лучше понять себя, она легко понимает людей, кто легко передает недоделанную важную работу другому человеку для завершения: она считает, что результаты ее собственной работы будут лучше, если в ее выполнении, кроме нее будут участвовать и другие люди.

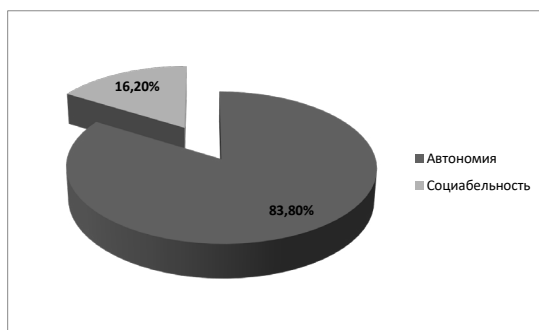

Рис. 2. Тенденции к социальности-автономии у современной молодежи

Респондент – мужчина 30 лет – сообщил, что если мужчина и женщина решили начать совместную жизнь, то они обязательно должны вступить в брак. Ему легко понять людей, следующих принятым нормам, устоявшимся правилам, порядкам, традициям. Общение с другими людьми многое дает ему для того, чтобы лучше понять себя, он сам легко понимает людей, которые без труда передают недоделанную важную работу другому человеку для завершения, а результаты его работы будут лучше, если в ее выполнении будут участвовать и другие люди.

Большинство представителей современной молодежи (83,8%) обнаружило тенденцию к автономии. Так, респондент – женщина 20 лет – сообщила, что обычно поступает в соответствии с жизненными ценностями, правилами, законами, характерными только для нее лично, выработанными в собственном жизненном опыте, ей трудно понять тех людей, которые придерживаются принятых норм, устоявшихся правил, порядков, традиций. Для нее главное в ее деле, чтобы оно привлекало ее при этом не

так уж и важно, нравится оно другим или нет; для нее трудно понять тех людей, которые легко могут попросить кого-то завершить начатую ими важную работу, а результаты ее работы будут лучше, если она выполняет ее одна.

Таблица 1

Основные показатели жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска по среднему значению) у современной молодежи

Основные показатели жизнестойкости	Средние значения основных показателей жизнестойкости в % от выборки
Вовлеченность	70% современной молодежи (среднее значение=35,6)
	30% современной молодежи (среднее значение =20,1)
Контроль	65% современной молодежи (среднее значение =17,5)
	30% современной молодежи (среднее значение =14,8)
	5% современной молодежи (среднее значение=8,7)
Принятие риска	85% современной молодежи (среднее значение=13,5)
	15% современной молодежи (среднее значение=10,5)

Как показали полученные результаты, большинство представителей современной молодежи обладает жизнестойкостью как необходимым ресурсом, который может способствовать повышению физического и психического здоровья, успешной адаптации в стрессовых ситуациях с выходом на уровень трансадаптации, связанной с самореализацией. Средние значения респондентов выше по показателям вовлеченности и принятия риска, чем по показателю контроля (у 5% представителей современной молодежи констатируем стандартное отклонение данного показателя жизнестойкости).

В современном обществе в ситуации транзитивности представители современной молодежи получают удовольствие от собственной деятельности, с интересом воспринимают события своей жизни. Способны действовать на свой страх и риск, но часто могут проявлять беспомощность, многие могут отказаться от борьбы, чтобы повлиять на результат происходящего.

На втором этапе исследования с помощью авторской проективной рисуночной методики (рис. 3, рис. 4) «Информационное пространство» [Идентичность 2015, с. 48] нами были констатированы особенности виртуальной активности и социальной коммуникации студенческой молодежи. Респондентам было последовательно предъявлено два изображения с учетом пола (мужской и женский образы). Первым был показан рисунок с изображением человека перед ноутбуком за рабочим столом, вторым – человек в наушниках с ноутбуком в кресле. Помимо высказываний свободных ассоциаций участники исследования отвечали на уточняющие вопросы, что позволило оценить отношение к различным ситуациям виртуальной социальной коммуникации. Ответы участников исследования были качественно проанализированы, сгруппированы и интерпретированы.

Рис. 3. Изображение человека перед ноутбуком за рабочим столом

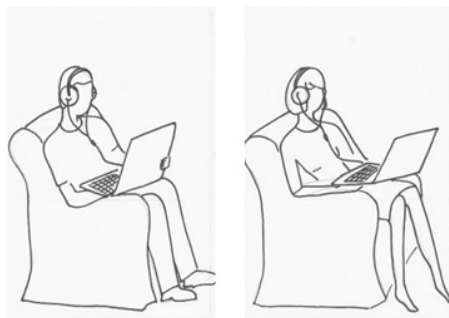

Рис. 4. Изображение человек в наушниках с ноутбуком в кресле

Наибольшее количество ассоциаций на стимульные рисунки (рис. 5, рис. 6) – 55,56% и 37,50% – участников исследования

были связаны с тем, что человек, изображенный на картинке, занят обучением, поиском учебной информации или непосредственно «учится; готовит доклад; выполняет задания; лекцию смотрит» и т.п. «Мы с прошлого года почти все время на дистанционке. Я уже и не представляю, как я на первом курсе к первой паре почти каждый день ездила. Сейчас, когда препод не требует включать камеру, я даже пижаму не снимаю иногда». «Да, раньше я вообще не сидела дома. Учеба и встречи с друзьями – все, чем я жила, прогулки, клубы. А сейчас слишком грустно. Моя комната стала и моим универом, и моим клубом, и кафе, и кинотеатром. Мы недавно даже в музей с подругой «сходили». Преподавательница такая увлеченная, рассказала, что в Пушкинском (прим. *Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина*) хорошая виртуальная экспозиция». Были студенты, которые заявили, что их вовлеченность в учебный процесс и продуктивность повысилась: «Не трачу время на дорогу, позже встаю, стала высыпаться, конечно, если всю ночь очередной сериал не смотрю. Больше времени есть на подготовку. Да, и больше задают, я уже привыкла, мне такой формат ближе». Стоит подчеркнуть, что кому-то вынужденная дистанционная учеба дается сложнее: «Приходится больше прикладывать сил для самоорганизации. Мне сложно все время сидеть дома, мне сложнее сосредоточиться, да и брат младший тоже мельтешит. У них в школе дистанционка часто из-за карантин по ковиду. Счастье, когда очные пары». Были высказывания относительно своих субъективных переживаний и обеспокоенность своим здоровьем и будущим: «Я тупить стал больше. Отвлекаться. Не могу сосредоточиться на учебе – иногда на Netflix (прим. *стримовый сервис и онлайн-кинотеатр*) сутками сижу. Столько премьер крутых было. Еще на Youtube подписок добавилось, много новых интересных страниц нашел. Я вроде стараюсь что-то полезное смотреть, монтажку (прим. *монтаж видео*) подтягиваю, но бессистемно как-то все это, мне кажется, да и практика нужна, точнее, – цель. Да, еще же и заданий кучу присылают. Я иногда утром, не вставая с кровати, в телефоне часа три могу сразу просидеть. То пары, то чаты прочесть-ответить. Так и живу. За новыми очками страшно идти. Чувствую, что зрение просело». Кроме того, ряд респондентов отмечали, что их вовлеченность и продуктивность во многом зависят от компетенций преподавателей. «Да, некоторые так классно все готовят – и видео покажут, и презентации хорошие. А когда «говорящая голова» просто, то это жуть. Я лично вырубаясь сразу. Есть, кто даже не бубнит, просто скидывают ссылки на учебники и тесты, ну, такое себе обучение».

Таким образом, если преподаватель эффективно перестроился на процесс обучения с использованием дистанционных технологий, сопровождает свои лекции демонстрационными видео и презентациями, старается включить в коммуникацию студентов, задает вопросы и стимулирует ответы, а не просто «вещает» с экрана монитора, то и удовлетворенность процессом обучения, и интерес к дисциплине у студентов находится на высоком уровне.

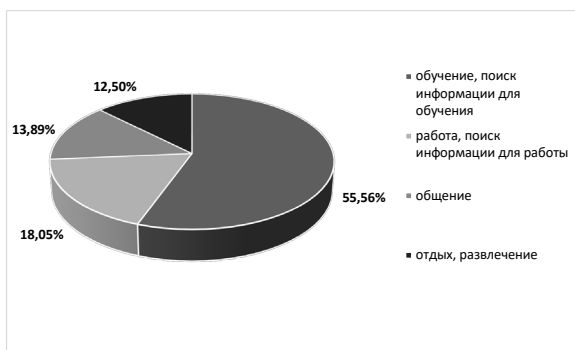

Рис. 5. Распределение ответов респондентов к первому изображению

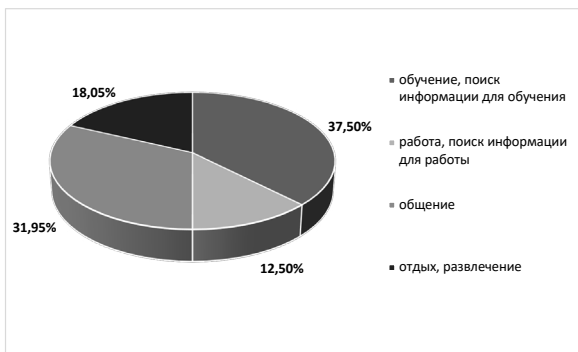

Рис. 6. Распределение ответов респондентов ко второму изображению

Среди молодежи, участвовавшей в исследовании, ассоциации, связанные с упоминанием работы, встречались в 18,05% и 12,50% соответственно на показ первого и второго рисунка. Наиболее типичными были ответы: «работает; офис на дому; клерк какой-то». Что касается отношения к ситуации перехода на работу из дома, среди ответов участников исследования встречались ам-

бивалентные высказывания: «Работает, моя мама теперь сутками за компьютером с телефоном сидит. Работы больше, а зарплата меньше, они же «на удаленке», да и продажи упали, она мебель продает». Некоторые отметили, что: «Сейчас просто сказка – можно спокойно работать из дома, как тебе удобно, не нужно никуда ехать, можно в комфорте и своем темпе все делать. Для меня – это работа мечты». Хотя некоторые респонденты подчеркнули, что не так просто, на их взгляд, сейчас найти работу не только офлайн, но и онлайн. «Я в кинотеатре в кинобаре подрабатывала еще со школы. Удобно, смены в выходные и вечером брала. Денег на карманные расходы прилично получалось, косметику и одежду по мелочи сама покупала. В прошлом году я почти ничего не заработала. А в этом в смене по одному человеку ставят, раньше – по три. Я работала три-четыре дня в неделю, сейчас, в лучшем случае, один-два. В напряжении постоянно, что вообще снова все закроют».

Ответы, описывающие ситуации общения в мессенджерах и социальных сетях, среди высказываний студентов возникли при предъявлении первого изображения в 13,89% и 18,05% на второй рисунок. «Болтает с кем-то; в теге (Telegram); с подругами чатится; переписывается в группе, обсуждают планы». Характерно, что на уточняющие вопросы об отношении участников исследования к виртуальному общению, все респонденты дали ему положительную оценку и подчеркнули, что для них сам процесс общения, опосредованного виртуальными средствами, комфортен и порою предпочтителен: «Мне теперь даже лучше: не нужно часто на другой конец города к бабуле ездить, раньше она обижалась, а сейчас даже и не настаивает. Только мемасики от нее в WhatsApp – это еще то испытание. Она со скуки всех терроризирует, маме и мне штук по пятьдесят в день шлет. И еще обижается, если не отвечаешь на этот треш». «А мне отличненько. Я даже йогой стала заниматься онлайн, с друзьями так же общаемся в чатах, да и на районе или в центре видимся; войсы (прим. *голосовые сообщения*) рулят».

Высказывания, которые мы отнесли к категории отдых, развлечения, встречались в 12,50% в первом случае, и в 18,05% при показе второго рисунка респондентам. Все ответы были связаны с описанием ситуаций виртуальной активности в социальных сетях и мессенджерах, цифровых кинотеатрах и прочих Интернет-платформах: «Сериальчики смотрит; решила отдохнуть, в Tiktok потупить; по трендам «пробежала» в Instagram; троллит кого-нибудь, сейчас многие пары спускают так, я сама иногда по «веткам» хожу (прим. *ветка – цепочка комментариев пользователей к постам в социальных сетях*), но я больше читаю, редко

пишу, там иногда такие батлы; в Инсте постит. У меня подруга в марафоне сейчас – «Ни дня без поста», и меня тоже пинает, чтобы я тоже писала, а мне так смешно, все-то такие просветленные, то жож-фигош, то про фильмы-книги пишут, которые даже не читали, не смотрели, а по факту что, ради чего мне вот это все? Я на этом не заработаю, не прославлюсь среди своей сотни (прим. *количество подписчиков респондента в социальной сети в Instagram*). Я же понимаю, чтобы продвинуться, нужно вкладываться – нормальные съемки, реклама, да и не хочу я это все, да и денег нет». Примечательно, что в данном случае девушка скептически оценивает виртуальную социальную активность других и не видит для себя перспектив развиваться в сфере блоггинга.

Заключение

Таким образом, проведенное нами эмпирическое исследование показало, что 30% молодых людей обладают позитивной социализацией в ситуации транзитивности, то есть у них позитивный тип социализации в ситуации периода COVID-19, 6,6 % автономии, 5% социабельности и высокие показатели жизнестойкости.

20% молодых людей характеризуются негативной социализацией в ситуации транзитивности, то есть у них присутствует негативный тип социализации в ситуации периода COVID-19, 28,4% автономии и низкие показатели жизнестойкости.

50% молодых людей показали диффузную социализацию в ситуации транзитивности, то есть у них негативный тип социализации в ситуации периода COVID-19, 11,2 % социабельности, 48,8 % автономии и разные показатели жизнестойкости. Показатели жизнестойкости преимущественно высокие.

Достоверных различий в особенностях процесса социализации молодежи в ситуации транзитивности между мужчинами и женщинами обнаружено не было.

Взаимосвязи между типом социализации в ситуации периода COVID-19 и социабельностью-автономией современной молодежи обнаружено не было.

Жизнестойкость у современной молодежи в условиях транзитивности положительно коррелирует с типом социализации в ситуации периода COVID-19 ($r=0,451$; $p=0,003$), и присутствует слабая положительная корреляционная связь между жизнестойкостью респондентов и социабельностью-автономией ($r=0,317$; $p=0,046$).

У большинства молодежи, принявшей участие в эмпирическом исследовании, изображение человека с ноутбуком в разной обстановке, вызывает ассоциации с процессом обучения, что вполне ожидаемо, так как респонденты являются студентами и

опрос проводился в конце сентября и начале октября 2021 года в разгар учебного процесса. Многие в ответах подчеркивали, что в связи с эпидемией COVID-19 и переходом на дистанционный или смешанный формат обучения столкнулись как с субъективными трудностями – сложно сосредоточиться на учебе и не отвлекаться на другие дела, прокрастинацией, чувством напряжения из-за несменяемости обстановки и рутины, так и с объективными – невозможностью уединиться из-за стесненных бытовых условий – постоянное присутствие в доме младших братьев и сестер, других родственников. Примечательно, что в ситуации предъявления изображения человека с наушниками в кресле, увеличилось количество упоминаний, связанных с общением, развлечением и отдыхом. Таким образом, акцент на аудиальный канал восприятия информации, неформальная обстановка (кресло в противопоставление рабочему столу) увеличивает количество ассоциаций у студентов с приятными видами виртуальной активности, но обучение и в первом, и во втором случае все же лидирует.

Мы пришли к следующим выводам:

1. Позитивная социализация современной молодежи в ситуации транзитивности актуализируется через позитивный тип социализации. Так, представители современной молодежи рассматривают ситуацию транзитивности как период новых возможностей, в период самоизоляции и карантина их жизнь изменилась в лучшую сторону. Они приобрели новые знания, умения, увлечения. Уверены в завтрашнем дне и не боятся перемен. Дистанционную форму работы или учебы воспринимают адекватно, им комфортно. В общении используют новые гаджеты, и круг их общения не изменился, а, возможно, даже и пополнился новыми знакомствами и людьми.

2. Современная молодежь с позитивной социализацией в ситуации транзитивности имеет тенденцию к превалированию автономии над социальностью и высокие показатели жизнестойкости. Молодые люди больше склонны полагаться на самих себя, но также могут принимать и выполнять нормы, предписанные обществом. Такая вариативность помогает лучше адаптироваться в существующей ситуации. Большинство представителей современной молодежи обладает высокой жизнестойкостью как необходимым ресурсом, который может способствовать повышению физического и психического здоровья, успешной адаптации в стрессовых ситуациях с выходом на уровень трансадаптации, связанной с самореализацией.

3. Большинство представителей современной молодежи характеризуется диффузной социализацией в ситуации транзитив-

ности. Это молодые люди с негативным типом социализации в ситуации периода COVID-19 и ярко выраженной автономией. Они комфортно чувствуют себя в стабильной ситуации и склонны считать, что ситуация транзитивности не дает новых возможностей. В период самоизоляции и карантина их жизнь не изменилась в лучшую сторону, они не приобрели новых знаний, умений и хобби. Они полагаются только на себя. Особо стоит отметить, что именно показатель жизнестойкости имел наибольшие положительные результаты, что, несомненно, важно при анализе общей картины социализации современной молодежи в условиях COVID-19. Это говорит о том, что, несмотря на испытываемые трудности в социализации, у современной молодежи есть ресурс, который поможет в будущем прийти к позитивной социализации.

4. Виртуальная коммуникации в представленной выборке у участников исследования ассоциируется, в первую очередь, с обучением, межличностным общением, отдыхом и развлечением, работой. Большинство респондентов благосклонно относятся к необходимости обучаться в смешанном и дистанционном формате. Недовольство, связанное с переходом на такой вид обучения, на наш взгляд, может быть обусловлено как объективными, так и субъективными трудностями. При интерпретации респондентами ситуации виртуальной активности, в случае акцента на аудиальный канал восприятия информации и неформальную обстановку, увеличивалось количество ассоциаций с приятными видами виртуальной коммуникации – общением, отдыхом, развлечением. Молодежь быстро и легко адаптировалась к увеличению и расширению сфер виртуальной социальной активности, реализуемой посредством информационных технологий в связи с распространением пандемии COVID-19.

Благодарность

Статья выполнена в рамках госзадания АААА-А19-119012990181-0.

Acknowledgments

The article was prepared within a state task, project AAA-A-19-119012990181-0.

Литература

Арпентьева 2017 – *Арпентьева М.Р.* Цифровые беспризорники: потери и приобретения медиатизации образования // *Информация и образование: границы коммуникаций.* 2017. № 9 (17). С. 121–126.

Богданов и др. 2018 – *Богданов С.И., Султанов К.В., Воскресенский А.А.* Постматериальные ценности и жизненные ориентации поколения Z:

цифровая молодежь в образовательной системе современной России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2018. № 187. С. 24–30.

Голубева, Марцинковская 2011 – *Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д.* Информационная социализация: психологический подход [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2011. Т. 6. № 20. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/579-> (дата обращения 25 окт. 2021).

Иващенко 2020 – *Иващенко С.А.* Диагностика виртуализации социальной субъектности российской студенческой молодежи // Молодой ученый. 2020. № 20 (310). С. 630–632.

Идентичность 2015 – Идентичность и социализация в современном мире / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: МПГУ, 2015.

Купчинская, Юдалевич 2019 – *Купчинская М.А., Юдалевич Н.В.* Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. № 3. С. 66–71.

Марцинковская, Киселева 2018 – *Марцинковская Т.Д., Киселева Е.А.* Социализация и аккультурация в транзитивном пространстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 62. С. 10. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1652-kiseleva62.html> (дата обращения 03 окт. 2021).

Рассказова, Леонтьев 2016 – *Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А.* Жизнестойкость и ее диагностика. М.: Смысл, 2016.

Социализация 2016 – Социализация в мультикультурном пространстве: Методическое пособие / Под ред. Т.Д. Марцинковской и др. М.: МПГУ, 2016.

Ткаченко 2018 – *Ткаченко Д.П.* Изменения эмоционального интеллекта в процессе социализации подростков в стабильные и кризисные периоды развития общества [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 61. С. 7. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1625-tkachenko61.html> (дата обращения 19 сент. 2021).

References

Arpent'eva, M.R. (2017), "Digital street children: losses and gains of mediatization of education", *Informatsiya i obrazovanie: granitsy kommunikatsii*, no. 9 (17), pp. 121–126.

Bogdanov, S.I, Sultanov, K.V. and Voskresensky A.A. (2018), "Post-material values and life orientations of generation z: Digital youth in the educational system of modern Russia", *Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen*, no. 187, pp. 24–30.

Golubeva, N.A. and Martsinkovskaya, T.D. (2011), "Informational socialization: a psychological approach", *Psikhologicheskie issledovaniya*

[Electronic], vol. 6, no. 20, p. 2, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/579> (Accessed 25 Oct. 2021).

Ivashchenko, S.A. (2020), “Diagnostics of virtualization of social subjectivity of Russian student youth”, *Molodoi uchenyi*, no. 20 (310), pp. 630–632.

Kupchinskaya, M.A. and Yudalevich, N.V. (2019), “Clip thinking as a phenomenon of modern society”, *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii*, no. 3, pp. 66–71.

Martsinkovskaya, T.D. (ed.) (2015), *Identichnost' i sotsializatsiya v sovremennom mire* [Identity and socialization in the modern world], MPGU, Moscow, Russia.

Martsinkovskaya, T.D. et al. (ed.) (2016), *Sotsializatsiya v mul'tikul'turnom prostranstve: Metodicheskoe posobie* [Socialization in a multicultural space: Methodical manual], MPGU, Moscow, Russia.

Martsinkovskaya, T.D. and Kiseleva, E.A. (2018), “Socialization and acculturation in a transitive space”, *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 11, no. 62, p. 10, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1652-kiseleva62.html> (Accessed 3 Oct. 2021).

Rasskazova, E.I. and Leontiev, D.A. (2016), *Zhiznestoikost' i ee diagnostika* [Resilience and its diagnostics], Smysl, Moscow, Russia.

Tkachenko, D.P. (2018), “Changes in emotional intelligence in the process of socialization of adolescents in stable and crisis periods of society development”, *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 11, no. 61, p. 7, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1625-tkachenko61.html> (Accessed 19 Sept. 2021).

Информация об авторах

Ольга В. Гребенникова, кандидат психологических наук, доцент, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; grebennikova577@mail.ru

Анна Н. Аянян, магистр психологии, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; parhomenkoanna86@mail.ru

Information about the authors

Olga V. Grebennikova, Cand. of Sci (Psychology), assistant professor, Psychological institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9-4, Mokhovaya street, Russia, Moscow, 125009; grebennikova577@mail.ru

Anna N. Ayanyan, Master (Psychology), Psychological institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9-4, Mokhovaya street, Russia, Moscow, 125009; parhomenkoanna86@mail.ru

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-119-133

Различия психологических характеристик людей с проблемным и адаптивным использованием сети Интернет

Василиса Р. Орестова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, v.r.orestova@gmail.com*

Ольга С. Филиппова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, philippova.o.s@gmail.com*

Аннотация. В статье представлено исследование различий психологических характеристик людей с проблемным и адаптивным использованием сети интернет и их связи с факторами проблемного использования интернета. В исследовании приняли участие 182 респондента в возрасте от 17 до 32 лет ($M=21,1$; $SD=2,6$). Результаты показали, что лица с проблемным использованием интернета отличаются меньшей жизнестойкостью и психологическим благополучием, испытывают большие трудности в наблюдении, вербализации собственного опыта и безоценочном отношении к нему, отличаются меньшей добросовестностью и открытостью опыту, по сравнению с лицами, демонстрирующими адаптивное использование интернета. При исследовании связи психологических характеристик с факторами проблемного использования интернета были обнаружены различия в структуре взаимосвязей лиц с адаптивным и проблемным использованием интернета. Лица с адаптивным использованием интернета, отличающиеся жизнестойкостью, высоким психологическим благополучием и развитыми аспектами осознанности демонстрируют низкую выраженность факторов проблемного использования интернета. Для тех, кто отличается проблемностью в использовании интернета, напротив, характерно повышение предпочтительности виртуальной коммуникации и когнитивной поглощенности интернетом, а в ряде случаев – повышение целенаправленности использования интернета для улучшения психоэмоционального состояния, снижение негативных последствий от его использования.

Ключевые слова: киберпсихология, проблемное использование интернета, психологические ресурсы, интернет зависимость

Для цитирования: Орестова В.Р., Филиппова О.С. Различия психологических характеристик людей с проблемным и адаптивным использова-

нием сети Интернет // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 1. С. 119–133. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-119-133

The differences in the psychological characteristics of people with problematic and adaptive Internet use

Vasilisa R. Orestova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, v.r.orestova@gmail.com*

Olga S. Philippova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, philippova.o.s@gmail.ru*

Abstract. Analysis of differences in the psychological characteristics of people with problematic and adaptive Internet use and their connection with the factors of problematic internet usage is presented in the article. The study involved 182 respondents aged 17 to 32 years ($M=21.1$; $SD=2.6$). The results showed that people with problematic Internet usage are less resilient and have lower psychological well-being. They have greater difficulties in observing, verbalizing their own experience and being non-judgmentally aware of it, are less conscientious and less open to experience compared with people demonstrating adaptive use of the Internet. In the analysis of the connection between psychological characteristics and the factors of problematic Internet use, differences in the structure of the relationships of individuals with adaptive and problematic Internet use were found. Individuals with adaptive use of the Internet were characterized by resilience, high psychological well-being and developed aspects of awareness. They are less exposed to the repercussions of problematic Internet use. Those who are problematic in using the Internet, on the contrary, are characterized by an increase in the preference for virtual communication and cognitive absorption of the Internet, and in some cases, an increase in the purposefulness of using the Internet to improve the psycho-emotional state, reducing the negative consequences of its use.

Keywords: cyberpsychology, problematic internet use, psychological resources, internet addiction

For citation: Orestova, V.R. and Philippova, O.S. (2022), “The differences in the psychological characteristics of people with problematic and adaptive Internet use”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 1, pp. 119–133, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-119-133

Введение

Общество на современном этапе развития может быть охарактеризовано с точки зрения транзитивности, представляющей собой неопределенность, изменчивость и множественность современного мира. В таких условиях большое значение в жизни человека занимает виртуальное пространство, рассматриваемое уже не только с точки зрения информационных возможностей, но и, преимущественно для молодежи, с точки зрения коммуникации, а также удовлетворения самых разных потребностей.

В данной ситуации естественным является неснижающийся интерес исследователей к теме проблемного использования интернета. Упомянем лишь некоторые работы последних лет в этой области. Так, проводилось широкомасштабное исследование личности интернет-зависимого пользователя, в том числе особенностей эмоционально-личностной сферы лиц, предрасположенных к сетевой аддикции [Спиркина 2008]; определение личностных особенностей, выступающих предикторами формирования интернет-зависимого поведения [Mehroof, Griffiths 2010; Козлова, Чухрова 2012; Дмитриев 2013; Колмогорцева 2017; Hawi, Samaha 2019]. При изучении феноменологии проблемного использования интернета у пациентов с личностными расстройствами выделены его клинические варианты по типу интернет-аддикции, копинг-стратегии при декомпенсациях личностного расстройства, а также цифровой аутизации [Петров, Черняк 2020]. Было показано существование более тонкой психологической границы у интернет-зависимых респондентов, предпочитающих онлайн-игры виртуальному общению [Зыкова 2020]. Выявлена большая киберкоммуникативная зависимость от социальной сети Instagram у лиц с диагностированным демонстративным, лабильным и интровертированным типами акцентуации [Аймедов и др. 2020]. Обнаружено наличие связей личностных особенностей, определяющих регуляцию сетевой активности студентов [Паньшина и др. 2021]. На выборке лиц юношеского возраста были получены данные об отрицательной взаимосвязи проблемного использования Интернета с психическим благополучием и положительной – с различными психопатологическими симптомами [Холмогорова, Герасимова 2019].

Несмотря на относительную противоречивость данных эмпирических исследований последних лет, прослеживается закономерность представления проблемного использования интернета в качестве компенсаторного механизма. Согласно теории Д.А. Леонтьева, ресурсы – это некие средства, способствующие достижению цели и поддержанию благополучия. Описательное

понятие ресурсов включает в себя различные показатели, в том числе психологические ресурсы, среди которых можно выделить личностные черты, жизнестойкость, психологическое благополучие и особенности саморегуляции [Леонтьев 2016]. Согласно энергетическим процессам, лежащим в основе личностного потенциала, дефицит одних ресурсов может компенсироваться за счет других. В соответствие с этим представляется целесообразным рассматривать использование интернета как одного из возможных способов саморегуляции. Можно предположить, что использование интернета с компенсаторными целями способствует компенсации недостающих ресурсов.

Цель исследования

Выявление психологических характеристик людей с проблемным и адаптивным использованием сети интернет.

Гипотезы исследования

Общей гипотезой стало предположение о том, что существует различие в психологических характеристиках людей с проблемным и адаптивным использованием сети интернет.

Методы

Основой служит комплекс следующих методик:

– Краткий опросник Большой пятерки (TIPI, КОБТ) в адаптации Т.В. Корниловой, М.А. Чумаковой [Корнилова, Чумакова 2016].

– Пятифакторный опросник осознанности (Five Facet Mindfulness Questionnaire, FFMQ) Р. Баера в адаптации Н. М. Юмартовой, Н. В. Гришиной [Юмартова 2013].

– Опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко [Шевеленкова, Фесенко 2005].

– Общая шкала проблемного использования интернета (GPIUS3) С. Каплана в адаптации А.А. Герасимовой, А.Б. Холмогоровой [Герасимова, Холмогорова 2018].

– Тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой [Леонтьев, Рассказова 2006].

Статистическая обработка полученных данных осуществлялась при помощи пакета программ SPSS Statistics 26.0. Различия между группами были оценены с помощью критерия Манна-Уитни (Manna-Whitney U-test). Корреляционный анализ был проведен с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (Spearman rank R).

Описание выборки

В данном исследовании приняли участие 182 респондента, опрос проводился посредством онлайн-сервиса Google Forms. Все респонденты были уведомлены о цели исследования и дали согласие на обработку персональных данных и использование результатов в научных интересах. Участники были уравнены по основным социально-демографическим характеристикам. Среди респондентов – 107 женщин и 75 мужчин в возрасте от 17 до 32 лет (ср. возраст=21,1; SD=2,6).

Группы респондентов с проблемным и адаптивным использованием интернета были сформированы на основании суммарного балла опросника проблемного использования интернета. Распределение респондентов по группам осуществлялось путем стандартизации тестовой шкалы, где 5,5 стэн являлся границей между двумя группами. Респонденты, набравшие меньше этого значения, относились к лицам с адаптивным использованием (N=70); больше, соответственно, – к лицам с проблемным использованием интернета (N=112).

Результаты исследования

В ходе проведенного сравнительного анализа было выявлено, что для группы лиц с адаптивным использованием интернета, по сравнению с теми, кто отличается проблемностью в его использовании, характерны более выраженные черты добросовестности и открытости опыту ($p \leq 0,01$) (см. табл. 1).

Результаты анализа аспектов осознанности свидетельствуют о более развитом умении действовать с осознанностью, о более безоценочном отношении к своему внутреннему опыту ($p \leq 0,01$), а также более развитом навыке его описания ($p \leq 0,05$) респондентов, отличающихся адаптивным использованием интернета. В данной группе все факторы жизнестойкости и компоненты психологического благополучия являются более выраженными ($p \leq 0,01$), по сравнению с группой проблемного использования интернета.

Корреляционный анализ проводился на основании сопоставления факторов проблемного использования интернета и психологических характеристик в группах лиц с адаптивным и проблемным использованием интернета.

В группе лиц с адаптивным использованием интернета такие факторы проблемного использования интернета, как когнитивная поглощенность, компульсивное использование и негативные последствия использования интернета имеют отрицательные связи с чертами личности (см. табл. 2). Более тесная структура

отрицательных связей наблюдается с аспектами осознанности. Все факторы жизнестойкости и практически все компоненты психологического благополучия имеют отрицательные связи с факторами проблемного использования интернета.

Таблица 1

Сравнительный анализ психологических характеристик людей с проблемным и адаптивным использованием сети Интернет

Показатели	Адаптивное		Проблемное		U	p
	M	σ	M	σ		
Большая Пятёрка						
Добросовестность	10,545	2,386	9,34	2,213	2702	0
Открытость опыту	10,21	2,417	9,31	2,197	2974	0,006
Осознанность						
Навык описания опыта	28,06	5,757	26,07	4,084	3228,5	0,045
Умение действовать с осознанностью	24,79	5,360	21,4	3,831	2337	0
Безоценочное отношение к своему внутреннему опыту	24,70	4,704	21,23	4,219	2133,5	0
Жизнестойкость						
Вовлеченность	36,06	7,432	31,27	7,154	2584	0
Контроль	31,32	6,359	27,97	5,966	2763	0,001
Принятие риска	18,48	3,681	16,7	3,561	2820	0,001
Жизнестойкость	85,87	15,374	75,94	14,913	2550,5	0
Психологическое благополучие						
Позитивные отношения	58,65	10,986	51,26	8,309	2376	0
Автономия	57,19	9,231	53,24	9,026	2781	0,001
Управление средой	93,45	8,799	88,61	6,104	2699	0
Личностный рост	59,55	9,671	52,41	7,389	2256,5	0
Цели в жизни	59,18	10,4754	51,971	7,822	2379,5	0
Самопринятие	58,97	10,0346	53,114	8,833	2546	0
Психологическое благополучие	352,58	53,8583	316,329	37,994	2419,5	0

Таблица 2

Связь факторов проблемного использования интернета
и психологических характеристик в группе
с адаптивным использованием сети Интернет

Показатели	Предпочтение онлайн-общения	Регуляция настроения	Когнитивная поглощенность	Компульсивное использование	Негативные последствия
Большая Пятёрка					
Экстраверсия					-,199*
Согласие				-,217*	
Добросовестность			-,333**	-,319**	-,376**
Эмоциональная стабильность				-,192*	-,194*
Открытость опыту				-,220*	
Осознанность					
Навык наблюдения	-,252**				
Навык описания опыта	-,423**		-,290**	-,326**	-,257**
Умение действовать с осознанностью	-,297**	-,199*	-,320**	-,401**	-,433**
Безоценочное отношение к своему внутреннему опыту	-,255**	-,210*	-,381**	-,355**	-,399**
Нереагирующее отношение к своему опыту	-,251**				
Жизнестойкость					
Вовлеченность	-,315**	-,243**	-,400**	-,399**	-,409**
Контроль	-,374**	-,243**	-,529**	-,505**	-,508**
Принятие риска	-,274**	-,378**	-,309**	-,377**	-,384**
Жизнестойкость	-,354**	-,300**	-,471**	-,476**	-,495**
Психологическое благополучие					
Позитивные отношения	-,314**		-,439**	-,471**	-,460**

Автономия	-,347**		-,453**	-,424**	-,478**
Управление средой	-,354**	-,195*	-,476**	-,479**	-,510**
Личностный рост	-,466**		-,472**	-,402**	-,421**
Цели в жизни	-,401**		-,396**	-,375**	-,367**
Самопринятие	-,291**	-,227*	-,393**	-,390**	-,426**
Психологическое благополучие	-,390**		-,500**	-,508**	-,513**

Примечание: корреляция значима на уровне: * $-p < 0,05$; ** $-p < 0,01$. Жирным выделением обозначены разнонаправленные корреляции с группой проблемного использования

В отличие от группы с адаптивным использованием интернета среди лиц с проблемным использованием наблюдаются некоторые положительные связи факторов проблемного использования интернета с факторами жизнестойкости и психологического благополучия (см. табл. 3). Представляет интерес также существование ряда положительных связей психологических характеристик и факторов проблемного использования интернета, не характерных для группы с адаптивным использованием.

Таблица 3

Связь факторов проблемного использования интернета и психологических характеристик в группе с проблемным использованием сети Интернет

Показатели	Предпочтение онлайн-общения	Регуляция настроения	Когнитивная поглощенность	Компульсивное использование	Негативные последствия
Большая Пятёрка					
Согласие				-,255*	
Добросовестность		,259*	,253*		-,287*
Эмоциональная стабильность	,246*				-,343**
Открытость опыту	,326**	,270*	,464**		-,317**
Осознанность					
Навык наблюдения					,268*
Умение действовать с осознанностью		,254*	,272*		-,336**

Безоценочное отношение к своему внутреннему опыту					-,360**
Жизнестойкость					
Вовлеченность	,438**		,410**		-,412**
Контроль	,255*		,317**		
Принятие риска	,458**		,247*		-,344**
Жизнестойкость	,472**		,393**		-,366**
Психологическое благополучие					
Позитивные отношения		,303*	,251*	-,270*	-,269*
Автономия	,497**	,282*	,384**		-,525**
Управление средой	,277*	,353**	,330**		
Личностный рост	,317**		,373**		-,316**
Цели в жизни			,254*		
Самопринятие	,336**		,457**		-,357**
Психологическое благополучие	,374**	,304*	,419**		-,362**

Примечание: корреляция значима на уровне: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$. Жирным выделением обозначены разнонаправленные корреляции с группой адаптивного использования

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о различиях психологических характеристик людей с проблемным и адаптивным использованием сети интернет. Так, люди, отличающиеся адаптивным использованием интернета, характеризуются большей организованностью, ответственностью в достижении поставленных целей, а также более выраженной открытостью новому опыту и идеям. Они выделяются более развитым умением вербального выражения своего внешнего и внутреннего опыта, принятием его без использования оценочных суждений; имеют более развитую способность быть здесь и сейчас, в настоящем моменте, а также получают удовольствие от собственной деятельности и готовность действовать в отсутствии гарантий успеха, они убеждены в способности самостоятельно выбирать собственную деятельность. Межличностные отношения лиц, с адаптивным использованием интернета, окрашены

большей теплотой и близостью в сочетании с сохранением в них собственной индивидуальности. Данная группа проявляет большую способность к контролю и организации собственной жизни; обладает более выраженным чувством непрекращающегося развития, направленностью и позитивным самоотношением.

Лица же с проблемным использованием интернета отличаются большей спонтанностью, переключаемостью, приверженностью традициям. У них замечены трудности в выражении своего настоящего опыта, избегание его и характерная большая критичность в отношении опыта в целом, стремление подавить его. Для них более характерным является чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни, а также собственной беспомощности и неготовности рисковать, предпочитая комфортное существование. Лица с проблемным использованием интернета проявляют большую изолированность и фрустрированность в межличностных отношениях. Они отличаются большей зависимостью от мнения и оценок окружающих, трудностями в организации собственной жизни. Для них более характерно осознание отсутствия собственного развития, отсутствия его направленности, а также недовольство собой и событиями своей жизни.

Данные, полученные в ходе корреляционного анализа в группе лиц с адаптивным использованием интернета, согласуются с данными других эмпирических исследований [Холмогорова, Герасимова 2019].

Структура взаимосвязей двух групп указывает на существенные различия корреляций психологических характеристик и предпочтении онлайн-общения, регуляции настроения и когнитивной поглощенности интернетом.

В отличие от лиц с адаптивным использованием интернета, для тех, кто склонен к проблемному его использованию, высокая ответственность и любознательность связаны с большей когнитивной поглощенностью интернетом и склонностью прибегать к интернету для регуляции эмоционального состояния. При наличии эмоциональной устойчивости и открытости данные респонденты оказывают большее предпочтение виртуальной коммуникации. По всей видимости, выбирая виртуальное взаимодействие, данная группа респондентов реализует собственную любознательность, которая, в свою очередь, по механизму руминаций стимулирует их к поиску нового преимущественно в виртуальном пространстве.

Развитая способность к осознанной деятельности лиц с адаптивным использованием интернета сопутствует низким руминациям об интернете и склонности к его использованию для улучшения эмоционального состояния. Однако для лиц с про-

блемным использованием интернета тенденция является противоположной, что может отражать вполне сознательное, целенаправленное использование интернета для улучшения самочувствия и использование руминаций об интернете с целью получения дополнительного удовольствия от предвкушения.

Различия в структуре взаимосвязей компонентов жизнестойкости и факторов проблемного использования интернета отражают то, что при повышении предпочтительности виртуальной коммуникации, при более выраженных руминациях относительно интернета лица с адаптивным использованием демонстрируют снижение собственной активности в повседневной жизни, склонности к риску, а также веры в способность контролировать и влиять на происходящее. В то время как лица с проблемным использованием интернета имеют противоположную тенденцию, позволяющую предположить, что использование интернета в данной группе выступает своеобразным ресурсом, повышающим жизнестойкость личности.

В отличие от лиц с адаптивным использованием интернета, среди которых при повышении предпочтения онлайн-общения наблюдается снижение независимости, контроля собственной жизни, ощущения собственного развития, самопринятия и психологического благополучия, для лиц с проблемным использованием интернета рост предпочтения онлайн коммуникации сопутствует повышению показателей психологического благополучия. Лица с адаптивным использованием интернета отмечают затруднение контроля собственной жизни при повышении регулирующей мотивации использования интернета, в то время как для группы лиц с проблемным использованием интернета наблюдается, напротив, увеличение эффективности использования различных возможностей управления окружением. При этом, при выраженной склонности к использованию интернета с целью регуляции своего состояния, в данной группе отмечается повышение доверия в отношениях с окружающими, независимость и самостоятельность в принятии решений, а также более выраженное ощущение осмысленности собственной жизни. Повышение компонентов психологического благополучия наблюдается и при выраженной когнитивной поглощенности интернетом. Таким образом, в данном случае мы видим реализацию компенсаторной функции использования интернета, способствующей реализации недостающих психологических ресурсов личности.

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию, можно говорить о следующих выявленных различиях психологических характери-

стик людей с проблемным и адаптивным использованием сети Интернет:

1. Для лиц с проблемным использованием интернета характерны меньшие добросовестность и открытость опыту. Они испытывают большие трудности в описании и принятии своего опыта, меньше склонны к осознанности в действиях. Жизнестойкость и психологическое благополучие в целом, а также структурные компоненты данных конструкторов выражены меньше, чем в группе лиц с адаптивным использованием интернета, что демонстрирует их меньшую стрессоустойчивость, целостность и осмысленность собственной жизни.

2. Для лиц с адаптивным использованием интернета повышение психологического благополучия, жизнестойкости, способности к описанию опыта, осознанности действий и безоценочности по отношению к своему опыту связано со снижением выраженности факторов проблемного использования интернета. Способность замечать происходящее, не реагируя на него, связана с низким стремлением к онлайн-взаимодействию. Развитые универсальные черты личности, преимущественно, связаны с самоконтролем при использовании интернета.

3. Для лиц с проблемным использованием интернета стремление к онлайн-коммуникации и выраженные руминации относительно интернета сопутствуют повышению жизнестойкости и психологического благополучия. Они осознанно используют интернет для улучшения самочувствия, склонны размышлять об этом для получения дополнительного удовольствия и удовлетворения потребности в новых впечатлениях, однако при развитии способности к наблюдению проявляют большую погруженность в себя и оторванность от реального мира. Используя интернет для регуляции своего состояния, респонденты с проблемным использованием улучшают способности к внешнему и внутреннему контролю, повышают качество межличностных отношений и, в целом, ощущают большую осмысленность жизни.

Литература

Аймедов и др. 2020 – Аймедов К.В., Асеева Ю.А., Толмачев А.А., Табачников С.И. Психологические особенности лиц, склонных к киберкоммуникативной зависимости, на примере социальной сети Instagram // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2020. Т. 11. № 4. С. 731–738.

Герасимова, Холмогорова 2018 – Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 56–79.

Дмитриев 2013 – *Дмитриев К.Г.* Психологические детерминанты Интернет-зависимости в юношеском возрасте: автореферат дис. ... канд. психол. наук. Московский педагогический государственный университет, 2013. 22 с.

Зыкова 2020 – *Зыкова Е.И.* Особенности взаимосвязи психологической границы со склонностью к Интернет-зависимости // Национальное здоровье. 2020. № 2. С. 63–68.

Козлова, Чухрова 2012 – *Козлова Л.И., Чухрова М.Г.* Личностные характеристики пользователей сети Интернет, склонных к зависимости от многопользовательских ролевых онлайн-игр // Мир науки, культуры и образования. 2012. № 3 (34). С. 193–195.

Колмогорцева 2017 – *Колмогорцева А.А.* Прогностическая модель структуры личностных особенностей субъектов с Интернет-зависимостью // Мир науки. 2017. Т. 5. № 3. С. 1–9.

Корнилова, Чумакова 2016 – *Корнилова Т.В., Чумакова М.А.* Апробация краткого опросника Большой пятерки (ТРИ, КОБТ) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 5.

Леонтьев 2016 – *Леонтьев Д.А.* Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37.

Леонтьев, Рассказова 2006 – *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.

Паньшина и др. 2021 – *Паньшина С.Е., Сунгурова Н.Л., Карабущенко Н.Б.* Личностные характеристики студентов в регуляции сетевой активности // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 3. С. 101–130.

Петров, Черняк 2020 – *Петров А.А., Черняк Н.Б.* Современные тенденции неблагоприятной клинико-социальной динамики расстройств личности при проблемном использовании интернета // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2020. № 3 (108). С. 83–91.

Спиркина 2008 – *Спиркина Т.С.* Личностные особенности пользователей сети Интернет, склонных к интернет-зависимости // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 60. С. 473–477.

Холмогорова, Герасимова 2019 – *Холмогорова А.Б., Герасимова А.А.* Психологические факторы проблемного использования Интернета у девушек подросткового и юношеского возраста // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 138–155.

Шевеленкова, Фесенко 2005 – *Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П.* Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–121.

Юмартова 2013 – *Юмартова Н.М.* Осознанность (mindfulness). Психологические характеристики и инструменты измерения // Научные

исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2013. № 1 (1). С. 267–273.

Hawi, Samaha 2019 – *Hawi N., Samaha M.* Identifying commonalities and differences in personality characteristics of Internet and social media addiction profiles: traits, self-esteem, and self-construal // *Behaviour & Information Technology*. 2019. Vol. 38. no. 2. P. 110–119.

Mehroof, Groffiths 2010 – *Mehroof M., Griffiths M.D.* Online Gaming Addiction: The Role of Sensation Seeking, Self-Control, Neuroticism, Aggression, State Anxiety, and Trait Anxiety // *Cyberpsychology, behavior, and social networking*. 2010. Vol. 13. no. 3. P. 313–316.

References

Aimedov, K.V., Aseeva, Yu.A., Tolmachev, A.A. and Tabachnikov, S.I. (2020), “Psychological features of people with cyber-communicative addiction on the example of the Instagram social network”, *Psychiatry, Psychotherapy i clinical psychology*, vol. 11, no. 4, pp. 731–738.

Dmitriev, K.G. (2013), *Psikhologicheskie determinanty Internet-zavisimosti v yunosheskom vozraste*, Abstract of Ph.D, General psychology, personality psychology, history of psychology, Moscow pedagogical state university, Moscow, Russia.

Gerasimova, A.A. and Kholmogorova, A.B. (2018), “The generalized problematic Internet use scale 3 modified version: approbation and validation on the Russian sample”, *Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 26, no. 3, pp. 56–79.

Hawi, N. and Samaha, M. (2019), “Identifying commonalities and differences in personality characteristics of Internet and social media addiction profiles: traits, self-esteem, and self-construal”, *Behaviour & Information Technology*, vol. 38, no. 2, pp. 110–119.

Kholmogorova, A.B. and Gerasimova, A.A. (2019), “Psychological factors of problematic Internet use in adolescent and young girls”, *Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 27, no. 3, pp. 138–155.

Kolmogortseva, A.A. (2017), “Prognostic model of the structure of personality characteristics of people with internet addiction”, *Mir nauki*, vol. 5, no. 3, pp. 1–9.

Kornilova, T.V. and Chumakova, M.A. (2016), “Development of the Russian version of the brief Big Five questionnaire (TIPI)”, *Psikhologicheskie issledovaniya*, vol. 9, no. 46, p. 5.

Kozlova, L.I. and Chukhrova, M.G. (2012), “Personality characteristics of Internet users with risk of massively multiplayer online role-playing games addiction”, *The world of science, culture and education*, no. 3 (34), pp. 193–195.

Leont'ev, D.A. (2016), “Autoregulation, resources and personality potential”, *Siberian journal of psychology*, no. 62, pp. 18–37.

- Leont'ev, D.A. and Rasskazova, E.I. (2006), *Test zhiznestoikosti* [Hardiness Survey], Smysl, Moscow, Russia.
- Mehroof, M. and Griffiths, M.D. (2010), "Online Gaming Addiction: The Role of Sensation Seeking, Self-Control, Neuroticism, Aggression, State Anxiety, and Trait Anxiety", *Cyberpsychology, behavior, and social networking*, vol. 13, no. 3, pp. 313–316.
- Pan'shina, S.E., Sungurova, N.L. and Karabushchenko, N.B. (2021), "Personality characteristics of students in the regulation of network activity", *The Education and Science Journal*, vol. 23, no. 3, pp. 101–130.
- Petrov, A.A. and Chernyak, N.B. (2020), "Current trends in the unfavorable clinical and social dynamics of personality disorders in problematic internet use", *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, no. 3 (108), pp. 83–91.
- Shevelenkova, T.D. and Fesenko, T.P. (2005), "Psychological well-being of the personal", *Psikhologicheskaya diagnostika*, no. 3, pp. 95–121.
- Spirkina, T.S. (2008), "Personal characteristics of Internet addiction users", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 60, pp. 473–477.
- Yumartova, N.M. (2013), "Mindfulness. Psychological characteristics and measurement tools", *Nauchnye issledovaniya vypusnikov fakul'teta psikhologii SPbGU*, no. 1 (1), pp. 267–273.
- Zykova, E.I. (2020), "Features of the relationship of psychological boundaries with a penchant for internet addiction", *National health*, no. 2, pp. 63–68.

Информация об авторах

Василиса Р. Орестова, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; v.r.orestova@gmail.com

Ольга С. Филиппова, магистр психологии, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; philippova.o.s@gmail.com

Information about the author

Vasilisa R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; v.r.orestova@gmail.com

Olga S. Philippova, Master in Psychology, graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; philippova.o.s@gmail.com

Локус контроля в системе
личностных характеристик молодежи:
сиблинговый контекст

Оксана В. Баскаева

*Психологический институт Российской академии образования,
Москва, Россия, baskaeva.oksana@gmail.com*

Аннотация. На выборке сиблингов в возрасте ранней взрослости рассматривается структура взаимосвязей локуса контроля с другими психологическими характеристиками. В выборку вошли 106 пар сиблингов (всего 212 респондентов) с разницей в возрасте не более 5 лет; средний возраст старшего сиблинга $24,51 \pm 4,56$, младшего $21,73 \pm 4,17$ полных лет. Каждый член сиблинговой пары заполнил 5 опросников: Уровень субъективного контроля, Короткий портретный опросник Большой пятерки, Краткий вариант опросника Толерантность к неопределенности, Краткий вариант опросника Поиск ощущений и опросник Грязная дюжина. Полученные в ходе исследования данные изучаются в двух подгруппах – старшие и младшие сиблинги каждой пары. Выявлено, что в среднем старшие и младшие сиблинги не отличаются друг от друга по локализации контроля над значимыми для себя событиями как в жизни в целом, так и в частных специфических ситуациях (состояние здоровья, достижения, неудачи, семейные, производственные и межличностные отношения). В то же время изучение структуры взаимосвязей уровня субъективного контроля с другими психологическими характеристиками в группах старших и младших обнаруживает ряд различий.

Ключевые слова: локус контроля, молодежь, старший сиблинг, младший сиблинг

Для цитирования: Баскаева О.В. Локус контроля в системе личностных характеристик молодежи: сиблинговый контекст // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 1. С. 134–147. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-134-147

Locus of control in the system of personal characteristics of youth: a sibling context

Oksana V. Baskaeva

*Psychological Institute of Russian Academy of Education,
Moscow, Russia, baskaeva.oksana@gmail.com*

Abstract. On a sample of siblings at the age of early adulthood, the structure of links between the locus of control and other psychological characteristics is considered. The sample included 106 pairs of siblings (212 respondents in total) with an age difference of no more than 5 years; the average age of the older sibling is 24.51 ± 4.56 , the younger one is 21.73 ± 4.17 full years. Each member of the sibling couple completed 5 questionnaires: Level of Subjective Control, Short Big Five Portrait Inventory, Short Version of the Uncertainty Tolerance Inventory, Short Version of the Sensation Seeking Inventory, and the Dirty Dozen Inventory. The data obtained during the study are studied in two subgroups - older and younger siblings of each pair. It was revealed that, on average, older and younger siblings do not differ from each other in the localization of control over significant events for themselves, both in life in general and in particular specific situations (health status, achievements, failures, family, workplace and interpersonal relationships). At the same time, the study of the structure of the links between the level of subjective control and other psychological characteristics in the groups of older and younger reveals a number of differences.

Keywords: locus of control, young people, older sibling, younger sibling

For citation: Baskaeva, O.V. (2022), "Locus of control in the system of personal characteristics of youth: a sibling context", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 134–147, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-134-147

Введение

Сиблинговые отношения для большинства людей являются самыми длительными. В детстве и подростковом возрасте сиблингам принадлежит центральная роль в семейной жизни [McHale et al. 2012]. Воспитываясь в одной семье, дети вовлечены в регулярные и эмоционально насыщенные взаимодействия, являясь друг для друга компаньонами, соперниками, а также постоянным объектом социального сравнения. Помимо прямых взаимодействий сиблинги воздействуют на личностное развитие друг друга опосредованно, занимая определенную семейную нишу и забирая часть семейных ресурсов [McHale et al. 2006]. В ранней взрос-

лости частота контактов и уровни конфликта и соперничества между сиблингами заметно снижаются, а теплота отношений соизмерима с таковой в подростковничестве либо повышается [Jensen et al. 2018]. Эмоциональные сиблинговые связи сохраняются также в среднем и старшем возрасте, когда происходит дальнейшее снижение интенсивности взаимных контактов [Suitor et al. 2016; Bedford, Avioli 2012; White 2001]. Меняясь соответственно возрастным этапам, отношения с сиблинговым партнером тем не менее не теряют значимости для адаптации и благополучия на протяжении всей жизни человека. В этой связи важным представляется изучение личностных характеристик старшего и младшего сиблинговых партнеров, в частности, присущего им локуса контроля.

Локус контроля исследуется более пятидесяти лет. Это фундаментальная личностная переменная, отражающая убеждения человека о степени своей способности контролировать события и результаты собственной жизни, учитывающая, в какой мере ответственность за происходящее в жизни человек приписывает самому себе, а в какой – внешним факторам. Исследования локуса контроля начались с работ Роттера [Rotter 1954, Rotter 1966], связавшего данное понятие с теорией социального обучения, утверждающей, что на поведение людей в конечном итоге влияет обучение, которое происходит в процессе наблюдения за свершающимися вокруг событиями. В ходе этого наблюдения у человека возникают ожидания подкрепления собственных действий, а получаемое подкрепление усиливает либо ослабляет ожидания определенных событий [Spector 1982]. По Роттеру, с течением времени такие ожидания, то есть восприятие причинно-следственной связи между поведением и вознаграждением, становятся относительно стабильными. Лица с внутренним локусом контроля (интерналы) считают, что случающееся с ними зависит от их собственных поступков и личных качеств; обладающие внешним локусом (экстерналы) возлагают ответственность за события своей жизни на те или иные внешние факторы. Интерналы, как правило, решительны и уверены в своей способности контролировать собственную жизнь [Ng et al. 2006]. Экстерналы отводят себе пассивную роль в получении жизненных результатов и чувствуют зависимость от обстоятельств, других людей, общества, судьбы или случая. Поскольку внешний локус контроля связан с восприятием зависимости от различных внешних факторов, он более сложен.

Локус контроля предполагает прогноз способности контролировать собственное будущее [Ng et al. 2006]. Он может быть преимущественно внешним или внутренним, то есть можно вы-

явить общую тенденцию к внутреннему или внешнему типу локуса, человек также может чередовать внешний и внутренний локусы и иметь несходные ожидания в отношении собственного контроля над различными сферами жизни [April et al. 2012]. Так, например, могут различаться ожидания человека в отношении успехов, достижений, карьеры, здоровья [Connolly 1980]. Люди с внутренними и внешними (билокальными) ожиданиями обычно ощущают большее субъективное благополучие, чем те, кто придерживается исключительно внутренних или внешних ожиданий [April et al. 2012]. Предполагается, что билокальный локус более адаптивный, поскольку чисто внешние ожидания могут вызвать ощущение беспомощности и безнадежности, а высокий уровень внутренних ожиданий способен спровоцировать стресс в результате гиперответственности и чрезмерной самокритики.

Хотя ранние исследования показали, что локус контроля является основным предиктором установок, эмоциональных реакций, мотивации и поведения, связанных с работой, впоследствии локус контроля чаще всего рассматривался как компонент базовой самооценки. В настоящее время правильность такого подхода опровергается, высказывается мнение, что эта переменная – независимый конструкт, который следует изучать отдельно [Johnson et al. 2015; Johnson et al. 2016].

Локус контроля имеет дистальное влияние на эмоции, когниции и поведение [Kanfer et al. 2017]; исследования также указывают на его связь с физическим и ментальным здоровьем [Sargent-Cox, Anstey 2015]. Однако генезис конструкта до конца не выяснен. Утверждается, что локус формируется в раннем детстве под влиянием стиля воспитания, социально-экономической ситуации и индивидуального опыта ребенка; дети начинают интерпретировать степень собственного контроля над событиями, когда научаются идентифицировать источник подкрепления [Bodovski 2014; Morton 1997]. В этой связи можно полагать, что уникальная сиблинговая среда, присутствующая в семье, где воспитываются дети, и эмоциональные связи между взрослыми сиблингами оказывают свое воздействие на данную важную личностную характеристику.

Цель исследования

Выявить связи локуса контроля с другими личностными характеристиками современной молодежи в сиблинговой ситуации.

Выборка исследования

В исследовании участвовало 106 пар сиблингов (всего 212 респондентов) с разницей в возрасте не более 5 лет. Средний возраст старшего сиблинга $24,51 \pm 4,56$, младшего - $21,73 \pm 4,17$ полных лет.

Схема исследования

Каждый сиблинг из пары заполнял 5 опросников.

1. *Уровень субъективного контроля* – УСК [Бажин и др. 1993]. Опросник предназначен для определения уровня интернальности-экстернальности и содержит 7 шкал. Шкала общей интернальности оценивает общий уровень субъективного контроля. Шкала интернальности в достижениях направлена на определение уровня субъективного контроля над эмоционально положительными событиями; Шкала интернальности в неудачах – над эмоционально отрицательными. Следующие четыре шкалы - ситуационно-специфические и оценивают интернальность в семейных отношениях, в производственных отношениях, в межличностных отношениях и в области здоровья.

2. Короткий портретный опросник *Большой пятерки* [Егорова, Паршикова 2016].

3. Краткий вариант опросника *Толерантность к неопределенности* [Егорова, Паршикова 2016].

4. Краткий вариант опросника *Поиск ощущений* [Егорова, Пьянкова 1992] – сокращенный и адаптированный на российской выборке опросник *Поиск ощущений* М. Закермана. Шкала поиск приключений-1 оценивает поиск возбуждения и приключений в активности, связанной с риском; Шкала поиск приключений-2 оценивает поиск возбуждения и приключений в обыденной жизни; Шкала поиск переживаний оценивает поиск нового опыта и впечатлений через неконформные виды поведения; с помощью Шкалы подверженности скуке определяют, в какой степени у человека выражено стремление к разнообразию и избеганию рутинного опыта.

5. Опросник *Грязная дюжина* [Jonason, Webster 2010] содержит двенадцать утверждений для диагностики личностных черт Темной триады – макиавеллизм, неклиническая психопатия, неклинический нарциссизм.

Методы анализа данных

Данные рассматривались в двух подгруппах – старшие и младшие сиблинги каждой пары. Изучались связи показателей

УСК с показателями других четырех опросников, использованных в исследовании.

Для оценки различия средних применялся t-критерий Стьюдента, для анализа взаимосвязей вычислялись корреляции Спирмена. Статистическая обработка проводилась с использованием пакета компьютерных программ SPSS 18.0.

Результаты

Сравнение средних выявило, что значимых различий между показателями психологических характеристик старших и младших сиблингов нет, за исключением невротизма, который значимо выше у младших ($p = 0,53$). Оценка взаимосвязей одноименных показателей личностных характеристик старших и младших обнаруживает значимые корреляции показателей общей интернальности ($r = ,228$; $p = ,019$), открытости к новому опыту ($r = ,252$; $p = ,009$) и макиавеллизма ($r = ,200$; $p = ,040$) старших и младших.

Рассмотрение структуры взаимосвязей показателей УСК и других психологических характеристик выявило ряд различий между старшими и младшими сиблингами.

Совокупное число значимых взаимосвязей показателей всех шкал УСК и других психологических характеристик у старших почти в два раза превышает это число у младших: 25 vs 13 (рис. 1). С показателями сознательность и поиск приключений-2 в обеих подгруппах не связаны показатели ни одной шкалы УСК.

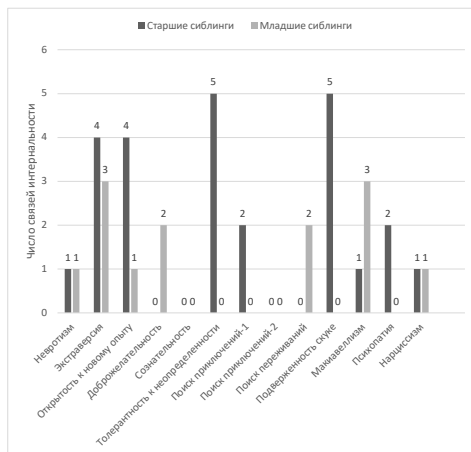

Рис. 1. Совокупная численность взаимосвязей показателей шкал интернальности и других характеристик.

В группе старших сиблингов у шести из семи шкальных показателей интернальности взаимосвязей с показателями других психологических характеристик больше, чем в группе младших (рис. 2). В обеих группах есть показатели интернальности с отсутствием значимых связей: интернальность в области здоровья у старших и интернальность в семейных отношениях у младших.

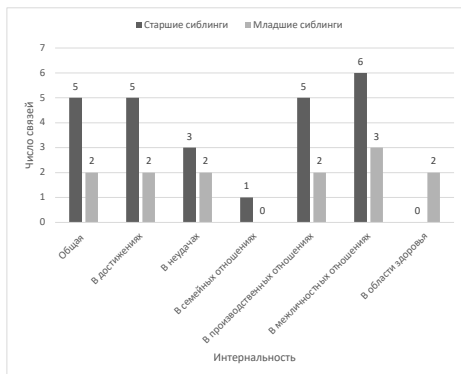

Рис. 2. Число взаимосвязей показателей шкал интернальности и других характеристик.

Результаты корреляционного анализа представлены в Таблице 1.

Рассмотрим, какие именно значимые взаимосвязи существуют между интернальностью и другими характеристиками сиблингов.

Общая интернальность старших положительно связана с экстраверсией, открытостью к новому опыту, толерантностью к неопределенности, поиском приключений-1 и подверженностью скуке. Общая интернальность младших положительно связана с экстраверсией и отрицательно с макиавеллизмом.

Интернальность в достижениях, как и общая интернальность старших, обнаруживает положительную связь с экстраверсией, открытостью к новому опыту, толерантностью к неопределенности, подверженностью скуке. Также у старших выявлена отрицательная связь интернальности в достижениях с невротизмом. Интернальность в достижениях младших положительно связана с экстраверсией и доброжелательностью.

Интернальность в неудачах старших имеет положительную связь с толерантностью к неопределенности и подверженностью скуке и отрицательную с психопатией. В группе младших интернальность в неудачах отрицательно связана с макиавеллизмом и нарциссизмом.

Таблица 1

Взаимосвязи показателей шкал интернальности и других характеристик

		Общая интернальность	Интернальность в достижениях	Интернальность в неудачах	Интернальность в семейных отношениях	Интернальность в профессиональных отношениях	Интернальность в межличностных отношениях	Интернальность в области здоровья
Невротизм	Старший R	-0,18	-,224*	-0,01	-0,09	-0,12	-0,08	-0,14
	Младший R	,032	-,004	-0,17	-,043	,106	,026	,229*
Экстраверсия	Старший R	,367**	,418**	0,19	0,13	,243*	,308**	-0,08
	Младший R	,201*	,358**	,148	,133	,108	,428**	,022
Открытость к новому опыту	Старший R	,327**	,381**	0,18	0,12	,209*	,330**	0,14
	Младший R	,079	,177	,143	,077	,018	,261**	-,022
Добросовестность	Старший R	0,18	0,19	0,05	0,06	0,15	0,08	-0,06
	Младший R	,147	,196*	-,182	,275	-,002	-,212*	-,133
Сознательность	Старший R	0,12	0,19	-0,02	0,07	-0,07	-0,07	-0,03
	Младший R	,028	-,081	-,172	,007	,006	-,035	-,032
Толерантность	Старший R	,388**	,336**	,198*	0,12	,337**	,283**	0,11
	Младший R	,067	,148	,057	,060	-,001	,104	,106
Поиск приключений-1	Старший R	,229*	0,10	0,19	0,02	,234*	0,10	0,16
	Младший R	,122	,159	-,047	,137	,121	,011	-,003
Поиск приключений-2	Старший R	0,09	0,01	0,09	0,04	0,11	0,10	0,00
	Младший R	,000	-,056	,027	-,016	,042	-,040	-,006
Поиск переживаний	Старший R	0,08	-0,03	0,12	0,09	0,15	0,10	0,03
	Младший R	,170	,176	,126	,176	,248*	,156	,215*
Подверженность риску	Старший R	,322**	,318**	,222*	0,16	,217*	,290**	0,08
	Младший R	,015	,031	,046	,009	-,064	,035	,101
Макимализм	Старший R	-0,12	-0,07	-0,11	-0,06	-0,01	,200*	-0,01
	Младший R	-,251**	-,148	-,283**	-,081	-,238**	,125	-,060
Психопатия	Старший R	-0,18	-0,07	-,296**	-,283**	-0,05	-0,06	-0,04
	Младший R	-,101	-,098	-,090	-,008	-,105	-,087	-,069
Нарциссизм	Старший R	0,02	0,11	0,09	0,09	-0,07	,204*	0,06
	Младший R	-,128	-,002	-,289**	,007	-,132	,116	,070

Примечания. ** – p < 0,01; * – p < 0,05.

Интернальность в области семейных отношений старших отрицательно связана с психопатией. У младших интернальность в области семейных отношений не обнаруживает связи ни с одним из рассматриваемых показателей.

Интернальность в производственных отношениях в группе старших имеет положительные связи с экстраверсией, открытостью к новому опыту, толерантностью к неопределенности, поиском приключений-1 и подверженностью скуке. В группе младших показатели по этой шкале интернальности положительно связаны с поиском переживаний и отрицательно с макивеллизмом.

Интернальность в межличностных отношениях в группе старших положительно коррелирует с экстраверсией, открытостью к новому опыту, толерантностью к неопределенности, подверженностью скуке, макивеллизмом и неклиническим нарциссизмом. Интернальность в межличностных отношениях младших имеет положительные связи с экстраверсией, открытостью к новому опыту и доброжелательностью.

Интернальность в области здоровья в группе старших не обнаруживает связей с другими психологическими характеристиками; в группе младших этот показатель положительно связан с невротизмом и поиском переживаний.

Выводы

По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

Старшие и младшие сиблинги из молодежной выборки в среднем не отличаются друг от друга по локализации контроля над значимыми для себя событиями, как в общей жизненной ситуации, так и в частных специфических ситуациях, касающихся состояния здоровья, собственных достижений и успехов, неудач и проблем, отношений в семье, в кругу коллег, в ходе неформального общения с другими людьми. Изучение структуры взаимосвязей уровня субъективного контроля с другими психологическими характеристиками в группах старших и младших дает во многом несходные картины.

Чем более экстравертирован старший сиблинг, чем более адекватно он встречает новые ситуации и идеи, чем выше его готовность принимать решения и действовать в изменяющихся условиях, чем сильнее стремление к разнообразию, избеганию рутины и к активности, связанной с острыми ощущениями и риском, тем в большей степени он считает себя ответственным за отношения в семье, на работе, за собственные достижения и за то, как складывается его жизнь. Чем выше макивеллизм и неклинический

нарциссизм старшего сиблинга, тем большую ответственность за межличностные отношения он себе приписывает. Чем менее невротичен, импульсивен и раздражителен старший, тем больше он верит, что его достижения – это его собственная заслуга, а не воля случая или результат постороннего вмешательства; тем больше он стремится контролировать отрицательные события в семье и в жизни в целом и тем сильнее чувствует личную ответственность, если такие события происходят.

Чем более младший сиблинг экстравертирован и чем менее выражены у него черты макиавеллизма, тем больше его ответственность за собственную жизнь. Чем выше экстраверсия младшего, чем более он отзывчив и внимателен к людям, тем большую ответственность за свои успехи и достижения он чувствует. Чем ниже уровень макиавеллизма и неклинического нарциссизма младшего, тем выше его ответственность за неудачи. Чем больше стремление младшего сиблинга к неконформному опыту и чем менее ему свойственен макиавеллизм, тем больше его ответственность за отношения на работе и карьерный рост. Чем младший более экстравертирован, восприимчив к новым идеям, внимателен и отзывчив к людям, тем большую ответственность он чувствует за свои отношения с окружающими, и чем более младший невротичен и склонен к поиску новых впечатлений через неконформный опыт, тем большую ответственность за свое здоровье он чувствует.

Различающиеся паттерны взаимосвязей локуса контроля старших и младших сиблингов молодежной выборки свидетельствуют о том, что сиблинговая позиция по-разному влияет на формирование этой фундаментальной характеристики личности.

Благодарность

Статья выполнена в рамках госзадания, АААА-А19-119012990181-0.

Acknowledgments

The article was prepared within a state task, project ААА-А-А19-119012990181-0.

Литература

Бажин и др. 1993 – *Бажин Е., Гольянкина Е., Эткинд А.* Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М.: Смысл, 1993.

Егорова, Паршикова 2016 – *Егорова М.С., Паршикова О.В.* Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5-10) [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45. С. 9. URL: <http://psystudy.ru/index.php/pum/2016v9n45/1239-egorova45.html> (дата обращения 10 дек. 2021).

- Егорова, Пьянкова 1992 – *Егорова М.С., Пьянкова С.Д.* Поиск ощущений и особенности личностной сферы // Актуальные проблемы психологической службы: Теория и практика: материалы международной конференции (Одесса, 8–9 сентября, 1992). Т. 2. Одесса, 1992. С. 140–143.
- April et al. 2012 – *April K.A., Dharani B., Peters K.* Impact of locus of control expectancy on level of well-being // *Review of European Studies*. 2012. Vol. 4. P. 124–137.
- Bedford, Avioli 2012 – *Bedford V.H., Avioli P.S.* Siblings in middle and late adulthood // *Handbook of families and aging* / Ed by R. Blieszner, V.H. Bedford. Santa Barbara, CA: Praeger, 2012.
- Bodovski 2014 – *Bodovski K.* Adolescents' emerging habitus: The role of early parental expectations and practices // *Journal of Sociology of Education*. 2014. Vol. 35. P. 389–412.
- Connolly 1980 – *Connolly S.G.* Changing expectancies: A counselling model based on locus of control // *The Personnel and Guidance Journal*. 1980. Vol. 59. P. 176–180.
- Jensen et al. 2018 – *Jensen A. C., Whiteman S. D., Fingerman K.L.* “Can't live with or without them:” Transitions and young adults' perceptions of sibling relationships // *Journal of Family Psychology*. 2018. Vol. 32. № 3. P. 385–395.
- Johnson et al. 2015 – *Johnson R.E., Rosen C.C., Chang C.-H., Lin S.-H.* Getting to the core of locus of control: Is it a core evaluation of the self or the environment? // *Journal of Applied Psychology*. 2015. Vol. 100. P. 1568–1578.
- Johnson et al. 2016 – *Johnson R.E., Rosen C.C., Chang C.-H., Lin S.* Assessing the status of locus of control as an indicator of core self-evaluations // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 90. P. 155–162.
- Jonason, Webster 2010 – *Jonason P.K., Webster G.D.* The Dirty Dozen: A concise measure of the Dark Triad // *Psychological Assessment*. 2010. Vol. 22. № 2. P. 420–432.
- Kanfer et al. 2017 – *Kanfer R., Frese M., Johnson R. E.* Motivation related to work: A century of progress // *Journal of Applied Psychology*. 2017. Vol. 102. P. 338–355.
- McHale et al. 2006 – *McHale S.M., Kim J., Whiteman S.D.* Sibling Relationships in Childhood and Adolescence // *Close relationships: Functions, forms and processes* / Ed. by P. Noller, J.A. Feeney. New York, NY: Psychology Press, 2006.
- McHale et al. 2012 – *McHale S.M., Updegraff K.A., Whiteman S.D.* Sibling Relationships and Influences in Childhood and Adolescence // *Journal of marriage and the family*. 2012. Vol. 74. № 5. P. 913–930.
- Morton 1997 – *Morton T. L.* The relationship between parental locus of control and children's perceptions of control // *The Journal of Genetic Psychology*. 1997. Vol. 158. P. 216–225.

- Ng et al. 2006 – Ng T.W.H., Sorensen K.L., Eby L.T. Locus of control at work: A meta-analysis // *Journal of Organizational Behavior*. 2006. Vol. 27. P. 1057–1087.
- Rotter 1954 – Rotter J.B. Social learning and clinical psychology. New York, NY: Prentice Hall, 1954.
- Rotter 1966 – Rotter J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // *Psychological Monographs*. 1966. Vol. 80. P. 1–28.
- Sargent-Cox, Anstey 2015 – Sargent-Cox K., Anstey K.J. The relationship between age-stereotypes and health locus of control across adult age-groups // *Psychology & Health*. 2015. Vol. 30. № 6. P. 652–670.
- Spector 1982 – Spector P.E. Behavior in organizations as a function of employee's locus of control // *Psychological Bulletin*. 1982. Vol. 91. P. 482–497.
- Suitor et al. 2016 – Suitor J.J., Gilligan M., Pillemer K. Stability, change, and complexity in later-life families // *Handbook of aging and the social sciences* / Ed. by L.K. George, K.F. Ferraro. New York, NY: Elsevier, 2016.
- White 2001 – White L. Sibling relationships over the life course: A panel analysis // *Journal of Marriage and Family*. 2001. Vol. 63. P. 555–568.

References

- April, K.A., Dharani, B. and Peters, K. (2012), “Impact of locus of control expectancy on level of well-being”, *Review of European Studies*, vol. 4, pp. 124–137.
- Bazhin, E., Golyunkina, E. and Jetkind, A. (1993), *Oprosnik urovnya sub"ektivnogo kontrolya* [Questionnaire of the level of subjective control], Smysl, Moscow, Russia.
- Bedford, V.H. and Avioli, P.S. (2012), “Siblings in middle and late adulthood”, in Blieszner, R. and Bedford, V.H. (ed.), *Handbook of families and aging*, Praeger Santa, Barbara, CA, USA.
- Bodovski, K. (2014), “Adolescents' emerging habitus: The role of early parental expectations and practices”, *Journal of Sociology of Education*, vol. 35, pp. 389–412.
- Connolly, S.G. (1980), “Changing expectancies: A counselling model based on locus of control”, *The Personnel and Guidance Journal*, vol. 59, pp. 176–180.
- Egorova, M.S. and Parshikova, O.V. (2016), “Psikhometricheskie kharakteristiki Korotkogo portretnogo oprosnika Bol'shoi pyaterki (B5-10)”, *Psihologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 9, no. 45, p. 9, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1239-egorova45.html> (Accessed 10 Dec. 2021).
- Egorova, M.S. and P'jankova, S.D. (1992), “Search for sensations and features of the personal sphere”, *Materials of the international conference*

"Actual problems of psychological service: Theory and practice", vol. 2, Odessa, Ukraine, 8–9 September, 1992, pp. 140–143.

Jensen, A.C., Whiteman, S.D. and Fingerman, K.L. (2018), "Can't live with or without them:" Transitions and young adults' perceptions of sibling relationships", *Journal of Family Psychology*, vol. 32, no. 3, pp. 385–395.

Johnson, R.E., Rosen, C.C., Chang, C.-H. and Lin, S. (2016), "Assessing the status of locus of control as an indicator of core self-evaluations", *Personality and Individual Differences*, vol. 90, pp. 155–162.

Johnson, R.E., Rosen, C.C., Chang, C.-H. and Lin, S.-H. (2015), "Getting to the core of locus of control: Is it a core evaluation of the self or the environment?", *Journal of Applied Psychology*, vol. 100, pp. 1568–1578.

Jonason, P.K. and Webster, G.D. (2010), "The Dirty Dozen: A concise measure of the Dark Triad", *Psychological Assessment*, vol. 22, no. 2, pp. 420–432.

Kanfer, R., Frese, M. and Johnson, R.E. (2017), "Motivation related to work: A century of progress", *Journal of Applied Psychology*, vol. 102, pp. 338–355.

McHale, S.M., Kim, J. and Whiteman, S.D. (2006), "Sibling Relationships in Childhood and Adolescence", in Noller, P. and Feeney, J.A. (ed.), *Close relationships: Functions, forms and processes*, Psychology Press, New York, NY, USA.

McHale, S.M., Updegraff, K.A. and Whiteman, S.D. (2012), "Sibling Relationships and Influences in Childhood and Adolescence", *Journal of marriage and the family*, vol. 74, no. 5, pp. 913–930.

Morton, T.L. (1997), "The relationship between parental locus of control and children's perceptions of control", *The Journal of Genetic Psychology*, vol. 158, pp. 216–225.

Ng, T.W.H., Sorensen, K.L. and Eby, L.T. (2006), "Locus of control at work: A meta-analysis", *Journal of Organizational Behavior*, vol. 27, pp. 1057–1087.

Rotter, J.B. (1954), Social learning and clinical psychology, *Prentice Hall*, New York, NY, USA.

Rotter, J.B. (1966), "Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement", *Psychological Monographs*, vol. 80, pp. 1–28.

Sargent-Cox, K. and Anstey, K.J. (2015), "The relationship between age-stereotypes and health locus of control across adult age-groups", *Psychology & Health*, vol. 30, no. 6, pp. 652–670.

Spector, P.E. (1982), "Behavior in organizations as a function of employee's locus of control", *Psychological Bulletin*, vol. 91, pp. 482–497.

Suitor, J.J., Gilligan, M. and Pillemer, K. (2016), "Stability, change, and complexity in later-life families", in George, L.K. and Ferraro, K.F. (ed.), *Handbook of aging and the social sciences*, Elsevier, New York, NY, USA.

White, L. (2001), "Sibling relationships over the life course: A panel analysis", *Journal of Marriage and Family*, vol. 63, pp. 555–568.

Информация об авторе

Оксана В. Баскаева, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 9, стр. 4; *baskaeva.oksana@gmail.com*

Information about the author

Oksana V. Baskaeva, Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009; *baskaeva.oksana@gmail.com*

Взаимосвязь психоэмоциональных особенностей и ценностных ориентаций студентов при восприятии кино в условиях пандемии

Ася С. Берберян

*Российско-Армянский университет,
Ереван, Армения, aspsy@inbox.ru*

Анаит О. Оганесян

*Российско-Армянский университет,
Ереван, Армения, anahit.hovhannisyan00@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы психоэмоциональных особенностей и ценностных ориентаций студентов при восприятии кино в условиях пандемии. Авторы поставили своей целью изучение взаимосвязи психоэмоциональных особенностей и ценностных ориентаций студентов с учетом предпочтения определенного жанра фильма в условиях пандемии. Студенческий возраст открывает возможности для выявления направленности ценностных ориентаций и реализации личностного потенциала. В статье подчеркивается, что ценности и кино тесно взаимосвязаны, так как кино является действенным инструментом в социально-психологическом развитии человека. Анализ научной литературы, проведенный нами, показал, что ценностные ориентации очень сильно воздействуют на жизнь людей, на их выбор в жизненных ситуациях. Было проведено эмпирическое исследование и его результаты подтверждают выдвинутые гипотезы, которые заключались в предположении о том, что у студентов существует взаимосвязь между предпочтением определенного жанра фильма и показателем «развитие себя», а также получила подтверждение гипотеза, что модальность эмоций связана с уровнем духовного удовлетворения.

Ключевые слова: психоэмоциональные особенности, ценностные ориентации, жанр фильма, студенты

Для цитирования: Берберян А.С., Оганесян А.О. Взаимосвязь психоэмоциональных особенностей и ценностных ориентаций студентов при восприятии кино в условиях пандемии // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 1. С. 148–165. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-148-165

Interrelation of psycho-emotional characteristics and value orientations of students in the perception of cinema in a pandemic

Asya S. Berberyan

Russian-Armenian University
Yerevan, Armenia, anahit.hovhannisyan00@mail.ru

Anahit O. Oganessian

Russian-Armenian University
Yerevan, Armenia, aspsy@inbox.ru

Abstract. The issues of psycho-emotional characteristics and value orientations of students in the perception of cinema in a pandemic are presented in the article. The authors focused on psycho-emotional characteristics, value system of orientations and perception of cinema in a pandemic. Purpose of the research: to study the relationship between psycho-emotional characteristics and value orientations of students, taking into account the preference for a certain genre of film in a pandemic. Student age opens up opportunities for identifying the direction of value orientations and the realization of personal potential. The article shows that values and cinema are closely interrelated, since cinema is a very powerful tool in the socio-psychological development of a person. The analysis of scientific literature carried out by us has shown that value orientations have a very strong effect on people's lives, on their choice in life situations. An empirical study was carried out and the results of the study confirm the hypotheses put forward, which consisted in the assumption that students have a relationship between the preference for a certain film genre and the indicator of "self-development", and also the hypothesis was confirmed that the modality of emotions is associated with the level of spiritual satisfaction.

Keywords: psycho-emotional characteristics, value orientations, film genre, students

For citation: Berberyan, A.S. and Oganessian, A.O. (2022), "Interrelation of psycho-emotional characteristics and value orientations of students in the perception of cinema in a pandemic", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 148–165, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-1-148-165

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что эмоции, как фундаментальное свойство человеческой психики являются одним из главных компонентов при восприятии кино, в особен-

ности, в условиях пандемии. В настоящее время практически весь мир оказался в условиях тотальной пандемии и ограничительных мер, обусловленных распространением Covid-19, новой коронавирусной инфекции. Данный цивилизационный вызов относится ко всей жизнедеятельности человека, различных сфер общественной жизни, что нашло отражение в многочисленных исследованиях. В не меньшей степени эти вызовы касаются особенностей ценностных ориентаций студентов и их реализации.

Сегодня кинематограф – особенно актуальный феномен. Возникший в XIX веке как просто развлечение, он с течением времени развивался, трансформировался. Уже в XX веке человечество создало огромное множество фильмов различных видов, жанров: боевик, ужасы, детектив, драма, исторический фильм, комедия, мелодрама, документальный фильм, триллер, мистика и т.д., которые способны удовлетворить предпочтения любого, даже самого искушенного зрителя [Косенкова 2006]. Уже само это разнообразие является свидетельством того, что кино в современном мире значимо для людей, в частности, для молодежи.

В процессе социализации у молодежи формируются собственные ценностные ориентации, впоследствии они изменяются под влиянием культурной среды, в особенности, кинематографа. Его продукция базируется на ценностных ориентациях социума, но она является не только демонстрацией традиционных ценностей, но и способствует образованию новых, транслируя их и стимулируя формирование новой иерархии ценностных ориентаций современной молодежи [Колотаев 2001].

Цель исследования: изучение взаимосвязи психоэмоциональных особенностей и ценностных ориентаций студентов с учетом предпочтения определенного жанра фильма в условиях пандемии.

Теоретический обзор

Революция в науке об эмоциях произошла в последние несколько десятилетий. Эмоции очень важны в повседневной жизни, потому что эмоциональное выражение помогает предоставить информацию о статусе индивидуального взаимодействия с другими людьми и с окружающей средой [Gross, John 2003]. Эмоции обычно изучаются в ракурсе трех компонентов: когнитивно-эмпирического («чувства»), поведенческого экспрессивного (например, выражения лица) и физиолого-биохимического (физические состояния). Эмоции играют центральную роль в нашей жизни, в наших отношениях с другими (симпатия, сочувствие, смех, любовь и т.д.). Ими можно манипулировать с помощью рекламы, чтобы заставить человека купить определенный продукт, на них пытаются воздействовать политики, которые хо-

тят, чтобы люди голосовали за них, или любые другие люди, желающие соблазнить массы. Эмоции могут заставить людей совершать импульсивные действия, о которых они потом сожалеют, могут усложнить жизнь человека (например, застенчивость, стресс) и мешать работе, отвлекая его. Мы обычно считаем, что должны контролировать свои эмоции, чтобы быть рациональными или работать лучше. (Между прочим, у спортсменов теперь есть ментальные тренеры, которые учат их контролировать свои эмоции.) На самом деле, все больше и больше людей обращаются к таким психологам или читают книги, призванные помочь им контролировать нежелательные эмоции.

В психологической науке исследуется адаптивная роль эмоций в жизни человека, существуют теории для объяснения их возникновения с когнитивной точки зрения [Pettinelli 2013]. Эмоции больше похожи на сознательную мысль, чем чувства. Хотя эмоции и чувства можно описать как бессознательные мысли, одно из них будет больше похоже на сознательное мышление. Чувства больше похожи на ощущения: когда вы касаетесь чего-то, вы испытываете чувство. Эмоции – это просто бессознательные мысли. На самом деле их лучше было бы описать как бессознательные чувства (то есть чувство похоже на осознанную эмоцию, потому что вы можете «чувствовать» его лучше и легче, но эмоция – это более глубокий, бессознательный опыт, похожий на бессознательную мысль).

Человек – это контекстуализированная личность с интенциональными установками, характеризующаяся онтологической двусмысленностью и способная занимать позицию. Этот вывод можно сделать в соответствии с тремя фундаментальными аспектами концепции человека: интенциональностью, темпоральностью и нарративностью. Интенциональность – это аспект психического состояния – быть «о чем-то». Стандартный феноменологический взгляд на настроения и аффекты более или менее ясен при одном фундаментальном различии: настроения непреднамеренны и воздействуют преднамеренно. Однако этот взгляд можно изменить, соединив два состояния чувств с человеком. Правильно сказать, что такой аффект, как страх, связан с конкретным объектом страха и что тревожное настроение не указывает на какой-либо конкретный объект, а проявляется как неартикулированная фоновая тональность или атмосфера, загрязняющая все поле сознания человека. Тем не менее, настроение, кажется, влияет на то, как люди относятся к миру, в том смысле, что оно сопровождается определенной атмосферой в восприятии людей. А ситуация, которая сначала не испугала их вообще, сейчас наполняет непреодолимым желанием убежать и

искать защиты. Под концепцией темпоральности понимается то, как человек переживает время и как существование человека неизбежно формируется и развивается во времени. Настроения и аффекты отображают разные временные паттерны. Аффекты часто короче настроения. Они увлекают человека, занимают все его поле деятельности осознанности и тем самым подталкивают его к определенному действию в течение ограниченного периода времени. Напротив, настроение может длиться дни, недели или даже годы, парализовать мысли и удерживать человека от действий (грусть) или порождать в странные поступки без мыслей о прошлом или будущем (эйфория).

Одна из главных задач, которая касается представителей разных направлений науки, заключается в понимании восприятия. Очень быстрый прогресс средств массовой информации, появление новых возможностей воспроизведения экранного изображения стали причиной необходимости изучения эстетических и психологических проблем, так как они очень сильно влияют на психику и сознание человека и на то, каким образом он видит мир, какое у него формируется мышление и как он себя ведет.

Проблема того, как кино влияет на восприятие, рассматривается сразу несколькими науками такими, как эстетика, культурология, киноведение, когнитивная и социальная психология, социология. Восприятие, которое трансформируется вследствие воздействия телевидения и кино, нужно изучать с точки зрения культуры и эстетики [Колотаев 2001; Любимова 2000; Маслоу 1997].

Фильм, кино, или кинокартина, – это отдельное произведение киноискусства. Кинематограф – область человеческой деятельности, которая связана с созданием и воспроизведением фильмов. Он включает в себя область применения кино как одного из направлений искусства, а также киноиндустрию. Просмотр фильмов является неотъемлемой частью нынешней культуры. Герои известных кинокартин и актеры, их воплощающие на экране, нередко становятся знаменитыми, а их образы – узнаваемыми. Для того чтобы люди могли смотреть фильмы группами, что вызывает больше удовольствия, были специально созданы кинотеатры, а дома можно смотреть кино при помощи телевизора, а с развитием технологий – и при помощи компьютеров, планшетов, смартфонов (тем более в условиях пандемии).

Работы зарубежных теоретиков кино – А. Базен и З. Кракауэр, Р. Арнхейма, – рассматривающие особенности эстетического восприятия, визуального мышления и психологию искусства, также представляют большую ценность. Позитивные или негативные эмоции, а точнее их направленность, не связаны с эмо-

циональным удержанием и вытеснением. Эту особенность демонстрируют психологические приемы, ориентированные на создание собственного творческого отношения к фильму. После просмотра фильма, выражая свое личное отношение к фильму вслух, актуализируя эмоциональные состояния, субъект сохраняет все те впечатления, которые он пережил в процессе просмотра. Когда же субъект говорит о себе и повествует о собственном эмоциональном впечатлении, то его впечатление вытесняется, трансформируется вовне. В связи с чем данные свойства несут в себе либо положительные, либо отрицательные отзывы о конкретном фильме. Основанный на этом выбор определяет стратегию постпросмотрового потребления кинопродукции, так называемого постпросмотрового синдрома [Розогин 2014]. Если человек участвует в дискуссиях, выражает свое мнение относительно фильма, проявляя внимание к деталям фильма, анализирует фабулу фильма, то он актуализирует свое мнение о фильме, ставя в центр внимания то, что увидел и услышал на экране, и, соответственно, он в большей степени настроен на дальнейшее воспроизводство кинопродукции. Но в случае, когда личность обращает внимание на свои переживания, то просмотр фильма приводит к состоянию рефлексии собственных чувств и переживаний. Все то, что человек видел ранее в кинофильме, в ближайшее время исчезает из его памяти, заполняя память другими, более яркими эмоциональными всплесками. Если же ассоциативный ряд имеет лишь описательные конструкции, которые не позволяют человеку погрузиться в фильм на эмоциональной волне, то потребление кинопродукции можно считать завершенным. У зрителя происходит отчуждение увиденного, следовательно, он испытывает постпросмотровый синдром. После просмотра определенного кинофильма зритель выходит в измененном состоянии именно потому, что он проводит конкретное время в специфичном месте. Значительное сильное воздействие, оказываемое на эмоциональную составляющую психики, имеет название «постпросмотровый синдром». Человек либо акцентирует внимание на фильме, эмоционально наделяя его специфическими характеристиками, либо он в эмоциональной форме описывает свое личное состояние. В обоих случаях в результате переживаемого им постпросмотрового синдрома видоизменяется его поведение, но на основе измененного эмоционального состояния [Косенкова 2006].

В настоящее время в кинематографе продолжают эксперименты с привлечением новых технологий, особый интерес представляет компьютерная графика и 3D эффекты в кино. По показателям смысловой нагрузки можно выделить 2 формы – авторское и массовое кино. К авторскому кино относятся деяте-

ли кинематографа, продолжающие эксперименты с восприятием, взаимодействием со зрителем, огромная роль здесь отводится как содержательной части фильма, так и специфическим техническим характеристикам кинематографического искусства. Массовое кино имеет функцию развлекательного, зрелищного феномена, поэтому ведущую роль в нем играют новые технологии и спецэффекты, привлекающие и развлекающие зрителя.

Большинство современных исследований по проблемам влияния кино подтверждают, что фильмы оказывают воздействие на «Я» – образы зрителя, их психоэмоциональные состояния, социальные установки. В.А. Колотаев [Колотаев 2001] в своих работах указывает, что искусство, и кино в особенности, могут не только оказывать определенное психологическое воздействие на зрителя, но оно способствует формированию идентичности групп современников.

Студенческий возраст является той стадией социализации, где деятельность и ролевая структура личности получает новые, взрослые качества. Основная социальная проблема в данный период заключается в выборе профессии. Жизнь девушек и юношей приобретает новые направления и специфику в зависимости от того, какую профессию и какое учебное заведение они выбирают. Это способствует расширению кругозора студентов, они становятся более ответственными, и область их интересов расширяется [Берберян, Берберян 2017; Любимова 2000; Лисовский 2000].

По сути, студенческий возраст является пограничным, так как представляет собой переходную стадию от созревания к зрелости и именуется поздней юностью и ранней взрослостью (18-25 лет). Б.Г. Ананьев считал, что в студенческом возрасте у человека развиваются фундаментальные социогенные потенции. На психику человека имеет огромное воздействие высшее образование, которое, помимо этого, способствует развитию личности. Если человек получает высшее образование в университете и если в данном учебном заведении есть хорошие условия, то у студентов развиваются все уровни психики. Они характеризуют направленность ума человека, то есть формируют склад мышления, который, в свою очередь, закладывает основы профессиональной направленности личности. Для достижения высокой академической успеваемости необходим достаточно высокий уровень общего интеллектуального развития, в особенности познавательных способностей – восприятия, памяти, мышления, внимания и т.д. [Аминев 1990].

Интеллектуальное и физическое развитие доходит до своего максимума в студенческие годы, и именно в это время появляются

ся сложности между возможностями и их реальной реализацией. Некоторые ученые (Б.Г. Ананьев, А.В. Дмитриев, И.С. Кон, В.Т. Лисовский и др.) полагают, что время обучения в вузе соответствует второму периоду юности (либо первому периоду зрелости), который характеризуется особенностями формирования личностных черт. Основной чертой нравственного и духовного развития в данный момент является увеличение осознанных мотивов поведения. Некоторые характеристики, недостаточно выраженные в старшей школе – целеустремленность, ответственность, решительность, настойчивость, самостоятельность, инициатива, умение владеть собой, – в период обучения в вузе значительно усиливаются и стабилизируются. У студентов повышается заинтересованность по отношению к различным моральным дилеммам и проблемам: цель, образ жизни, любовь, смысл, верность [Бабосов и др. 2001]. Говоря о психологических особенностях, нужно подчеркнуть, что различия между ними заключаются не в уровне возможностей, а в том, как по-особенному они проявляются. Они определяют способы работы, но не уровень достижений. Также важно отметить, что умственные возможности личности создают предпосылки для компенсации психологических недостатков [Яницкий 2000].

На этапе студенческого возраста для личности открываются возможности для определения направленности ценностных ориентаций и раскрытия личностного потенциала. Э. Шпрангер, исследуя ценностные ориентации молодежи [Шпрангер 2014], выделяет в качестве основных новообразований данного возрастного этапа открытие «Я», рефлексию и ее развитие, осмысление собственной индивидуальности и создание начального этапа жизненного плана. На базе данных исследований он рассматривал ценностные ориентации и их реализацию. Шпрангер указывает, что студенческий возраст позволяет ответить на различные вопросы: «Кто Я?», «Каким я должен стать?», «Какими меня хотят видеть окружающие?», которые отображают нравственное содержание собственного поведения. Кроме этого, сопоставляются свои ценностные ориентации с общечеловеческими ценностями, происходит их последующее принятие, отторжение или адаптация к собственным воззрениям.

Б.Г. Ананьев [Ананьев 1997] отмечал, что ценностные ориентации включают в себя «первичный класс личностных свойств» в противоположность вторичному, входящие в который основаны на мотивации, структуре общественного поведения и т.д. Ценностные ориентации базируются на социальных ценностях, отражаясь сквозь призму жизненного опыта, впечатлений индивида, что определяет индивидуальное при каждом конкретном случае,

дифференцируя «значимое» и «несущественное». Ценностные ориентации являются системой представлений, существующих в виде идеалов, норм, целей, интересов и т.д. в сознании субъекта. Данная система представлений формируется в процессе социализации, относя предмет либо явление к определенному классу «нормальных, средних, типичных или должных» предметов. Батуриин указывал: «В наиболее простом случае оценочное основание – это представление о единичном, но действительно эталонном объекте, признанном таковым на основе индивидуального или социального опыта» [Батуриин 1989].

Концепция ценностных ориентаций носит мультипарадигмальный характер. В зависимости от того, какое конкретное исследование какие имеет предпочтения, ценностные ориентации могут изучаться с позиций философии, психологии, социологии, экономики и др. общественных наук. Д.А. Леонтьев [Леонтьев 1996] очень тщательно анализировал проблему ценностей именно как проблему междисциплинарного характера. Д.А. Леонтьев считал, что существует 3 формы ценностей:

1. Идеалы общественного характера как базовые представления относительно совершенства в разных областях общественной жизни.

2. Предметно-воплощенные ценности в качестве результатов материальной и духовной культуры человечества.

3. Личностные ценности. Леонтьев определяет также современные подходы к рассмотрению понятия «ценности», а именно: феноменологический, социологический, экзистенциальный, синергетический, позитивистский, персоналистический онтологизм, социокультурный подход, прагматический, бихевиористский, социально-психологический, постмодернистский [Леонтьев 1996]. Понятие «ценностная ориентация» вошло в социальную психологию в виде альтернативы философскому понятию «ценность» как в большей степени практико-ориентированное. В соответствии с данным подходом, «Ценностная ориентация – это отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров» [Бойков 2009]. В психологии понятие ценностных ориентаций было переосмыслено в ходе развития различных направлений. К примеру, психоаналитическое направление исследует противоречие между различными индивидуальными ценностями, которые находятся в области «Эго», происходят из неосознанной сферы «Ид», и социальными ценностями (религиозными, нравственными, официальными), находящимися в области «Супер-Эго». В гуманистическом направлении раскрывается вопрос, связанный со «смысловыми образованиями» как

высшими человеческими ценностями, которые осуществляют важную регулятивную роль (А. Адлер, Э. Фромм, К. Хорни). Экзистенциальная психология и созданная в ее рамках логотерапия рассматривает ценности в качестве неких «универсалий смысла», то есть «смыслов», характерных для больших социальных групп в процессе всей истории развития человечества. Такой универсальный характер ценности приобретают в ходе своего осмысления: «Как я постигаю какую-либо ценность, я автоматически сознаю, что эта ценность существует не сама по себе, независимо от того, принимаю я ее или нет». [Франкл 1990]. Российская психология, анализируя понятие «ценность», говорит о понятиях: «основная жизненная направленность» (Б.Г. Ананьев), «динамическая тенденция» (С.Л. Рубинштейн), «смыслообразующий мотив» (А.Н. Леонтьев) и «доминирующее отношение» (В.Н. Мясищев).

В настоящее время в психологии сформировалось несколько представлений о ценностях:

1. Ценности иерархичны. Так, А. Маслоу выделяет ценности бытия, называя их Б-ценностями, и дефицитные ценности, называя их Д-ценности. Дефицитные ценности являются «низшими», так как направлены на удовлетворение потребностей материального порядка. Ценности бытия – «высшие», характерные для самоактуализирующихся людей (ценности «истина», «добро», «красота», «справедливость», «самодостаточность» и т.п.) [Маслоу 1997].

2. Ценности – также способ понимания окружающего мира. В зависимости от конкретной задачи человек может следовать «сквозным ценностям», основным в любой сфере деятельности, «фундаментальным ценностям», не зависящим от сферы и обстоятельств жизнедеятельности, и «базовым ценностям», составляющим основание ценностного сознания людей и неосознанно влияющим на выбор в той или иной ситуации [Стойлик 2003а].

3. Ценности универсальны. Анализ психодиагностики ценностей показывает, что их общее число невелико [Стойлик 2003].

4. Вместе с тем все отмеченные ценности характерны для значительного числа людей, хотя и относятся к каждому индивиду лишь в определенной степени.

Студенческий возраст – один из самых плодотворных периодов для формирования профессиональных знаний, научного, профессионального и личностного роста. В переходные, кризисные периоды развития личности формируются новые ценностные ориентации, потребности и интересы, а на их базе происходит трансформация личностных качеств, свойственных предшествующему периоду. Ценностные ориентации относятся к главным

компонентам структуры личности, по уровню развития которой можно судить об ее сформированности. Ценностные ориентации тесно связаны с формированием самосознания, осмыслением положения своего «Я» в системе социальных отношений, формирующих мотивационно-потребностную сферу. Повышение интереса исследователей к изучению ценностей и ценностных ориентаций наблюдалось в 60-х гг. прошлого столетия и было связано с консультированием по вопросам образования и профессиональной ориентацией, прогнозированием социального поведения человека.

Кинематограф как феномен массовой культуры, с одной стороны, как в зеркале отражает ценности современного общества, а с другой стороны, в значительной степени воздействует на формирование ценностных ориентаций зрителей. Студенческий возраст – это время социализации, определения ценностных ориентаций, потребностей, интересов и предпочтений, которые в совокупности формируют характер потенциального профессионала и полноценного члена социума. Именно студенческая молодежь нередко оказывается подверженной влиянию продуктов массовой культуры (модные тренды, кинематограф) [Косенкова 2006]. Главным образом ценностные ориентации личности формируются в студенческие годы, когда человек наиболее энергичен, амбициозен, активен и стремится к самосовершенствованию и саморазвитию. К основным функциям образования относится формирование у молодых людей ценностных ориентиров, доминирующих в данном социуме и государстве.

Исследователи обнаружили, что фильмы могут иметь мифологические подтексты, которые способны воздействовать на сознание массовой аудитории, но не осознаваемые ею. Кроме этого, в фильмах наличествуют внекинематографические проявления коллективного бессознательного (культурные и исторические архетипы с утопическими представлениями, мифы, религиозные и фольклорные символы). Они связывают фабулу, содержание и спецэффекты с ценностным контентом. Особое влияние кинематограф оказывает на студенческую молодежь, так как она, во-первых, находится на этапе профессионального и трудового становления, а во-вторых, собой перспективную производственную силу, которая определяет общую траекторию социального развития.

Кино в большинстве случаев воздействует на подсознательную сферу личности, минуя логическую сферу сознания в соответствии с критериями отбора, заданными аналитическим мышлением. Ее смысловое содержание, в основном, не подвергается критике и, таким образом, перестает быть эффективным средством

воздействия на личность [Колотаев 2001]. Кинофильмы участвуют в создании иллюзорной, мифологизированной картины мира. Впечатления и переживания, которые человек получает при просмотре фильмов, могут стать причиной трансформации ценностных ориентаций и мотивации личности. К данному выводу приходят исследователи, представляющие медиакультуру как феномен современного общества. Когда зритель сравнивает идеальные картинки из фильмов с реальностью, то он стремится приблизиться к экранному образу, так как начинает чувствовать свое несоответствие при подобном сравнении. В данных условиях несложно понять, почему современное общество ориентировано на образ, связанный с физическими показателями человека, почему актуализируется эйджизм. Если взрослый человек с устоявшейся системой ценностных ориентаций и сложившимся мировоззрением способен различать культурные коды, соотносить кинообразы со своими ценностями, то молодежь, в основном, оказывается не способной к такой «фильтрации» и, следовательно, принимает на веру все, что демонстрируется в фильмах.

Гипотеза 1: Мы предполагаем, что модальность эмоций взаимосвязана с уровнем духовного удовлетворения студентов.

Гипотеза 2: Мы предполагаем, что существует корреляция между предпочтением определенного жанра фильма и уровнем саморазвития.

Методологическая база – теории и научные труды Б.Г. Анянбева, И.С. Кона, Д.А. Леонтьева, Л.Н. Банниковой, Ю.Г. Волкова, В.Т. Лисовского, И.П. Савченко, К. Хорни, Г.С. Абрамова.

Методы исследования. Анализ научной литературы, анкетирование, метод математической статистики, тестирование, в том числе, методики К. Изарда «Дифференциальная шкала эмоций», используемая для диагностики доминирующего эмоционального состояния; «Опросник терминальных ценностей (oTeЦ)» (Г. Сенин) – предназначен для диагностики жизненных целей человека, авторская анкета.

Выборка. Данное исследование было проведено со студентами Российско-Армянского университета различных направлений общим количеством 120 человек.

Первая методика – «Дифференциальная шкала эмоций», разработанная К. Изардом, выявляет доминирующее эмоциональное состояние с помощью шкалы значимости эмоций. Эта методика включает 30 шкал, которые отражают различные оттенки эмоциональных переживаний. Для оценки каждой из 10 базовых эмоций используются 3 частные шкалы. Вторая методика разработана Г. Сениным в 1991 году. Она базируется на двух пред-

положениях: во-первых, жизненные сферы в различной степени проявляются в жизни каждого человека, имеют для людей разную степень значимости, а, во-вторых, в каждой из них реализуются различные для личности испытуемого желания, интересы, потребности и стремления, которые являются одним из компонентов направленности личности.

Также была составлена анкета для определения некоторых аспектов восприятия фильмов: любят ли респонденты посещать кинотеатры и смотреть кино; какие эмоции они обычно испытывают; какого рода фильмы больше предпочитают; посещают ли кинотеатры в условиях пандемии и как она отразилась на их отношении к фильмам.

Анализ и обсуждение результатов. По результатам первой методики было выявлено, что у 65% студентов наблюдаются положительное самочувствие и повышенное настроение. У остальных 35% студентов преобладают отрицательное самочувствие и соответственно пониженное настроение.

Рис 1. Результаты исследования доминирующего эмоционального состояния у студентов.

По результатам исследования второй методики было выявлено, что у 15% респондентов уровень «развития себя» – высокий, у 80% – средний, а у 5% – низкий. Показатель «духовного удовлетворения» у 20% студентов – высокий, у 80% – средний и низкий – отсутствует.

Как видим по результатам, отраженным в графике (рис. 3), более всего (25%) студентов предпочитают жанр комедии, в равной степени – драмы и документальные фильмы (по 15% студентов). Кроме того, нами был проведен корреляционный анализ по двум гипотезам. По первой гипотезе по предполагаемой взаимосвязи между самочувствием и духовным удовлетворением была выявлена положительная корреляция (0,3). По второй – анализ данных

по признаку «развитие себя» и предпочтение определенного жанра фильма – была также выявлена положительная корреляция (0,5).

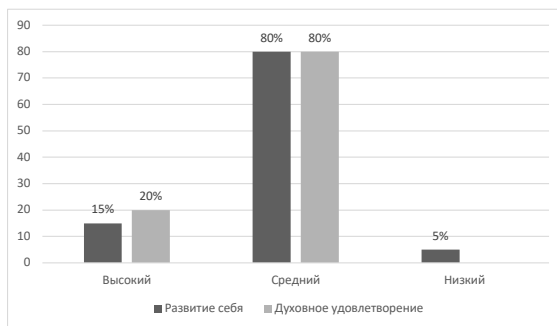

Рис. 2. Результаты исследования жизненных целей и ценностей у студентов – испарить цвет.

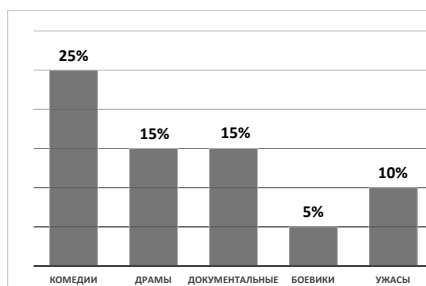

Рис. 3. Жанры фильмов, которые больше всего предпочитают студенты.

Ценности и кино очень тесно взаимосвязаны, так как кино является очень важным инструментом в социально-психологическом развитии человека. Основная идея, смысл и содержание фильма могут иметь сильнейшее влияние на аффективную и когнитивную сферы личности. Многие исследования акцентируют свое внимание на отрицательных воздействиях фильмов, и эта тревожность может быть оправданной, так как фильмы не всегда оказывают на аудиторию только положительное влияние, особенно на студентов.

Заключение

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Анализ научной литературы, проведенный нами, показал, что ценностные ориентации очень сильно воздействуют на жизнь лю-

дей, на их выбор в тех или иных жизненных ситуациях. Ценностные ориентации относятся к главным составляющим элементам структуры личности, по которым можно судить об уровне ее сформированности.

2. Мы провели эмпирическое исследование и по первой методике выявили, что у 65% студентов наблюдаются положительное самочувствие и повышенное настроение, а у остальных 35% студентов преобладают отрицательное самочувствие и пониженное настроение. По второй методике было обнаружено, что у 15% студентов уровень «развития себя» – высокий, у 80% – средний, а у 5% – низкий. Показатель «духовного удовлетворения» у 20% студентов – высокий, у 80% – средний и низкий – ни у одного из студентов.

3. По результатам исследований психоэмоциональных особенностей и ценностных ориентаций студентов с учетом предпочтения жанра фильма мы определили, что модальность эмоций связана с уровнем духовного удовлетворения и что существует взаимосвязь между предпочтением определенного жанра фильма и уровнем собственного развития. Соответственно, наши гипотезы получили подтверждение.

Литература

- Аминев 1990 – *Аминев Г.А.* Структура динамических показателей интеллектуальной деятельности студентов // Вопросы психологии. 1990. № 6. С. 145–146.
- Ананьев 1997 – *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1997. 380 с.
- Бабосов и др. 2001 – *Бабосов Е.М., Бабосов С.Е., Клименко В.А., Яковчук Т.И.* Динамика ценностных ориентаций молодежи в трансформирующемся обществе. Минск: Современное слово, 2001. 160 с.
- Батурин 1989 – *Батурин Н.А.* Проблемы оценивания и оценки в общей психологии // Вопросы психологии. 1989. № 2. С. 81–99.
- Берберян, Берберян 2017 – *Берберян А.С., Берберян Э.С.* Этнопсихологические аспекты смысложизненных и ценностных ориентаций студенческой молодежи // Вопросы психологии. 2017. № 1. С. 103–116.
- Бойков 2009 – *Бойков В. Э.* Ценностные ориентации россиян как фактор интеграции и дезинтеграции общества // Социология власти. 2009. № 7. С. 29–41.
- Колотаев 2001 – *Колотаев В.А.* Семиотическая роль «Другого» в эстетической реальности киноискусства // Мир психологии. 2001. № 3. С. 143–157.
- Косенкова 2006 – *Косенкова Н.Г.* Особенности воспроизведения экранного изображения и их воздействие на зрителя: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. ВГИК им. С.А. Герасимова, 2006.

Леонтьев 1996 – *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 22–25.

Лисовский 2000 – *Лисовский В. Т.* Духовный мир и ориентации молодежи. СПб: СПбГУП, 2000. 289 с.

Любимова 2000 – *Любимова Г.Ю.* От первокурсника до выпускника: проблемы профессионального и личностного самоопределения студентов-психологов // Вестник Московского университета. Серия 14. «Психология». 2000. № 1. С. 48–56.

Маслоу 1997 – *Маслоу А.* Психология бытия. М: Рефл-бук, 1997. 304 с.

Розогин 2014 – *Розогин Д.* Постпросмотровый синдром // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 3. С. 27–30.

Стойлик 2003 – *Стойлик А.Ю.* Ценностные ориентации: социально-психологический и гендерный аспекты // Журнал прикладной психологии. 2003. № 6. С. 60–69.

Франкл 1990 – *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М: Прогресс, 1990. 368 с.

Шпрангер 2014 – *Шпрангер Э.* Формы жизни: Гуманитарная психология и этика личности. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 400 с.

Яницкий 2000 – *Яницкий М.С.* Психологические факторы и механизмы развития системы ценностных ориентаций личности: дис. ... д-ра психол. наук. НГПУ, 2000. 301 с.

Gross, John 2003 – *Gross J.J., John O.P.* Individual differences in two emotion regulation processes: Implications for affect, relationships, and well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. no. 85 (2). P. 348–362.

Pettinelli 2013 – *Pettinelli M.* The Psychology of Emotions, Feelings and Thoughts. Heslington, UK: Higher Education Academy, 2013.

References

Aminev, G.A. (1990), “The structure of dynamic indicators of students’ intellectual activity”, *Voprosy Psikhologii*, no. 6, pp. 145–146.

Anan'yev, B.G. (1997), *O problemakh sovremennogo chelovekozvaniya* [On the problems of modern human science], *Nauka*, Moscow, Russia, 380 p.

Babosov, Ye.M., Babosov, S.Ye., Klimenko, V.A. and Yakovchuk, T.I. (2001), *Dinamika tsennostnykh oriyentatsiy molodezhi v transformiruyushchemsya obshchestve* [Dynamics of value orientations of youth in a transforming society], *Sovremennoye slovo*, Minsk, Belarus, 160 p.

Baturin, N.A. (1989), “Problems of evaluation and assessment in general psychology”, *Voprosy psikhologii*, no. 2, pp. 81–99.

Berberyan, A.S. and Berberyan, E.S. (2017), "Ethnic psychological aspects of sense-of-life and value orientations in students", *Voprosy psikhologii*, no. 1, pp. 103–116.

Boykov, V.E. (2009), "Value orientations of Russians as a factor of integration and disintegration of society", *Sotsiologiya vlasti*, no. 7, pp. 29–41.

Kolotayev, V.A. (2001), "The semiotic role of the "Other" in the aesthetic reality of cinematography", *Mir psikhologii*, no. 3, pp. 143–157.

Kosenkova, N.G. (2006), Features of screen image reproduction and their impact on the viewer, Abstract of Ph.D. dissertation, Gerasimov Institute of Cinematography, Moscow, Russia.

Leont'yev, D.A. (1996), "Value as an interdisciplinary concept: experience of multidimensional reconstruction", *Voprosy filosofii*, no. 4, pp. 22–25.

Lisovskiy, V.T. (2000), *Dukhovnyy mir i orientatsii molodezhi* [Spiritual world and youth orientation], SPbGUP, Saint Peterburg, Russia, 289 p.

Lyubimova, G.Yu. (2000), "From first-year student to graduate: problems of professional and personal self-determination of psychology students", *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 14 "Psikhologiya"*, no. 1, pp. 48–56.

Maslou, A. (1997), *Psikhologiya bytiya* [Psychology of being], Refl-buk, Moscow, Russia, 304 p.

Rozogin, D. (2014), "Postviewing Syndrome", *Teleskop: Zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, no. 3, pp. 27–30.

Stoylik, A.Yu. (2003), "Value orientations: socio-psychological and gender aspects", *Zhurn. prikladnoy psikhologii*, no. 6, pp. 60–69.

Frankl, V. (1990), *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning], Progress, Moscow, Russia, 368 p.

Shpranger, E. (2014), *Formy zhizni: Gumanitarnaya psikhologiya i etika lichnosti* [Forms of life: humanitarian psychology and personality ethics], "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya", Moscow, Russia, 400 p.

Yanitskiy, M.S. (2000), Psychological factors and mechanisms of development of the system of value orientations of the personality, Ph.D. Thesis, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, 301 p.

Gross, J.J. and John, O.P. (2003), "Individual differences in two emotion regulation processes: Implications for affect, relationships, and well-being", *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 85 (2), pp. 348–362.

Pettinelli, M. (2013), *The Psychology of Emotions, Feelings and Thoughts*, Higher Education Academy, Heslington, UK.

Информация об авторе

Ася С. Берберян, доктор психологических наук, профессор, Российско-Армянский университет, Ереван, Армения; 0019, Армения, Ереван, ул. Лемкина, д. 9, кв. 2; *aspsy@inbox.ru*

Анаит О. Оганесян, Российско-Армянский университет, Ереван, Армения; 0019, Армения, Ереван, ул. Лемкина, д. 9, кв. 2; *anahit.hovhannisyan00@mail.ru*

Information about the author

Asya S. Berberyan, Sc.D. (Psychology), professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia; apt. 2, bld. 9, Lemkin street, Yerevan, Armenia, 0019; *aspsy@inbox.ru*

Anahit O. Oganesyanyan, Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia; apt. 2, bld. 9, Lemkin street, Yerevan, Armenia, 0019; *anahit.hovhannisyan00@mail.ru*

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

И.В. Попова

Компьютерная верстка

В.С. Гусельцева

Оригинал-макет подготовлен
в Институте психологии
им. Л.С. Выготского РГГУ

Подписано в печать 21.03.2022.
Формат 60x90 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 8,1. Усл. печ. л. 10,4.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1431.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru